ПРОГНИВШИЕ НАСКВОЗЬ

ПИТЕР ЭВЕРЕТТ

бывший руководитель морга, журналист-расследователь

18+

ТЕЛА И НЕЗАКОННЫЕ ДЕЛА В ГЛАВНОМ МОРГЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

"Не все покойники покоятся с миром."

Annotation

Что мы знаем о работе патологоанатома и внутренней жизни такого мрачного места, как морг? Эта книга написана человеком, которому довелось пройти путь от рядового служащего до директора главного морга в Великобритании, провести несколько тысяч вскрытий, поучаствовать в расследовании нашумевшего дела «Скотвеллского душителя» и очутиться в пучине настоящего коррупционного скандала. Питер Эверетт имел дело со смертью в разных обличиях, но самым неожиданным и неприятным открытием для него стали недобросовестность, непрофессионализм и цинизм живых людей, которые называли себя его коллегами. Книга «Прогнившие насквозь» приоткрывает дверь в мрачный мир работников морга, о котором большинство из нас ничего не знает.

- Питер Эверетт
  -
  -
  - Об авторе
  - Пояснение автора
  - Свидание в Самарре
  - 01. Свидание со смертью
  - 02. Дорога к смерти
  - 03. Жизнь в смерти
  - 04. Самое бессмысленное убийство
  - 05. Прогнившие люди
  - 06. Ужасная трагедия
  - 07. Под прикрытием
  - 08. Суд
  - 09. Вопросы без ответа
  - 10. Катастрофа в небе
  - 11. Жизнь продолжается
  - 12. Короткие Ножки
  - 13. Стоквеллский душитель
  - 14. Уборка

- 15. Спрятанное под землей
- 16. Судмедэксперт поневоле
- 17. Проблема с Пекхэмом
- 18. Опасная бесчувственность
- 19. Теряя рассудок
- Эпилог
- Благодарности
-

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48

Питер Эверетт
Прогнившие насквозь
Тела и незаконные дела в главном морге Великобритании

Peter Everett & Kris Hollington
Corrupt Bodies. Death and Dirty Dealing in a London Morgue
Text copyright © 2019 Peter Everett and Kris Hollington

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*** * ***

Посвящается моей жене Венди и сыну Алистару, разделившим со мной кошмар до самого конца

Об авторе

Питер Эверетт – бывший заведующий моргом Саутуарка. Он имел дело с более чем 12 000 смертей, 400 из которых были насильственными. Впоследствии Эверетт стал тележурналистом в программе «Отчет Кука» (The Cook Report) на канале ITV, где занимался, помимо прочего, расследованием незаконной торговли человеческими органами. Теперь он руководит компанией, создающей телевизионные программы, и живет со своей женой Венди на юго-востоке Лондона. Это его первая книга.

Пояснение автора

Очень важно заботиться о том, чтобы секреты и истории некоторых людей, с которыми я столкнулся по своей работе (свидетели, полицейские, занимающиеся деликатной работой, и родственники некоторых жертв, в особенности детей), не были представлены таким образом, чтобы их кто-то узнал. За исключением публичных персон, автор сохранил конфиденциальность этих людей, изменив их имена и некоторые детали. Тем не менее читатель может не сомневаться в реальности каждого описанного дела. Те, что получили публичную огласку, представлены без каких-либо изменений.

Свидание в Самарре

(в пересказе Сомерсета Моэма, от лица Смерти)

«Жил в Багдаде купец. Послал он на базар своего слугу за продуктами, и вскоре тот вернулся, бледный и дрожащий, и сказал: «Господин, только что, когда я был на базаре, меня толкнула в толпе старуха, и, повернувшись, я увидел, что это была Смерть. Она посмотрела на меня и пригрозила рукой. Позвольте мне взять вашу лошадь, и я поскачу прочь из города, чтобы избежать своей участи». Купец дал ему лошадь, слуга сел на нее, вонзил ей в бока шпоры и помчался. Затем купец вернулся на базар и увидел меня, стоящую в толпе, подошел ко мне и спросил: «Почему ты пригрозила моему слуге, когда увидела его сегодня утром?» Я сказала, что не угрожала ему, а просто вздрогнула от удивления. Я не ждала увидеть его в Багдаде, так как в тот вечер у нас с ним было назначено свидание в Самарре».

01. Свидание со смертью

7 июня 1982

Меня разбудил пронзительный звонок телефона. Едва проснувшись, я потянулся к аппарату, случайно смахнул с прикроватного столика трубку для табака, из-за чего выругался, тем самым разбудив Венди.

– Да? – спросил я, протирая глаза. Светящиеся стрелки часов у кровати показывали 5:50.

Звонили из офиса коронера[1]. В Стретэме обнаружили тело. За мной выехала полицейская машина.

– Хорошо, спасибо, – только и смог я выдавить из себя, с трудом сев. И тут же пожалел о вчерашних поздних посиделках с доктором Иэном Уэстом, инспектором уголовной полиции Дугласом «Дуги» Кэмпбеллом и еще двумя детективами из убойного отдела. Иэн, заядлый курильщик, был добродушным и отзывчивым по натуре, а еще умел по-настоящему наслаждаться жизнью. Он был популярен среди детективов, потому что мог перепить каждого из них, за исключением, казалось, Дуги. Кроме того, Иэн был выдающимся судебно-медицинским экспертом. Позже, в 1984-м, доктор Уэст проведет вскрытие полицейской Ивонн Флетчер, застреленной на улице рядом с ливийским посольством, и докажет, что пуля была выпущена из окна посольства.

Я весил относительно мало и редко злоупотреблял спиртным, однако последняя порция в ту ночь явно была лишней.

> В сумке работника морга всегда есть мел, веревка, линейки, компас, лупа, фотоаппарат, альбом для рисования и латексные перчатки.

Пять минут спустя я открыл входную дверь подъезда своего многоквартирного дома, и в лицо мне со всей силы ударил ветер с дождем, выбив изо рта только что зажженную трубку, а из головы – все похмелье. В правой руке я держал рабочую сумку, врачебную. В ней

всегда есть мел, веревка, линейки, компас, увеличительное стекло, фотоаппарат, альбом для рисования и латексные перчатки.

С тех пор как устроился заведующим морга Саутуарка, я больше не распоряжался своим свободным временем: я должен быть на месте убийства, как только дежурному судмедэксперту понадобится помощь. (Кажется, большинство убийств происходят между десятью вечера и шестью утра, особенно во время бури, метели и шторма.) Я проработал к этому времени всего несколько недель, но так часто выезжал на убийства, что уже был на «ты» с большей частью убойного отдела и чувствовал себя одним из ребят, работавших там.

В тот июнь стояла невыносимая жара, которая наконец была повержена грозовым ливнем, какие порой бывают в предрассветные часы. Меня высадили в глухом переулке с блокированной застройкой[2], рядом с оживленным железнодорожным переездом. Местные констебли[3] благоразумно организовали узкий коридор, ведущий к месту преступления, чтобы не допустить загрязнения улик. Многие полицейские и даже некоторые детективы по-прежнему мало что знали о криминалистике (а то и попросту в нее не верили), так что это был неожиданный приятный бонус. Протянув удостоверение, я сквозь зубы поздоровался, шагнул за оградительную ленту на клумбу и начал продираться сквозь узкий проход между разросшимися кустами.

Когда я вышел к железнодорожным путям, дождь, к моей радости, прекратился и тучи уже расходились. Еще больше я обрадовался тому, что профессор Кейт Мант, глава отделения патологии больницы Гая, уже прибыл на место. Высокий, видный мужчина, с аккуратно подстриженными усами, профессор Мант всегда был рад поделиться секретами своих феноменальных профессиональных навыков. Его семья относилась к правящим кругам, однако он отказался присоединиться к адвокатской фирме отца, став первым за семь поколений семьи сыном, поступившим так. Вместо этого он выбрал медицину. Во время Второй мировой войны, будучи бригадным генералом, Мант состоял в комиссии по военным преступлениям и занимался эксгумацией жертв холокоста и допросами офицеров СС, а также публичной оглаской немыслимо жестоких медицинских экспериментов, которые проводили нацисты над своими обреченными пленниками в концентрационных лагерях. Кроме того, профессор несколько лет проработал в Америке в качестве ведущего

медицинского эксперта Вирджинии и до сих пор ездит туда с лекциями, что доставляет ему особое удовольствие, потому что, по его словам, он может курить сигару прямо во время занятия. Как раз в период своей работы в Вирджинии профессор Мант и повстречал Патрисию Корнуэлл[4], тогда еще отчаянно мечтавшую стать автором детективов, и дал ей несколько дельных советов. Готовясь к выходу на пенсию, Мант предвкушал, как будет проводить больше времени, ухаживая за своими орхидеями и ловя форель, однако пока еще не был готов бросить свою первую любовь – патологию, и это несмотря на больную спину, особо мучившую его в последние годы. По этой причине профессору Манту, как правило, требовалось больше помощи, чем большинству судебно-медицинских экспертов.

– Тело заметил проводник, – сказал он, пожимая мне руку. – Бригада железнодорожных рабочих два часа назад пошла проверить, и потом позвонили в полицию.

Два констебля позаимствовали на близлежащей промышленной территории огромное брезентовое полотно, которое теперь привязывали к деревьям, расположенным неподалеку от тела, чтобы скрыть от глаз пассажиров проходящих поездов неприятное зрелище.

Я открыл свою сумку, надел перчатки, достал фотоаппарат и начал осмотр.

Это был маленький мальчик.

– Думаю, лет восемь, – сказал профессор Мант.

Мальчик лежал на спине с закрытыми глазами. Из его носа и рта вышло большое количество кровавой пены из-за проткнутого легкого. На туловище было несколько ножевых ранений. Рядом с головой лежали два бетонных блока, размером примерно с половину футбольного мяча каждый, оба испачканные кровью с прилипшими к ней волосами. На мальчике остался только один ботинок, а ширинка его штанов была расстегнута.

> Большинство убийств происходят между десятью вечера и шестью утра, особенно во время бури, метели и шторма.

Я закончил фотографировать как раз к приходу инспектора Джона Каннинга. В свои тридцать с небольшим он был весьма молодым для инспектора уголовной полиции того времени. Так получилось

благодаря его участию в новой программе ускоренного обучения лондонской полиции. Он был высоким, широкоплечим, а светло-коричневые волосы всегда были поразительно коротко подстрижены. Из левой руки Каннинг не выпускал зажженной сигареты и всю свою работу делал свободной правой.

– Ничего, если мы его подвинем? – спросил профессор Мант.

Инспектор Каннинг кивнул.

Стараясь действовать как можно осторожнее, я взялся за левое плечо мертвого ребенка, в то время как инспектор Каннинг, тоже в латексных перчатках, взял его за бедро. Кожа была все еще теплой на ощупь. На счет три мы медленно перевернули тело на бок.

Слегка вздрогнув, профессор Мант наклонился, чтобы лучше рассмотреть раны на голове.

– Да, я бы сказал, что череп пробит, – сообщил он. – Можете теперь его опускать.

– Кого-нибудь арестовали? – спросил я.

Инспектор Каннинг покачал головой.

– Кто-то сообщал о пропавшем ребенке?

– Да, – ответил он, рассматривая фотографию мальчика, предоставленную его матерью для объявления о розыске. – Это определенно он.

На фотографии я увидел традиционный портретный снимок беззаботного мальчика с неудержимой хитрой ухмылкой.

– Мэтью Картер. Восемь лет. Родители живут там, – добавил инспектор Каннинг, кивнув нам за спину, – в доме за запасными путями. Наведаюсь к ним, как только здесь закончим.

Окрикнувший нас констебль дал знать, что нашелся пропавший ботинок мальчика. Он валялся метрах в тридцати от тела, рядом с дырой в заборе. По другую сторону забора, на небольшом пустыре, неподалеку от домов блокированной застройки стоял его велосипед BMX.

– Судя по всему, он убегал, – сказал профессор Мант, повернувшись спиной, чтобы осмотреть ножевые ранения: все они были примерно по два с половиной сантиметра шириной. Он нагнулся ближе и надавил на одно из них. – Лезвие длиной от семи до десяти сантиметров. Кровь вспенилась из-за попадания в легкие, так что, судя по ее количеству, после ранения он еще какое-то время дышал.

– Получается, ему на голову сбросили бетонный блок, чтобы прикончить? – поинтересовался инспектор Каннинг.

Профессор Мант кивнул:

– Вероятно. После вскрытия мы сможем дать более подробную картину.

Достав из кармана пальто небольшую сумку с инструментами, Мант взял несколько мазков из ротовой полости и со щек мальчика. Попытавшись подняться, он сморщился от боли:

– Питер, не поможешь мне?

Я помог ему встать на ноги. Смахнув с рук мусор, профессор сказал:

– Под ногтями нет ни крови, ни частиц кожи, так что либо у него не было возможности, либо он не пытался отбиться от того, кто на него напал.

Я быстро сделал набросок места преступления, включив в него глухой переулок, железнодорожные пути, маршрут до потерянного ботинка и велосипеда, указав некоторые расстояния. Затем с помощью констеблей мы поместили тело Мэтью в пластиковый мешок. Когда его погрузили в труповозку (автофургон ритуального агента), мы отправились в морг вместе с профессором Мантом на заднем сиденье полицейской машины. Закурив трубку, я стал обдумывать это ужасное преступление. Инспектору Каннингу предстоял тяжелый день. Он должен был сообщить душераздирающие новости матери Мэтью. Затем я задумался о собственных проблемах, в частности о том, что ожидало меня по приезде в морг Саутуарка.

Мое недавнее назначение заведующим морга Саутуарка всего двумя месяцами ранее, в апреле 1982-го, стало для меня полной неожиданностью. Я был относительно молодым и неопытным, прежде работал только в обычной больнице, а судебный морг Саутуарка оставался самым загруженным в стране (каждый год в него поступало примерно две тысячи тел). Мне выпала честь работать под руководством королевского коронера, доктора Гордона Дэвиса. Дэвис был удивительным человеком. Будучи лучшим коронером в стране, он был еще и успешным врачом, военным офицером, адвокатом, психиатром и изобретателем. Он обладал невероятной проницательностью и интуицией и однажды дал отличный совет своему коллеге-коронеру по делу одной старушки, найденной у себя на

кухне с газовым отравлением: «Раз клетку с волнистым попугайчиком переставили в другую комнату, это самоубийство».

Казалось, у меня все складывалось крайне неплохо: мне было тридцать с небольшим, я прилично зарабатывал, жил в роскошном служебном пентхаусе в пяти минутах ходьбы от Лондонского моста, а судебной медицине меня собирались учить лучшие судмедэксперты МВД. К сожалению, чего я не знал, придя одним солнечным весенним утром на свой первый рабочий день, так это того, что больше никто не хотел заниматься этой работой. Среди людей знающих (к коим я не относился, так как пришел из обычной, а не из судебной медицины) работа в Саутуарке считалась делом вредным и неблагодарным.

Морг Саутуарка был, мягко говоря, атмосферным местом. Здание построено на месте тюрьмы Маршалси, прославившейся благодаря роману Чарльза Диккенса «Крошка Доррит». И Диккенс, и Уильям Шекспир ходили в расположенную по соседству церковь святого Георгия. Внешняя стена морга когда-то была частью тюрьмы, и, как я позже узнал во время реконструкции, когда строители выкопали из земли скелет, эта часть морга – большая часть – была построена прямо на тюремном кладбище.

Первый день стал для меня шоком. Зайдя в секционную, я словно очутился в столице ада с картин Хогарта[5]. На каждом из трех металлических столов лежало по телу на разных стадиях вскрытия, а еще два дожидались своей очереди на тележках. Старший судебно-медицинский эксперт приветствовал меня словами: «Слава богу, кавалерия прибыла!» Это был профессор Хью Джонсон. Который хоть и считался одним из самых выдающихся судмедэкспертов Лондона, но оказался злобным великаном, словно дожившим до наших дней со времен Эдуардов. Его все больше переполняла желчь с тех пор, как он проиграл борьбу за должность главы отделения судебной медицины в Лондонской больнице. Профессор выходил из себя на ровном месте, и порой скальпели летали по секционной, словно метательные ножи.

Одна из стен помещения была усеяна полками, наполовину изъеденными личинками древоточца[6], а в дальнем углу располагались две грязные алюминиевые раковины, заваленные окровавленными инструментами. Сотрудник морга, со свисающей изо рта сигаретой, смывал кровь с пола шлангом, в то время как нервничающий судмедэксперт-практикант пытался рассечь мозг под свирепым

взглядом профессора Джонсона. «Эти болваны ни черта не смыслят!» – закричал профессор, повернулся обратно к практиканту и, показывая на мозг в его трясущихся руках, командным голосом рявкнул: «Какого черта ты ждешь? Положи уже эту хрень в ведро!»

За секционной был коридор длиной метров пятнадцать, вдоль одной из стен которого стояли девять холодильников. Крайний холодильник, как я позже узнал, никогда не использовался, так как его дверцу поставили неправильной стороной. Помещение для разложившихся трупов («вонючек», как между собой зовем их мы) располагалось рядом с дверью в зал коронерского суда. Не выдержавших вони присяжных зачастую приходилось выводить в соседний парк «Табард Гарденс», пока помощники коронера распыляли в зале суда освежитель воздуха. Наконец, двери с электронным замком, ведущие в зону приема тел со стороны внутреннего двора морга, которые не открывались вот уже шесть лет, и вновь поступившие тела приходилось заносить через главный вход, где их было видно с улицы.

Продолжив самостоятельную экскурсию по моргу, я набрел на отделение коронера. Его помощниками были констебли полиции. Они вели по его поручению расследования подозрительных смертей и были основными контактными лицами для коронера, родственников погибших, врачей, полиции и ритуальных агентов. Я зашел к ним в кабинет и по-дружески пожелал доброго утра, однако меня встретили восемь пар враждебных глаз. Презрительно посмотрев на меня, констебли что-то пробурчали в ответ, а затем вернулись к своим печатным машинкам.

> Мой коллега – профессор Джонсон – порой настолько выходил из себя, что мог бросаться скальпелями прямо в секционной во время вскрытия.

В то утро, переступая порог морга, я был переполнен энтузиазмом. К обеду я уже был измотан и с радостью скрылся в своем кабинете, где в отчаянии схватился за голову, раздумывая над тем, как теперь из всего этого выпутаться. Моя работа в должности заведующего морга, казалось, включала обязанности чуть ли не всех сотрудников, и, помимо таких обычных дел, как помощь судебно-

медицинским экспертам с проведением вскрытий, поддержание связей с полицией, организация приема и размещения тел, проверка отчетов о вскрытии, написание собственных отчетов и составление расписаний дежурств, я уже провел немало времени, вытирая пол после неумелых санитаров, а также пытаясь почистить, привести в порядок и разложить оборудование так, чтобы его можно было потом найти.

Темп был беспощадным. Казалось, здесь на первом месте было количество, а не качество. Мне сказали, что для судмедэксперта было обычным делом проводить за день более двадцати вскрытий. Я только что прибыл из больницы святой Марии, где был старшим сотрудником морга, и там мы проводили в среднем четыре вскрытия в день. Здесь работники морга разрезали тела и помещали органы в пластиковые ведра до прихода эксперта. К сожалению, в неизбежной спешке они зачастую не замечали такие важные посмертные признаки, как пневмоторакс или гематомы. В больнице святой Марии на одно вскрытие уходило до трех часов; здесь же оно занимало в среднем десять минут.

> В 1980-х в морге Саутуарка было нормой проводить более двадцати вскрытий в день, В то время как в больнице Святой Марии – четыре.

Наглядный пример. Через несколько дней после начала работы там я увидел, как на стоянке паркуется известный судебно-медицинский эксперт. Закончив разговаривать по телефону, я заварил ему кофе. Когда же пришел в секционную с дымящейся кружкой в руках, он уже закончил проводить вскрытие.

Основной причиной подобного подхода были деньги. Судмедэксперты получали солидную сумму за каждое обследованное тело, и эта сумма шла дополнением к зарплате и деньгам, полученным за частные консультации. Неудивительно, что все они жили в отдельных домах и ездили на дорогих машинах.

*** * ***

Вернемся к моему первому дню в морге Саутуарка. Чтобы открыть дверь в мой кабинет, ее пришлось несколько раз с силой толкнуть. Внутри было пыльно и пусто, не считая заставленной папками книжной полки, металлического каталожного шкафа и письменного стола, одну из сломанных ножек которого подпирало старое издание «Анатомии Грея»[7]. Одна стена представляла собой голую кирпичную кладку – бывшая тюрьма Маршалси. Из грязного закрашенного окна, от которого дуло, открывался вид на кладбище святого Георгия.

Я бросил портфель на стол, тот зашатался и затрещал. Я достал сэндвич и трубку. С удивлением обнаружил, что у нас подходили к концу запасы практически всех используемых химических реактивов и медицинских принадлежностей. В больнице святой Марии такого бы в жизни не случилось – возможно, в этом и заключается разница между больничным и судебным моргом. Закурив трубку, я принялся изучать папки с бумагами моего предшественника, чтобы заказать новые поставки. Согласно документам, у нас должно быть полно реагентов, инструментов и оборудования – столько, что хватило бы на небольшую армию. Где же все это? Я решил внимательнее просмотреть все папки, начав с двух пухлых с надписью «Сотрудники».

Тридцать минут спустя я уже позабыл про оставленные у меня на столе трубку и сэндвич, и наполнявшая меня с утра радость жизни была не более живой, чем лежавшие в холодильниках трупы. Листая страницы, я узнал с растущим смятением, что не на одного, не на двух, а сразу на нескольких сотрудников морга недавно возбудили уголовные дела, причем не только в Саутуарке, а в судах по всему Лондону. Первым привлекло мое внимание дело санитара, обвиненного в каннибализме. Его застали за поеданием человеческой печени, а в ходе обыска у него дома в холодильнике были обнаружены запасы человеческих органов. Другого санитара арестовали за то, что он несколько раз воткнул в одно из тел нож, бог его знает зачем, – возможно, его вдохновил Шерлок Холмс, избивавший труп в «Этюде в багровых тонах», чтобы понять, остаются ли после смерти синяки.

Кражи в Саутуарке, казалось, были обычным делом. Я видел, что кто-то изменил официальные документы, неумело подчистив спецификации, чтобы скрыть пропажи. Еще наткнулся на письмо одного ритуального агента, жаловавшегося на то, что тела из морга

отправляют в залитых кровью гробах. Виновником был Джордж, мой заместитель, однако дисциплинарные слушания, проведенные департаментом окружающей среды совета Саутуарка (наше прямое руководство), привели лишь к письменному предупреждению.

Среди множества писем с жалобами на допущенные в морге ошибки и скверное поведение раздраженных судмедэкспертов была упомянута и грубая халатность – неправильная маркировка двух трупов. Вскрытие обоих тел было проведено с использованием информации из несоответствующих медкарт. В другом отчете значилась жалоба от убойного отдела, согласно которой Джордж провел вскрытие тела с подозрительной смертью до прибытия детективов. И снова происшествие было зафиксировано, но никаких мер не предприняли. Две недели спустя очередной случай неправильной маркировки привел к тому, что два тела перепутали и отдали не тем родственникам. Это случилось уже во второй раз. В первом случае одна из семей успела кремировать тело, прежде чем вторая успела сообщить об ошибке: они планировали устроить похороны с открытым гробом. Несмотря на все это, Джордж ничего, кроме письменных предупреждений, не получал.

> В 1980-х британские морги были небезопасным местом. Одного санитара обвинили в поедании человеческих органов, а кражи с трупов были обычным делом.

В морг – чрезвычайно защищенное здание – недавно вломились и украли дорогие часы, принадлежавшие одному из покойников. Случилось это как раз в ту ночь, когда Джордж «забыл» убрать в сейф все личные вещи. Мне следует отметить, что Джордж жил, как и я, в служебной квартире, расположенной прямо над моргом. В качестве меры на кражу со взломом совет постановил установить новый сейф, а также оборудовать морг инфракрасной системой тревожной сигнализации.

Мне было очевидно, что при первых признаках опасности сотрудники морга стояли друг за друга горой, и по большей части им удавалось скрывать подобные происшествия. Вместе с тем никто не чувствовал себя обязанным попытаться что-либо поменять. Неудивительно, что перед назначением мне не предложили экскурсию

по моргу. У меня попросту не было ни малейшего понятия о том, что тут творится.

Ко мне в дверь постучали.

– Входите! – проорал я, разгневанный тем, что оказался брошен в львиное логово.

> Преступники оскверняли мертвых, обманом лишали их родных семейных реликвий и превращали похороны в посмешище.

Зашел небритый, краснолицый, лысеющий мужчина двадцати с лишним лет, смотревший на меня с презрением. Он представился Джорджем, моим заместителем. За ним стоял напоминавший палочника юноша с очень тревожным видом. Оказалось, что это Эрик из Пекхэм[8], один из младших сотрудников морга.

– Ах, Джордж, – сказал я, пытаясь придать своему голосу интонацию дружелюбно-строгого руководителя. – Хотел с тобой поговорить. Насколько я знаю, ты исполнял обязанности предыдущего заведующего, и у тебя ключи и коды от всех дверей и сейфов. Передай их, пожалуйста, мне.

– Нет.

– Прости?

– Нет. Как по мне, – заявил он с сильным акцентом кокни, – так настоящий заведующий здесь я. Я тут всем заведую.

Я лишился дара речи и с напряжением ждал, что он скажет дальше.

– Все, что от вас требуется, – продолжил Джордж, стоя рядом с Эриком, который все больше нервничал, – так это держать язык за зубами.

Я по-прежнему был в оцепенении.

– Если будете молчать, сможете поднять себе зарплату процентов на пятьдесят.

– Что за чертовщину ты несешь? – наконец выдавил я из себя.

– Мутки, – сказал Джордж, приближаясь ко мне, пока не подошел вплотную к моему столу.

– Мутки?

– У многих трупов, что к нам поступают, нет родных. Иногда при них бывают деньги или драгоценности. Мы забираем их, продаем ювелирку кое-кому в Пекхэме, а потом делим выручку. Никакой опасности, – сказал Джордж, указывая на папки у меня на столе. – Все, что от нас требуется, – это пошаманить с документами. И мы занимаемся этим уже давно. На этом мы сшибаем по пять кусков в год.

В то время «пять кусков» были небольшим состоянием. Джордж получал, наверное, четыре тысячи фунтов в год. Моя годовая зарплата была десять тысяч фунтов.

– Помощники коронера нам помогают.

Помощники коронера служат в полиции. Я поверить не мог, что полиция могла быть замешана в чем-то подобном, о чем и сообщил Джорджу; в ответ тот настолько беззаботно назвал несколько имен, что мне ничего не оставалось, кроме как поверить ему.

Джордж также заявил, будто некоторые помощники коронера неплохо зарабатывают на разных обманных схемах. Так, за некоторую плату они рекомендуют определенных ритуальных агентов. А ритуальные агенты продают цветы обратно флористам и берут деньги с родных покойников за внутреннее убранство (подушки и обивка для гробов), которое затем не предоставляют. Сотрудники даже уносят домой из морга различные бытовые принадлежности.

В соответствии с правилами профсоюза, после ухода моего предшественника его заместитель, т. е. Джордж, автоматически получал должность заведующего моргом до тех пор, пока не будет найдена квалифицированная замена, однако из-за урезанного бюджета совет несколько месяцев не мог позволить себе нанять кого-то нового. За счет этого у Джорджа было достаточно времени, чтобы закрепить свои позиции.

Начав приходить в себя и ощутив нарастающую злость, я встал и направился в сторону Джорджа и Эрика. Передо мной никогда в жизни никто не пригибался, однако Эрик, думаю, мог бы стать чемпионом мира по съеживанию, когда его ноги согнулись в коленях, и он отвернулся от меня, трясясь от страха. Джордж между тем оставался неподвижным.

– Джордж, – сказал я, едва контролируя свой голос. – Сегодня мне выпало несчастье узнать, что этот морг сейчас в худшем состоянии, чем во времена Диккенса, и я, как этого требует от меня должность,

силой затащу его в XX век. Если ты сейчас же не отдашь мне эти ключи, я тут такой шум подниму, что ты пожалеешь, что вообще узнал про морг Саутуарка.

Джордж смерил меня холодным взглядом.

– Справедливо, – сказал он наконец, доставая из кармана своей куртки связку ключей. – Только не вставайте у меня на пути, и я не буду на вашем.

Когда они ушли, я был в полном ступоре. Взяв себя в руки, позвонил старшему управляющему из совета. Он был чуть более чем немного смущен, когда вместо дружелюбного отчета о первом дне я выложил ему все про состояние морга, про Джорджа и кражи с трупов. После долгой паузы он, заикаясь, сказал, что ввиду отсутствия доказательств мне не следует что-либо предпринимать и кому-либо об этом рассказывать. Одних только документов недостаточно. Согласно бумагам, все проблемы были «разрешены», а виновники понесли соответствующее наказание, хоть я и видел, что это явно не так. Все, что я видел и слышал, включая «признание» Джорджа, могло быть оспорено в суде.

> В 1980-х не только работники британских моргов любили поживиться золотом мертвецов – существовала целая сеть воров, скупщиков и покрывающих их начальников.

Я повесил трубку. Это нельзя было оставить так. Преступники оскверняли мертвых, обманом лишали их родных семейных реликвий и превращали похороны в посмешище. Я не был уверен, что именно мне следует сделать, но если требовались доказательства, чтобы расшевелить начальство, именно их мне и нужно было заполучить.

*** * ***

С того самого дня я не переставал думать о том, как положить конец преступному царствованию Джорджа, однако у меня было столько важных дел, что шли недели, а я так и не мог ничего предпринять. Когда мы с профессором Мантом проезжали через

главные ворота морга, возвращаясь с места преступления, я увидел, что Джордж уже был на месте, с сигаретой, крепко зажатой между тонкими губами. На месте был и Эрик, который до сих пор со мной и парой слов не обмолвился. Они вели напряженный разговор с Тедом, помощником коронера, лощеным джентльменом, говорившим с аристократическим акцентом, однако, я не сомневался, он был так же нечист на руку, как и все остальные. Лишь только завидев меня, они скрылись в тени. Когда мы закатывали тело в морг, я заметил профессора Джонсона. У него было багровое лицо, и выглядел он так, словно вот-вот сорвется, – впрочем, как обычно.

– Здравствуйте, профессор Джонсон, – сказал я. – Вы забираете это дело себе?

– Нет, Питер, – ответил профессор, – я здесь по поводу домашней ссоры, которая переросла в убийство, причем выглядит все так, словно он покончил с собой из дробовика.

На часах при этом не было и девяти утра. День обещал быть занятным.

02. Дорога к смерти

Впервые я увидел труп, когда мне было девять. Шел 1955 год, и я вместе с родителями отдыхал в Солтберн-бай-те-Си, традиционном йоркширском рыбацком городке, расположенном в закрытой бухте с песчаным пляжем между рядами утесов. Мы собирались было возвращаться в гостиницу, как вдруг я заметил у кромки воды рядом со скалами оживленную толпу. Во мне заиграло любопытство, и я побежал посмотреть, в чем дело. Все были настолько поглощены рассматриванием, что мне удалось протиснуться вперед, и всего в двух метрах я увидел раздутое и разлагающееся тело мужчины. Несмотря на разложение (и тот факт, что морские обитатели изрядно обглодали его плоть), было понятно, что он был примерно того же возраста, что и мой отец. Его правая рука, отделенная от тела, болталась в воде всего в нескольких метрах. Несколько секунд спустя какая-то женщина оттащила меня в сторону, закрыв глаза рукой и бормоча что-то в духе «детям нельзя такое видеть». Моя мама, только догнавшая меня, поблагодарила ее и начала меня утешать.

Странным было то, что я не нуждался в утешении. На самом деле мне хотелось вернуться к берегу и посмотреть поближе. По какой-то причине родители не стали противиться, когда я отказался двигаться с места. Хоть и стоял немного дальше, чем хотелось бы, я видел, как принесли носилки и местные рыбаки понесли тело прочь. Я спросил, куда его забирают.

– В морг, – ответила моя мама.

– А что это?

– Дом для мертвецов, – ответила она, начав наконец уводить меня в сторону гостиницы. – И на этом тема закрыта, – добавила она. – Не нужно больше об этом говорить.

> Первый в своей жизни труп я увидел случайно, в детстве. Мне совсем не было страшно – только интересно.

Так как она пообещала купить мне чипсов и мороженого, я просто смотрел на дым, поднимающийся от доменных печей сталелитейного завода на южном берегу Тиса, оставив свои мысли при себе.

* * *

Меня усыновили. Я ничего не знал о своих корнях. Новые родители (мама служила в полиции, а отец управлял аукционом) забрали меня из детского дома, когда я был еще совсем маленьким. Прадедушка был миллионером, заработавшим состояние на судоходстве, и жил в огромном загородном доме под Мидлсбро, для ухода за которым требовалось двадцать восемь человек. Отец с матерью знали, что в один прекрасный день все достанется им, так что особо не переживали о будущем.

Мой интерес к смерти рос вместе со мной. Помимо того, что я рисовал отталкивающие, как могли бы их называть некоторые, или как минимум необычные изображения мертвых тел на различных стадиях разложения, к подростковому возрасту я потерял всяческий интерес к учебе и в свободное время читал биографии известных убийц. Когда родители взяли меня в больницу, чтобы навестить больного родственника, при первой же возможности я улизнул, чтобы отыскать морг. Если большинство детей моего возраста предпочли бы летом носиться по маковым полям, я с удовольствием проводил дни, играя среди могильных плит.

Родители сильно обеспокоились и отвели меня к известному детскому психиатру по имени доктор Ренвик. Седовласая и пожилая, она попыталась меня напугать, рассказав, что именно происходит во время вскрытия. Я слушал с открытым от восторга ртом, полностью завороженный мыслями о черепных пилах, винтовых ретракторах и внутренних органах, падающих в специально предназначенные для них ведра. Родители поняли, что эти сеансы не дают желаемого результата, когда я начал считать дни до следующего. Рыская по пыльным букинистическим магазинам, которыми заведовали старики на последнем издыхании, я находил книги про палачей и убийц, а одним чудесным ноябрьским вечером мне попалась прекрасно иллюстрированная книга по анатомии человека.

Последней попыткой моих отчаявшихся родителей излечить от помешательства на смерти стала школа-интернат, в которую они меня отправили. Здесь времени на смерть не было. На самом деле, как по мне, тут было чересчур много жизни. День обычно начинался в полседьмого утра, когда я выползал на школьный двор на

пятикилометровый кросс по пересеченной местности вместе с остальными учениками. Спорту в интернате исторически уделялось много внимания, и, независимо от наших физических возможностей, всех школьников в любую погоду выгоняли на поле для регби. В то время, когда я не пытался убежать с пути мальчишек гораздо крупнее меня (которым, бог его знает почему, это занятие нравилось по-настоящему), меня заставляли изучать латынь, физику и историю древнего мира. Я отказывался и провалил практически все экзамены. Когда подошел мой последний день в этом скверном интернате, родители приехали на чай к заведующему. Чувствуя неладное, я подслушал их разговор и, как только понял, что меня планируют оставить на второй год, собрал свой рюкзак, взял посылку с гостинцами, положил их в машину, сел туда сам и отказался выходить.

> Увидев, что происходит с телом после смерти, я уже не мог перестать думать об этом и пытался узнать больше. Из-за этого странного увлечения меня даже отправили в школу-интернат.

– Так что же ты теперь собираешься делать? – совершенно обоснованно поинтересовалась моя мать. Так как у шестнадцатилетнего мальчика найти работу, связанную со смертью, шансов не было, мне пришлось придумать что-то другое, и единственным, что пришло мне в голову, было актерское мастерство – только этот предмет приносил мне в школе хоть какое-то удовольствие, – во время напряженной поездки домой я пообещал поступить в театральное училище.

Вернувшись домой, мы узнали, что сердце прадедушки не выдержало. Как мне ни хотелось посмотреть на тело, я отчаянно сопротивлялся желанию попросить об этом свою маму, поскольку видел, как сильно она расстроена. Мы собрались в загородном доме на оглашение завещания. Моим родителям не досталось ни пенни. За два года до смерти прадедушка развелся с женой, и к нему в дом перебралась жить его любовница. Она-то все и получила. Увы, но к завещанию было не подкопаться.

Итак, с деньгами внезапно стало туго. Прадедушка был достаточно щедрым, чтобы избавить своих детей, внуков и правнуков

от каких-либо финансовых забот, однако теперь все мы оказались не у дел. Мне тоже нужно было как-то зарабатывать себе на жизнь, так что, быстренько закончив театральное училище, я начал работать помощником режиссера в драматическом театре Флоры Робсон в Ньюкасл-апон-Тайн. Мое непродолжительное пребывание там в период постановки «Макбета», пожалуй, запомнилось больше всего из-за многочисленных накладок. Так, например, во время монологов постоянно было слышно звук смыва из туалета, а однажды вместо звукового эффекта ветра во время сцены с тремя ведьмами на весь партер загремела песня Rolling Stones «(I Can’t Get No) Satisfaction». Кроме того, мы приняли опрометчивое решение использовать настоящие мечи, и когда ведущий актер во время дуэли получил удар по руке, он закричал от боли и случайно бросил собственное оружие в зал. Я помчался вниз, чтобы проверить, не ранило ли кого, и меня встретили широкие улыбки группы школьников, отрицавших, что вообще видели меч, который вдруг куда-то пропал. Следующие несколько лет я подрабатывал актером в репертуарном цирке и в итоге оказался в Лондоне, где работы должно бы быть навалом. К несчастью, после нескольких незначительных ролей в различных постановках, как только мне стукнуло тридцать долгим жарким летом 1975 года, работа начала иссякать.

> Драматическое искусство не смогло обеспечить меня работой, и я решил обратиться к своей прежней страсти и устроиться в морг.

Я тратил свои сбережения, распивая вино во «Французском доме» на Дин-стрит. Как правило, встречал здесь немало знаменитостей, и одним из постоянных посетителей, с которым я довольно близко познакомился, был автор документальных детективов Эдгар Лустгартен, создавшим еще две криминальные телепередачи: «Скотланд-Ярд» и «Весы правосудия». Не знаю, было ли дело в его рассказах о знаменитых убийствах или же в том, что моя театральная карьера зашла в тупик, но внезапно меня захватила идея устроиться на работу в морг.

– О, Господи! – воскликнул Эдгар, когда я ему об этом сообщил. – Не стоит тебе этим заниматься. Морг – кошмарное место для работы:

там грязно, темно, и он нагоняет депрессию!

На следующий день я приступил к поискам: посетил пятнадцать муниципальных моргов, в каждом из которых мне заявили, что вакансий нет, особенно для человека моего возраста. Последним в списке был морг в Саутуарке, стоящий в тени больницы Гая. Заведующим морга был мрачный лысый агрессивный мужчина по имени Франк, который выглядел как помесь Дракулы и Игоря[9]. Вид у него был устрашающий, но он хотя бы записал мои данные.

– Если тебе так хочется, можешь попробовать больничные морги, – сказал он, закрывая дверь, – им вечно нужны люди.

Мои ноги гудели, но, будучи настроенным как никогда решительно, я потащился через весь город в морг больницы Университетского колледжа, который был частью комплекса викторианских зданий на Гауэр-стрит, в двух шагах от Сохо, где ко мне и пришла эта идея. Чтобы попасть в морг, мне пришлось пройти через гараж, заставленный до потолка овощами, а затем, преодолев небольшую лестницу, я зашел в просторное помещение с матовой стеклянной крышей. По центру стояли два мраморных стола, у изголовья каждого из которых было по небольшому столику с медицинскими инструментами. За столами ярусами до самого потолка стояли скамьи. Их симметрия нарушалась надписью «От мертвых мы узнаем про живых».

Открывшаяся передо мной картина целиком меня поглотила. Я замер на месте, напрочь позабыв про гудящие ноги, словно пришел к конечной цели долгого и тяжелого паломничества. Наконец я оказался в морге, и он был в точности таким, каким я представлял его в своих мечтах, пускай никаких мертвых тел и не было видно.

– Добрый вечер, молодой человек. Чем могу помочь?

> Когда я впервые оказался в морге, меня настолько заворожил его вид, что я даже не заметил подошедшего ко мне профессора.

Я чуть ли не вскрикнул от удивления, услышав из-за своего левого уха этот хриплый голос. Мне наконец удалось пробраться в морг, и я был настолько взбудоражен, что даже не заметил в помещении кого-то еще. Развернувшись, я увидел перед собой высокого, импозантного

мужчину за шестьдесят, с длинными седыми волосами до плеч, который смотрел на меня сквозь очки в золотой оправе, сидевшие на самом кончике его носа. Он представился профессором Энтони Смитом, заведующим отделением патологии больницы Университетского колледжа.

Услышав цель моего визита, профессор Смит улыбнулся.

– Возможно, у нас есть вакансия, – сообщил он. – Направляйся через дорогу в паб «Веллингтон», там сейчас обедают санитары. С ними тебе и надо переговорить.

С колотящимся сердцем я зашагал в паб, расположенный в старинном здании из темного дерева и матового стекла, с бесчисленными затененными альковами[10].

Внутри было всего два посетителя. Оба сидели за барной стойкой и были одеты в джинсы и куртки. Перед ними стояли бокалы с пивом. Я объяснил, что хочу устроиться на работу в морг, и тут же был встречен широкими улыбками. Мне в руку сунули бокал, и мы переместились за столик, где как следует познакомились. Мужчина постарше, высокий и под сорок, назвался Дэвидом и представил мне Марка, своего младшего коллегу, – парня возрастом ближе к моему.

Они были дружелюбными, и, как я вскоре узнал, очень популярными ребятами (были на «ты» с главами всех отделений в больнице). Кроме того, они были не просто старшими санитарами морга. Дэвид занимал пост председателя профсоюза администраторов и санитаров моргов, в то время как Марк был его национальным секретарем. В общем, я встретил двух самых важных людей в этой области.

*** * ***

Все еще накрытое белой простыней тело лежало на мраморном столе. Надев поверх рубашки и галстука зеленый резиновый фартук, Дэвид раскладывал инструменты и сверялся с бумагами. У его сапог стояло пластиковое ведро.

Мои мечты о выходах на поклон в «Ройал-Корт»[11] сменились беззвучными реалиями морга больницы Университетского колледжа, и я был в невероятном восторге.

Сосредоточенный на своих приготовлениях, Дэвид не особенно обращал на меня внимание. Закончив, он стянул простынь. Я ахнул от неожиданности. Я приготовился увидеть труп какого-нибудь старика, но вместо этого на белой плите лежало бледное тело красивой японской девочки-подростка с длинными черными волосами.

Подняв на меня глаза, Дэвид махнул рукой.

– Лучше всего в этой работе, – с ободряющей улыбкой тихо сказал он, – использовать аналитический подход. Тело – это сосуд и ничего более, а человека, занимавшего его, уже давно нет.

Я снова посмотрел на тело на столе. Хотя его анатомическое строение и не было нарушено, девочка казалась какой-то нереальной, и я понял, что Дэвид прав: телу недоставало искры жизни. Я не ощущал какого-либо присутствия; она была неподвижна и пуста внутри, лишена всяких эмоций. Через другую дверь в комнату зашел Марк, пожелав мне доброго утра. Хоть разница в возрасте у нас с ним и была совсем небольшой, Марк казался гораздо старше меня. Он говорил и действовал с уверенностью, которой я мог только позавидовать. На нем тоже были надеты зеленый пластиковый фартук, резиновые сапоги и пара резиновых перчаток. Марк бросил фартук мне, и я его надел.

> Когда постоянно имеешь дело с мертвыми, намного проще воспринимать тело отдельно от целого человека – как сосуд.

Дэвид стоял у головы девочки с планшетом для бумаг в руках, в то время как Марк выбрал скальпель и уверенным движением сделал длинный срединный разрез от подбородка до лобковых костей, после чего отвернул в стороны кожу и с помощью пилы отделил ребра от грудины, достал их и отложил в сторону. Я наклонился вперед. Обнаженные внутренности представляли собой смешение различных ярких цветов – розового, красного, желтого и коричневого – и идеально прилегали друг к другу. Это был настоящий шедевр. Ни одному художнику, скульптору или поэту можно и не мечтать достичь подобной красоты.

Обнажив внутренние органы, Марк в три захода извлек их из тела. Сначала удалил легкие вместе с лежащим между ними сердцем. Затем отрезал печень, за которой последовали желудок, селезенка и почки.

Последними он извлек кишки – огромную массу изогнутых розово-коричневых трубок. Каждый из органов был помещен в одно из специальных пластиковых ведер, стоявших у ног мертвой девочки.

Дэвид изучил каждый орган, выискивая любые отклонения.

– Пока что для отчета ничего нет, – сообщил Дэвид, делая записи на своем планшете, после чего взял образцы тканей, чтобы отправить их на токсикологический анализ.

> В конце процедуры вскрытия каждый извлеченный орган помещается в отдельный пакет и возвращается на свое место в теле.

Затем Марк расчесал ей волосы, образовав поперечный пробор, от уха до уха, после чего сделал вдоль линии пробора разрез и отогнул наверх скальп.

– Все равно что чистить мандарин, – объяснил Марк.

Затем с помощью пилы он разрезал по окружности череп, прямо как я любил это делать с вареным яйцом за завтраком. Воздух начал заполнять запах горячей костной пыли, напоминавший нечто среднее между запахом озона и курицы. Закончив, Марк аккуратно снял крышку черепа, обнажив лежащий под ней мозг, удерживаемый плотно прилегающей твердой оболочкой.

Марк вскрыл защитную оболочку мозга, разрезал спинной мозг и оптические нервы, после чего мозг девочки, когда-то вмещавший в себе ее сознание и все воспоминания о жизни, бесшумно выпал в сложенные чашей руки Марка.

Только тогда дверь с шумом открылась, и внутрь зашел профессор Смит, уже облаченный в резиновые фартук и сапоги, на ходу надевая перчатки, изготовленные из гораздо более тонкой резины.

> Наиболее частая причина внезапной смерти связана с заболеваниями или патологиями сердца и мозга.

– А, новичок, – жизнерадостно сказал профессор Смит. – Мои поздравления с тем, что сохранили вертикальное положение! – добавил он, подвинув свои очки в золотой оправе и покосившись на тело девочки. Изучив бумаги на планшете Дэвида, он переключил внимание на ведра с органами.

– Никаких аномалий для отчета, – сообщил Дэвид взявшему в руки мозг профессору.

– Всегда нужно начинать с сердца и мозга, – сказал он мне, начав проводить по контуру извилин пальцем и вглядываясь в бороздки. – В девяти случаях из десяти именно в них заключается причина внезапной смерти, особенно у молодых людей.

Вернув мозг на место, профессор Смит достал из ведра сердце девочки и аккуратно положил его на стол.

– Ага, – сказал он всего несколько секунд спустя и жестом подозвал меня к себе.

– Видишь? – спросил он, показывая на розово-белую ткань. – Вот эту толстую мышечную стенку? Слишком толстая. Сдавливает сердце и в итоге останавливает его[12]. Проверь историю болезни, – обратился он уже к Марку. – Готов поспорить, у нее была аритмия. Причина смерти – гипертрофическая кардиомиопатия.

*** * ***

Когда профессор Смит закончил проводить вскрытие, Дэвид аккуратно положил органы в мешок для мусора и поместил их в соответствующие полости, после чего вернул кожу на место и ловко зашил ее иголкой и ниткой. Сделав последний стежок, он вымыл девочку губкой, наложил макияж и с помощью Марка облачил ее в белый саван. Теперь она выглядела спящей.

– В этой работе важно, – сказал Дэвид, – никогда не поддаваться эмоциям, при этом проявляя максимальное уважение к телам.

Уже несколько дней спустя я помогал своим новым друзьям разрезать и зашивать тела всех форм, размеров и возрастов. С того момента как человеческий мозг выпал из полости черепа в мои сложенные чашей руки, я понял, что нашел свое призвание.

03. Жизнь в смерти

Январь 1980 года

Лысеющий мужчина средних лет лежал на столе для вскрытия в точно таком же виде, в каком и был найден, со снятыми штанами, обнаженным обмякшим пенисом и залитой кровью грудью. Я сделал затяжку из трубки и посмотрел на Пэт, моего доверенного помощника, который закатил тело несколькими минутами ранее в сопровождении залитого краской констебля, явно только закончившего полицейское училище. Пэт удивленно поднял брови, словно говоря: «Да у нас тут новенький!», однако я не был уверен, относилось это к трупу или полицейскому. Новоиспеченным полицейским практически всегда поручали не пользующуюся особой популярностью задачу сопровождать трупы в больничный морг и наблюдать за проведением вскрытия (когда не было подозрений на насильственную смерть). Многие из них зеленели и падали в обморок, стоило мне только занести скальпель над телом.

– Где он был найден? – спросил я.

– На Прейд-стрит, – ответил констебль, снова залившись краской.

Я нахмуренно посмотрел на него сквозь облако дыма.

– Где именно на Прейд-стрит?

– Эм… – неуверенно вымолвил он, сверяясь со своей записной книжкой. – Дом двести двенадцать. Рядом с букмекерской конторой.

Я подошел к своему каталожному шкафу и достал адресную книгу. Пролистав написанные от руки записи, вскоре я нашел то, что искал. В доме двести двенадцать по Прейд-стрит располагался скандально известный бордель, обслуживавший клиентов, получавших определенный тип наслаждения от определенного типа издевательств.

> Обычно сопровождать трупы в морг поручали новеньким полицейским. Многие из них не выдерживали зрелища вскрытия и теряли сознание.

В 1970-х район Паддингтон, расположенный рядом с Сохо, знали как место, где можно было удовлетворить любую сексуальную

слабость. Мы вели список всех известных доминатрикс[13] и борделей, чтобы учитывать сексуальное возбуждение при выяснении причины смерти. При ближайшем рассмотрении груди мужчины стало понятно, что раны на ней были поверхностными и остались, вероятнее всего, от ударов кнута, нанесенных с энтузиазмом.

За пять лет, прошедших со времени моей работы в больнице Университетского колледжа, я набрался достаточно опыта, чтобы стать заведующим морга, и мне подвернулась вакансия в больнице святой Марии в Паддингтоне. Это был тот самый морг, где сорока годами ранее работал сэр Бернард Спилсбери, отец современной патологии, предоставивший доказательства, которые привели к приговору Хоули Харви Криппена за убийство своей жены Коры в 1910 году. Дело Криппена уже успело получить скандальную известность, навсегда войдя в анналы криминальной истории, когда капитан направлявшегося в Америку лайнера, на котором намеревался сбежать Криппен, узнал беглеца и телеграфировал в Скотланд-Ярд. Старший инспектор Уолтер Дью запрыгнул на быстроходный корабль и арестовал Криппена вместе с его любовницей, как только те сошли на берег. В том же году Криппена повесил подрабатывающий палачом парикмахер по имени Джон Эллис.

> Судмедэксперты врывались, словно облаченные в плащи вампиры, склонялись над трупами, внимательно их изучали, а затем так же стремительно удалялись к своей следующей «жертве».

Условия со времен Спилсбери особо не улучшились. Секционная с тремя столами для вскрытия располагалась в вагончике-бытовке, установленном на крыше отделения патологии, в то время как холодильник и часовня были спрятаны глубоко в подвале. В одном из настенных шкафов я обнаружил набор инструментов, многие из которых оказались мне незнакомы. Наверное, ими пользовался сам Спилсбери, и место им было в музее. Что касается персонала, работали там только я и Пэт – лишь периодически к нам присоединялись временные помощники. Судмедэксперты врывались, словно облаченные в плащи вампиры, склонялись над трупами,

внимательно их изучали, а затем так же стремительно удалялись к своей следующей «жертве».

– Готов поспорить, этот бедняга слишком уж сильно возбудился, – сказал я, и лицо полицейского стало настолько багровым, что я раньше такого даже не видел!

– Сестра из и-интенсивной терапии сказала, что у него был с-с-сердечный приступ, – заикаясь, сказал он.

Я кивнул, и Пэт передал мне его больничную карту.

– Что ж, в подобных случаях, – сказал я, пролистывая страницы, – нужно быть уверенным наверняка, не так ли? Это ваше первое вскрытие?

Констебль кивнул.

– Не переживайте, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал как можно дружелюбнее. – На самом деле все не так и страшно. Секрет в том, чтобы воспринимать тело как пустой сосуд… черт, лови его, Пэт!

Мы разместили потерявшего сознание констебля на соседнем столе. Пэт положил ему на грудь карточку с надписью «Живой», достал из шкафчика пару сэндвичей и поставил чайник. Я убрал трубку и начал свои приготовления.

– Мистер Кнут наверняка бы насладился своим вскрытием, будь он жив, – сказал я Пэту, откусившему приличный кусок сэндвича с колбасой.

*** * ***

Первого убитого человека в моей карьере (первого из четырехсот) привезли в шесть часов воскресным утром. Это была женщина за двадцать, на которой, казалось, не было и следа насилия. Тем не менее, когда мы ее раздели, я заметил над животом небольшую колотую рану.

С родственниками погибших ужасно тяжело общаться.
И с годами проще не становится.

Вместе с телом с места преступления – съемной студии в Килберн – приехал детектив с угрюмым лицом.

– Такая бессмысленная смерть, – сказал он. – Отказалась давать своему парню деньги на наркотики, вот он ее и прирезал.

Со вскрытием все было довольно однозначно: лезвие повредило аорту девушки, и меньше чем за минуту она скончалась от внутреннего кровотечения. Никто за ее телом не обратился, так что им занялось государство. Несколько недель спустя я пил посреди ночи кофе в отделении интенсивной терапии, болтая с местными медсестрами, как вдруг у них зазвонил рабочий телефон. Все остальные в тот момент оказались чем-то заняты, так что трубку взял я.

– Я ищу свою сестру, – сообщил голос. – Я не видела ее уже какое-то время и решила обзвонить больницы.

– Хорошо, – ответил я, поискав ручку и листок. – Как ее зовут?

Звонившая назвала имя, и я обомлел. Я разговаривал с сестрой убитой женщины. Я не смог заставить себя сообщить ей плохие новости – этот момент она наверняка с ужасом вспоминала бы до конца своих дней – и поспешил передать трубку медсестре.

Помимо осмотра поступающих тел, я также узнавал у родственников истории болезни, чтобы понять, нужно ли вызывать судмедэксперта. Общаться с родными покойных мне было чрезвычайно тяжело. С мертвыми можно расслабиться: они не станут стенать о несправедливости случившегося или умолять сказать, что все это неправда. От родственников можно ожидать и не такого, и я с огромным трудом выдавливал из себя слова утешения, когда это требовалось.

Однажды я зашел в комнату для родственников отделения интенсивной терапии в поисках родных пожилой женщины, скончавшейся минут за двадцать до этого, и обнаружил двух девушек в крайне подавленном состоянии: это были ее дочери. Они пытались утешить друг друга, и я с сочувствием кивнул в их сторону, после чего, держа в руках планшет с бумагами, спросил, хотят ли они свою маму кремировать или похоронить. Они разразились криками и слезами. Никто им еще не сообщил, что мать скончалась! Сгорая от стыда, я предпринял безнадежные попытки извиниться и успокоить их. С того дня я всегда проверял, все ли в курсе, прежде чем доставать планшет и задавать такие вопросы.

Однажды утром к нам поступило тело юноши, повесившегося рядом с дорогой. Труп провисел там всю ночь, и ни один водитель не обратил на него внимания.

Общаться с родственниками со временем легче не становится. Придя в морг однажды вечером, я обнаружил девочку-подростка лежащей на столе для вскрытия. На ней было новенькое вечернее платье, а изящные руки все еще сжимали подарок, который она взяла на свою первую взрослую вечеринку. Она выглядела более живой, чем кто-либо из тех, кого я видел на том мраморном столе. Потребовалось немало времени, чтобы заставить себя поговорить с ее родителями. Что бы я ни сделал, что бы ни сказал, им в тот момент не стало бы легче. Они сидели в полном потрясении, пока я расспрашивал про здоровье и историю болезни их дочери. Вскрытие проводилось в полной тишине, как это всегда бывает с детьми, пока судебно-медицинский эксперт не обнаружил убивший ее крошечный порок сердца.

Несколько недель спустя я спокойно работал в канун Рождества, как вдруг праздничное настроение было разрушено. Поступило тело молодого мужчины, скончавшегося от кровоизлияния в мозг. Его заплаканная вдова спросила у меня:

– Что я скажу нашим дочерям? Они сидят у рождественской елки в ожидании Санты.

Другие вопросы, на которые было невозможно ответить, задавали родители, потерявшие маленьких детей из-за внезапной смерти во сне или из-за жестокости супруга.

С самоубийцами зачастую тоже приходилось тяжело. Проводя столько времени рядом с их трупами, я невольно задумывался об обстоятельствах, которые привели их к подобному решению. Однажды утром к нам поступило тело юноши, повесившегося в парке. Его шея была растянута на тридцать сантиметров – значит, он провисел там всю ночь. Сопровождавший тело бывалый полицейский с двадцатью годами службы за спиной сказал, что в жизни не видел ничего подобного. Дерево, с которого сняли труп, стояло у оживленной дороги.

– Фары каждой проезжавшей машины освещали его, – покачивая головой, сказал констебль, – однако никто ничего не предпринял.

Нам регулярно попадались тела повесившихся. Из многих мне запомнилось дело Клэр Андреа «Энди» Нельсона тридцати восьми лет, обнаруженного в 1982 году повешенным в арендуемой студии. Энди оказался сыном Рут Эллис, модели и администратора ночного клуба, которой не посчастливилось стать последней приговоренной к повешению в Великобритании женщиной, – она застрелила жестоко обращавшегося с ней любовника, гонщика Дэвида Блейкли, у входа в паб в Хампстеде. Ранее Блейкли ударил вынашивающую его ребенка Эллис в живот, что привело к выкидышу. Энди было всего десять лет, когда его мать повесили за убийство. К тому времени он жил вместе с родителями матери. Его дедушка, страдавший от алкогольной зависимости, повесился в 1958 году, в то же время бабушка оказалась практически в вегетативном состоянии из-за утечки газа, случившейся в ее доме в 1969 году.

> Работа в морге не всегда означает мрачное настроение и отсутствие радости. Если случаются курьезные случаи, в его стенах даже звучит смех.

На следующий день, после того как к нам поступило тело Энди, я допоздна задержался на работе. Раздался телефонный звонок. Звонивший представился секретарем Крисмаса Хамфриса, знаменитого адвоката обвинения, принявшего участие в ряде громких дел об убийствах, которые привели к казни обвиняемых. Одним из них стал Тимоти Эванс, чья невиновность впоследствии была доказана (серийный убийца Джон Кристи подставил его, из-за чего Эванса обвинили в убийстве одной из его жертв). Уйдя из юриспруденции, Хамфрис стал буддистом. Секретарь рассказал, что мистер Хамфрис выступал главным обвинителем по делу Эллис и хотел бы оплатить похороны Энди. Также он сообщил мне, что судья первой инстанции сэр Сесил Хейверс прежде делал ежегодные взносы в фонд на образование Энди. Очевидно, чувство вины за несправедливую смерть Эллис и ее последствия легло тяжелым бременем на плечи обоих.

*** * ***

Впрочем, не все так мрачно. Чем ближе находишься к смерти, тем громче смех в моменты веселья. Теперь, когда я сдал все экзамены (мои школьные учителя в жизни бы не поверили), меня попросили выступать перед медсестрами и полицейскими, рассказывая им про морг и процесс проведения вскрытия. Во время одного из таких выступлений, когда я объяснял, как после вскрытия зашивают тело – свежий пример лежал при этом на столе рядом со мной, – одна из медсестер спросила:

– Как долго швы заживают?

Во время другой демонстрации, показывая, как с уважением раздеть мертвое тело, я попытался снять с мертвеца ботинок и в итоге улетел в другой конец комнаты с протезом ноги в руке.

В другой раз я раздевал тело мужчины, и мне помогала молодая женщина-полицейский. Это был один из ее первых трупов. Мужчина допустил самую большую в своей жизни ошибку, свернув с Прейд-стрит на Эджвер-роуд на мопеде, сильно срезав угол, в то время как ему навстречу ехал автобус, в результате столкновения с которым мужчина погиб от перелома шеи. Сняв с него штаны, мы были чрезвычайно удивлены, увидев розовые женские трусики с оборками. Начав смеяться, мы уже не могли остановиться. Разумеется, это не было проявлением бездушия с нашей стороны: просто в воздухе повисло напряжение, и эти трусы с оборками будто стали насмешкой над нашей угрюмой профессиональной выдержкой.

> Однажды мне довелось работать с телом министра вооружения Третьего Рейха, доверенного человека Адольфа Гитлера.

Кроме того, я начал свыкаться с мыслью, что известные и даже скандально известные личности умирают точно так же, как и все остальные, и за время работы в больнице святой Марии через меня прошло немало «знаменитостей». Однажды вечером я был в своей квартире в Мэрилебон (иногда используется Марилебон)[14] и только закурил трубку, любуясь видом на Риджентс-парк в вечернем свете. Низко над деревьями пролетела гусиная стая. Проследив за птицами взглядом, я заметил рядом с больницей святой Марии необычайно большое количество мигающих синих огней. Поняв, что дело

серьезное, я решил своими глазами посмотреть, что там случилось, и направился пешком в больницу, до которой было рукой подать.

Здание осадили журналисты, телеоператоры и сверкающие вспышками камер фотографы. Увидев меня, медсестра интенсивной терапии явно почувствовала облегчение. Улыбнувшись, она подмигнула мне, сказав, чтобы я направлялся прямиком в палату, добавив с легкой улыбкой: «Не упоминайте войну!» Понятия не имея, что она имела в виду, и не желая тратить времени попусту, я повиновался и обнаружил полдюжины детективов, собравшихся вокруг тела элегантно одетого старика. Этот обычный с виду мужчина оказался не кем иным, как Альбертом Шпеером, архитектором и министром вооружения Третьего рейха, а также доверенным лицом Адольфа Гитлера. Он отсидел свой двадцатилетний срок в тюрьме Шпандау и прибыл в Лондон, чтобы записать интервью для BBC. Я вышел из палаты на поиски Пэта, чтобы он помог мне подготовить тело для вскрытия, за право проведения которого, как я хорошо знал, будут бороться все судмедэксперты. Для них не было ничего лучше возможности добавить в свое резюме какое-нибудь скандально известное имя. Только я зашел в отделение интенсивной терапии, как ко мне подошел неопрятного вида невысокий мужчина в плаще.

– Я из новостей, чувак, – сказал он уголком рта. – Дам десять штук, если сделаешь фото нациста.

Он приоткрыл плащ, показав карманный фотоаппарат. Я отказался и выпроводил его за дверь, где полицейские вывели его за теперь уже надежно установленное оцепление.

Потребовалось провести полномасштабное расследование причины смерти, однако она оказалась совершенно банальной: сердечный приступ. На следующее утро я сопроводил дочку Шпеера в зал прощания при морге, чтобы она могла посмотреть на тело. Она явно пыталась держать себя в руках, демонстрируя нарочитую холодность, даже скомандовала мне «Schnell!» («Быстро!»), так как в зал опознания можно было попасть только через несколько длинных подземных коридоров, которые казались бесконечными. Когда мы пришли, она постояла несколько секунд, склонив голову, после чего поспешно ушла с заплаканным лицом.

Однажды во время осмотра тела в морг пришли агенты специальной службы и просто забрали покойного, не оставив никаких документов об этом.

Следующее тело скандально известного человека прибыло в больницу святой Марии на такси, в котором он только что скончался. Это был барон Брэдвелл, более известный как Том Дриберг, представитель коммунистической партии, член палаты общин от Баркинга, который когда-то вел дружбу с близнецами Крэй, гангстерами из восточного Лондона. Ходили слухи, будто Дриберг был шпионом КГБ, но никаких доказательств этого так никто и не предоставил. Поскольку он был известной публичной личностью, потребовалось провести тщательное вскрытие и расследовать причины смерти, однако, как и Шпеер, Дриберг скончался от обычного сердечного приступа.

Из-за холодной войны я несколько раз попадал в довольно непростые ситуации. Разбуженный однажды ни свет ни заря взбудораженной медсестрой отделения интенсивной терапии, я прибыл в больницу, где обнаружил перепуганного полицейского, охраняющего труп мужчины сорока с небольшим лет. На его подбородке лежали остатки розовой таблетки, предположительно выпавшей изо рта. Вскоре мой осмотр был прерван таинственным мужчиной, представившимся партнером покойника. За ним последовали полдюжины агентов специальной службы, один из которых обмолвился, будто погибший был агентом КГБ. Погрузив труп в синий фургон, они испарились, оставив меня оформлять документы без тела или отчета о вскрытии для коронера. Четыре часа спустя дневная медсестра интенсивной терапии сообщила, что у нее в палате мертвый дипломат. Я объяснил ей, что тело дипломата уже забрали несколькими часами ранее.

– Тогда мог бы ты объяснить, кто сейчас лежит на моей тележке?

Я помчался туда, обнаружив второго мужчину, также с розовой таблеткой, на этот раз уже во рту. Агенты специальной службы вернулись и погрузили в свой синий фургон второго дипломата, оставив меня с двумя бланками о поступлении, но при этом без тел – теперь мне нужно было как-то все это объяснить.

У меня состоялась еще одна непродолжительная встреча с особой службой после того, как к нам в морг привезли тело молодого ирландца. Он умер от удушья, подавившись в обед стейком. В его смерти не было ничего подозрительного, однако, когда появились агенты специальной службы, я узнал, что он на самом деле был «спящим» агентом ИРА (ирландской освободительной армии), получившим зашифрованное послание и инструкции по взрыву бомбы. Его решение сначала пообедать спасло многие жизни.

*** * ***

Жизнь заведующего моргом не бывает скучной, и я определенно не жалею о решении отказаться от актерской карьеры, даже когда меня вызвали в отделение интенсивной терапии, чтобы забрать труп, и я увидел, что это был мой старый приятель Эдгар Люстгартен. Своей работой этот человек заново вдохновил меня на работу в морге. Увидев Эдгара, я невольно задумался о том, как складывается моя карьера, и решил, что, хоть мне и нравились проведенные в больнице святой Марии шесть лет, хочется чего-то большего. Следующим шагом стало бы управление судебным моргом, где занимались более серьезными и громкими уголовными делами, а также более запутанными, необъяснимыми случаями смерти. Несколько недель спустя, читая вечернюю газету, я увидел, что в Саутуарке открылась вакансия. «Мне это будет полезно», – думал я про себя, заполняя заявление и даже не мечтая получить работу. Знал бы я, на что подписываюсь, разорвал бы заявление в клочья и крепко держался за свое нынешнее место.

04. Самое бессмысленное убийство

7 июня 1982 года

Когда я выгрузил тело восьмилетнего Мэтью на тележку и закатил ее в морг, меня встретили полицейский фотограф и один из детективов инспектора Каннинга, ответственный за установление личности и вещественные доказательства. Следом шел офицер по связям с лабораторией Клиффорд Смит, ранее служивший в Королевской военной полиции. Клифф был вдумчивым и невозмутимым человеком, я достаточно близко познакомился с ним в последующие месяцы.

Мы опустили тело мальчика с тележки – оно по-прежнему было в мешке – на застеленный полиэтиленовой пленкой пол. Фотограф сделал снимки тела в мешке, затем в открытом мешке и, наконец, без него, на полиэтиленовой пленке, после чего мы осторожно одели тело, снова сфотографировали и вернули обратно на тележку. Пленку, на которой оно лежало, тоже сфотографировали и запечатали в пакет для вещественных доказательств, то же было проделано и со всей одеждой – каждый предмет детективы запечатали и промаркировали, в то время как я выступил в качестве понятого. Тело Мэтью повезли мимо холодильной комнаты. При других обстоятельствах оно оставалось бы там в ожидании своей очереди на вскрытие, однако дело было срочное, и морг уже работал, поэтому решили провести вскрытие незамедлительно.

Когда мы зашли в секционную, где горела только одна потолочная лампа, я увидел в полумраке три ожидающие меня фигуры. В падающем сзади свете они напоминали своеобразные гробы, поставленные вертикально. Я вздохнул. Коллектив у меня был, мягко говоря, разношерстный.

Здесь был Фрэнк, помощник коронера, которого было не выгнать из-за рабочего стола. Пытаться вытащить его оттуда – было все равно что уговаривать мертвого, так что я удивился, увидев его на ногах в такую рань. Одевался Фрэнк как пятилетка: его галстук вечно висел криво, один из шнурков был развязан, а рубашка все время оказывалась незаправленной. Внешний вид, впрочем, был обманчив.

Фрэнк значился вторым по важности человеком после судмедэксперта. Его обязанностью было сопоставлять все полицейские отчеты по произошедшей смерти (отчеты с места преступления, результаты анализов полицейской лаборатории, показания свидетелей и так далее) с информацией, полученной в результате вскрытия, и создавать итоговый документ для коронера (Гордона Дэвиса в данном случае), чтобы тот принял решение, проводить ли ему дознание и кого вызывать, если дознание будет. Мы редко видели Дэвиса. Как и его заместитель с примечательным именем сэр Монтегю Левин, он старался по возможности держаться от морга подальше. Посвященный в рыцари за службу личным семейным врачом Гарольда Вилсона, когда тот был премьер-министром, сэр Монти гордо носил закрученные вверх усы и был истинным джентльменом старой-старой школы.

> Курение в морге было повсеместным. Оно позволяло отвлечься и в неформальной обстановке обсудить рабочие моменты.

Над Фрэнком возвышался Косой, один из носильщиков/уборщиков. У этого двухметрового выходца из Бирмингема была забавная косая походка вразвалочку. Скажем так: учитывая его вид, мало кого удивило бы то, что он работает в морге. Вместе с тем уборщик из него был отвратительный, и мне приходилось тратить немало времени, вытирая за ним. Казалось, уборка, с его точки зрения, заключалась в том, чтобы размазать по всей свободной поверхности побольше отбеливателя, порошка и пены.

Фрэнк с Косым курили, но в этом не было ничего необычного. В морге все курили: это приветствовалось. Закурив сигареты – или, в моем случае, трубку, – мы могли несколько минут в неформальной обстановке обсудить проведенное вскрытие или подготовку к следующему. Когда мы ждали прибытия жертвы убийства, обстановка становилась настолько напряженной, что все непременно закуривали. К началу вскрытия, особенно в скудном освещении морга, мы работали уже словно в тумане.

Я с облегчением увидел, что третьим присутствующим человеком был Том, бывший солдат из королевского танкового полка, который

стал санитаром морга, – суровый, молчаливый и трудолюбивый.

Все трое болтали, однако прервали разговор, стоило мне зайти. Увидев, что мы завозим тело мальчика, Фрэнк сразу же бросил сигарету в переполненную пепельницу (которую Косой и не думал опустошать) и удрал к себе в кабинет. Лишь половина из восьми помощников коронера в Саутуарке когда-либо присоединялась к нам во время вскрытия. Прочие предпочитали подождать, пока все закончится, и забирали отчет санитаров вместе с записями судмедэксперта уже из моего кабинета.

Мгновение спустя прибыл профессор Мант, и мы поспешили приступить к работе. Взяли образцы мочи и волос, дважды взяли пробу из-под ногтей Мэтью с помощью обратной стороны спички, сложив все, что получилось собрать, в пакет. Затем мы тщательно осмотрели тело на предмет внешних повреждений. Следуя указаниям профессора Манта, я отметил расположение синяков, порезов и ссадин на схеме тела.

> Точечные кровоизлияния на веках свидетельствуют о том, что человека душили.

Мальчик был ростом чуть больше метра двадцати, хорошо упитанный, однако чрезвычайно бледный из-за огромной кровопотери. У него были обширные травмы. Казалось, на него сначала напали, а потом ударили ножом и скинули на голову бетонный блок.

– Есть признаки сдавливания шеи, – сообщил профессор Мант. – Точечные кровоизлияния на верхних и нижних веках.

Это было признаком лопнувших в процессе удушения кровеносных сосудов.

– Кроме того, имеются несколько ссадин на самой шее, а также синяки и две серповидные ссадины с правой стороны.

Эти серповидные ссадины указывали на то, что его душили. Затем мы насчитали тринадцать колотых ран в левой верхней части груди на участке размером всего тринадцать квадратных сантиметров. Еще три раны были чуть ниже, а еще четыре располагались вдоль горизонтальной линии поперек верхней части его живота. Пять ран доходили до сердца, и еще одна проходила через печень. Все внутренние органы были обескровленными, в то время как в левом

легком осталось много крови. Голова была усеяна синяками и ссадинами.

> В случае убийства или самоубийства тело обязательно должны опознать ближайшие родственники.

– Череп во многих местах проломлен, – сказал профессор Мант, – и скальп местами полностью отделен от подлежащих тканей.

Достав мозг, я сразу же увидел, что он сильно поврежден.

– Средний мозг раздавлен, – сказал профессор Мант, – а задний – сильно рассечен.

– Значит, это соответствует падению на голову тяжелого объекта? – спросил инспектор Каннинг.

– По-моему, сомнений быть не может, – ответил профессор Мант.

– Такого, как найденный на месте преступления бетонный блок?

– Да.

– А колотые раны?

– Нож с односторонним тонким лезвием длиной сантиметров семь – если считать, что лезвие полностью вошло в тело, – и сантиметр шириной.

– Какие-то догадки по поводу очередности нанесенных ран?

– Нет. Могу лишь сказать, судя по количеству крови в легких, что мальчик был жив, когда наносились удары ножом, и все еще дышал, когда ему на голову сбросили бетонный блок.

На этих словах нас прервали, так как зашел детектив, чтобы сообщить инспектору Каннингу о прибытии матери мальчика для официального опознания. В случае убийства или самоубийства тело обязательно должно быть опознано ближайшими родственниками.

Инспектор Каннинг поблагодарил профессора Манта, который покинул нас, чтобы напечатать официальный отчет, а мы с Томом в это время стали приводить тело Мэтью в порядок. Каждый орган положили в пластиковый пакет и поместили в соответствующую полость тела. Взявшись за работу, аккуратно зашивая Y-образный шов, мы не могли не думать о перенесенном Мэтью ужасе, о том, как долго он изо всех сил цеплялся за жизнь и как все это время его убийцу не оставляло желание уничтожить эту юную жизнь.

Даже Том, будучи человеком немногословным, который лучше многих из нас знал, насколько немыслимо жестокими бывают люди, не смог удержаться от неизбежного вопроса: «Каким нужно быть человеком, чтобы делать подобные вещи?» В ответ я лишь покачал головой и постарался как можно лучше прикрыть раны Мэтью тканью.

Когда мы закончили, Косой закатил тело в смотровую, располагавшуюся между моргом и судом. Это была крошечная тесная комнатка – не более, чем узкий коридор со стеклянным окном, отделяющим тело от того, кто пришел на него посмотреть. Прикасаться к телу было запрещено из-за опасности перекрестного загрязнения[15]. Я еще не закончил с уборкой, когда услышал ужасный, неописуемый, преисполненный горя вопль матери.

Я решил, что это будет подходящий момент, чтобы доставить кое-какие бумаги напрямую в офис коронера, и побрел по узким коридорам здания в кабинеты, где сидели восемь его помощников.

Всего два месяца я был в должности, однако уже хорошо познакомился с этими людьми. Здесь были Дэвид, который не выносил ничего, что было как-либо связано со смертью, и «тайком» потягивал весь день напролет виски из фляжки (все об этом знали, но делали вид, что не замечают), что оказалось уже невозможно скрывать, когда он начинал пытаться здороваться с вешалкой; Стивен, рыжеволосый йоркширец, утверждавший, будто у него «хорошее чувство юмора», и обожавший устраивать розыгрыши, начиная от подушек-пердушек и заканчивая взрывающимися сигарами; Тед, густоволосый мужчина за пятьдесят, который разговаривал словно принц Филипп, а вел себя так, будто был не младшим констеблем, а суперинтендантом (он редко когда удосуживался заговорить с кем-либо в морге); Мартин, пожилой мужчина, невысокий и худощавый, крайне подозрительный тип; а также Пол, деятельный полицейский, смотревший на всех с подозрением. Я поладил с двумя помощниками коронера: Брайаном, беззаботным юношей, который недавно обзавелся семьей, и Норманом, осмотрительным полицейским, которому оставалось недолго до пенсии. Последний был заядлым курильщиком и, казалось, знал обо всем происходящем вокруг него. Хоть у него и было золотое сердце, он хотел лишь продержаться еще несколько лет, чтобы потом получать солидную полицейскую пенсию. Я постучался в дверь к Норману и протянул папку с делом Мэтью.

Однажды в морг привезли тело мужчины с двумя торчащими из груди ножами. И даже в этом случае необходимо было провести полный осмотр, чтобы установить причину смерти.

– Как дела, Питер? – спросил он, забирая папку. – Этот твой заместитель все доставляет тебе хлопоты?

Только с Норманом и Брайаном я мог разговаривать открыто, поскольку они предупреждали меня насчет Джорджа с самого первого дня.

– Да уж, можешь не сомневаться.

Открыв папку, он втянул ртом воздух:

– Скверное это дело.

Я успел лишь вкратце обрисовать ситуацию, прежде чем меня прервали.

– Эверетт! – раздался в коридоре звучный голос профессора Джонсона. Его красное лицо показалось из секционной – как всегда, он был на грани бешенства. – Вот ты где! – воскликнул он. – Нам тут не хватает людей, и мне нужна твоя помощь. Давай уже! Я не могу ждать тебя целый день!

Проводилось вскрытие мужчины пятидесяти пяти лет, из груди которого прямо по центру торчали два ножа. Стараясь не шутить по поводу очевидной причины смерти, я поинтересовался, что уже удалось установить. Здесь были Том и детектив, которого я прежде не видел, представившийся инспектором Джеком Брауном, – это был мужчина средних лет, с пивным пузом и добрым нравом; один из тех людей, которые и там были, и то делали, все на свете повидали и написали целый учебник.

– Он отмечал серебряную свадьбу, – сообщил инспектор Браун, – и, по словам соседей, счастливая пара весь день напролет выпивала и ссорилась. Так продолжалось до утра, когда мистер Уотерс, что перед нами, проснулся, схватил нож и ударил им жену в грудь.

Я оглянулся по сторонам в поисках второго тела.

– Нет, она в порядке, если так можно сказать, – сказал инспектор Браун. – Миссис Уотерс взяла еще два ножа и воткнула оба в грудь мистеру Уотерсу.

Она явно преуспела лучше своего супруга, однако, по словам инспектора Брауна, теперь отчаянно сожалела о своих действиях, сообщив детективу, что мистер Уотерс – это «все, что у нее есть» и что она любила его до глубины души.

*** * ***

Мне не пришлось долго ждать, чтобы узнать, кто убил Мэтью. В день своей гибели он вышел из дома в пять вечера и встретился со своим старшим приятелем – жившим по соседству пятнадцатилетним мальчиком. Отправившись допрашивать этого парня, инспектор Каннинг заметил на его кроссовках небольшие кровавые брызги, а также кровь с грязью под ногтями. Вскоре парню предъявили обвинение в этом ужасающем убийстве. Понятное дело, случай стал довольно громким и даже был притянут к разгоревшимся в то время спорам по поводу насилия в кино.

> В Британии начала 1980-х разразилась настоящая истерия по поводу тлетворного влияния кинематографа и литературы жанра хоррор на подростков.

Видеомагнитофоны появились в Великобритании в 1979 году, и к 1982 году они имелись уже в каждом четвертом доме. Голливуд тогда решил не выпускать на видеокассетах свои самые кассовые фильмы, опасаясь видеопиратства, тем самым только спровоцировав его. Видеорынок никак не регулировался, и как только сметливые дельцы увидели, что люди с радостью покупают дешевые импортные фильмы, небольшие прокатные компании закупили итальянские ужастики и американские слэшеры[16] и начали поставлять их по всему миру. В марте 1982 года компания Go Video отправила кассету с фильмом «Ад каннибалов» вместе с выдуманным гневным письмом самопровозглашенному борцу за нравственность Мэри Уайтхаус. Миссис Уайтхаус, глава Национальной ассоциации зрителей и слушателей, тут же принялась создавать – не без любезной помощи СМИ – полномасштабную моральную панику. Убийца Мэтью – который, как выяснилось, был большим любителем литературы

ужасов, в особенности всего, что касалось графа Дракулы, – использовался в качестве примера для демонстрации тлетворного влияния жанра ужасов в сфере развлечений. Все признаки того, что наше общество было на грани коллапса, якобы были налицо. В результате в 1983 году был принят Закон о видеозаписи, запрещавший определенные виды эксплуатационных[17] фильмов и фильмов ужасов. Этот закон положил конец истерике таких газет, как Daily Mail, которая в июле 1983 года запустила целую кампанию, разместив на главной странице статью с заголовком «Запретим видеосадизм», рассказывающую, как «нашим детям насилуют мозги». В другой статье было высказано предположение, что убийца Мэтью оказался одержим одним из таких фильмов – каких-либо доказательств этого не имелось.

И действительно, как бы нам ни хотелось понять, почему тот подросток решил убить беззащитного невинного восьмилетнего ребенка столь жестоким образом, ответа на этот вопрос попросту не было. Он отрицал свою вину, однако в 1983 году в Центральном суде Лондона его признали виновным и приговорили к пожизненному тюремному заключению. Мать Мэтью присутствовала в суде, когда огласили этот вердикт. Описав свой ужас после того, как она увидела фотографии бетонного блока, сброшенного на голову ее сыну, она сказала прессе: «Не проходит и дня, чтобы я его не оплакивала. У матери (убийцы Мэтью) по-прежнему есть сын. У меня же остался лишь могильный камень».

05. Прогнившие люди

Ритуальный агент выглядел так, будто вот-вот заплачет. У него был открыт рот, а губы дрожали, словно он хотел заговорить, но не находил слов. Он был в охраняемом гараже морга и смотрел в свой новенький катафалк, распахнутый сзади.

– Что случилось? – поинтересовался я.

– Мои металлические носилки, – сказал он, чуть ли не переходя на вой. – Они пропали!

Я заглянул в катафалк, и действительно – носилок не было.

– Может, они остались в морге? – спросил я.

Мы пошли осмотреться, но ничего не нашли.

– Они были совсем новые! – закричал он. – Две штуки за них отвалил!

Он приехал из Йоркшира в своем новеньком катафалке, чтобы забрать тело клиента. Решил оставить машину в гараже морга, чтобы пообедать, а затем погрузить тело и поехать домой.

Закипая от злости (ведь я знал, что это дело рук Джорджа), я не подавал виду и заверил ритуального агента, что займусь этим вопросом, а также помогу, как смогу, с получением страховой выплаты.

Джорджа нигде не было видно – думаю, в тот момент он пытался получить фунтов пятьсот от какого-нибудь нечистого на руку ритуального агента, наверняка рассказывая ему, будто носилки сами выпали из какого-то катафалка.

Это постыдное происшествие было лишь одним из серии возмутительных краж из морга, которые выставляли на посмешище новейшую систему охранной сигнализации, установленную советом за огромные деньги. Однажды вечером Джордж «забыл» положить часы «Ролекс» одного покойного в сейф, и, как и можно было ожидать, на следующее утро они пропали.

> Из морга в Саутуарке регулярно что-то пропадало – в основном личные вещи покойных, но воровали даже оборудование.

Жалоб из-за обворованных тел почти никогда не поступало, тем более от родственников, которые обычно не знали, сколько именно денег было с собой у покойного или какие на нем были драгоценности. Воры всегда оставляли несколько фунтов в сумочке или бумажнике, чтобы рассеять подозрения. В тех невероятных случаях, когда люди все-таки жаловались, ничего нельзя было доказать. Я знал лишь о ювелире из Пекхэма, скупающем драгоценности, о котором упомянул Джордж.

Больше всего меня шокировало то, насколько спокойно ко всему этому Джордж относился. Как я узнал из протоколов его многочисленных дисциплинарных слушаний, тому была причина: профсоюз и руководство из совета были на его стороне. Джордж искусно заворачивал истории о том, как его постоянно притесняет начальство (то есть я) и как весь мир настроен против него, в то время как у него просто слишком много обязанностей (он понимал, что совет будет себя чувствовать из-за этого виноватым, так как не мог позволить себе нанять больше сотрудников). Появившись после очередных таких слушаний, этот подлец с улыбкой сообщил мне, что ему не было предъявлено обвинений. Руководство даже сказало: «Не позволяй этим засранцам на себя наседать!»

> Руководство морга столько лет «не замечало» воровства сотрудника, что признание перед общественностью его вины означало бы признание собственной некомпетентности.

Джордж был уверен в своей неуязвимости, и у него имелись на то веские причины. Оказав столько поддержки за годы его работы, наше руководство в совете скорее предпочло бы сохранить репутацию, чем признать его виновным в каком-либо правонарушении. Любая другая позиция была бы для них слишком щекотливой, и они сами могли в результате пострадать. Возможно, именно поэтому Джордж с таким самодовольством рассказывал мне о гнусных делах, которые он проворачивал в морге. Так, например, он сообщил, что некоторые приходящие судмедэксперты проявляли предвзятость, когда проводили вскрытие в деле об убийстве.

– Как, черт возьми, эксперт вообще может быть предвзятым? – недоумевал я.

– Ну, когда нужно сделать выбор между умышленным и неумышленным убийством, то один судмедэксперт всегда интересуется, арестовала ли кого-то полиция. Если арестовала, спрашивает, черный он или белый. Если черный, он делает выбор в пользу умышленного убийства.

Также он рассказал, как помощники коронера зарабатывают деньги, продавая похоронным бюро право на перевозку трупов. Когда возникает необходимость в доставке тела в морг, помощник коронера сам выбирает, какому ритуальному агенту это поручить. За эту работу причитается приличная сумма, выплачиваемая коронером из государственной казны, так что она достается тем ритуальным агентам, которые готовы поделиться деньгами с помощниками коронера. Кроме того, когда помощник коронера опрашивал ближайших родственников покойного, он уговаривал их воспользоваться услугами ритуального агента, доставившего тело. В качестве вознаграждения он получал все деньги за перевозку, а ритуальный агент – нового клиента, и все были довольны. По его словам, такая схема работала годами.

Джордж даже обвинил мое руководство в том, что они брали процент с его краж, – мне это показалось еще одним убедительным объяснением того, как ему удавалось избежать наказания (обвинения оказались ложными). От рассказов о столь гнусных преступлениях у меня закипала кровь в жилах. Я и сам всегда говорил людям, что труп – всего лишь оболочка. Но когда я думал о том, как тела – беззащитные! – осквернялись в столь неподобающей манере, от негодования у меня на глазах наворачивались слезы. Близких лишали предметов, которые могли бы стать для них напоминанием о скончавшемся родственнике. Именно с такими мыслями я и разработал план, как раз и навсегда положить конец этой мерзости.

У меня был друг, работавший в специальной службе. Когда я попросил у него совета, он дал мне номер человека, поставляющего частным компаниям скрытое оборудование, используемое для поимки ворующих сотрудников. Несколько дней спустя я прибыл на работу на два часа раньше. Убедившись, что в здании пусто, установил в нескольких ключевых местах скрытые микрофоны. Я рассчитывал, что вскоре заполучу необходимые доказательства.

Чтобы доказать очевидные, казалось бы, нарушения в морге, пришлось установить скрытые прослушивающие устройства.

Я сдерживал зевоту. Лег я слишком поздно, а маленький сын всю ночь будил меня каждые двадцать минут, пока в пять утра не пришло время вставать. Мои надежды немного вздремнуть перед началом рабочего дня были разнесены в пух и прах звонком профессора Манта.

– Отлично, ты уже на месте, – сказал он. – У меня тут особенно жуткий случай, понадобится твоя помощь.

Пятнадцать минут спустя я прибыл в студию в Бермондси, где меня чуть не сбил с ног выбежавший из двери констебль, которого тут же стошнило в мусорное ведро. Подняв брови и сочувствующе пожав плечами, я повернулся и начал подниматься по лестнице. Я навидался всяких смертей, от распухших из-за червей трупов до тел с ампутированными поездом метро конечностями, так что меня вряд ли можно было чем-то шокировать.

Зайдя в студию, я снова зевнул – это был широкий зевок во весь рот, полностью отражавший уровень моей усталости. Я все еще не закончил зевать, когда наткнулся на профессора Манта в ванной. Усталость была забыта, зевота прошла. Я в жизни ничего подобного не видел. Шагнув вперед, я принялся изучать тело, которое принадлежало юноше. Оно лежало в ванне, примерно на четверть заполненной окрашенной в красный цвет крови водой.

– Знаю, – сказал профессор Мант, повернувшись поздороваться со мной и увидев выражение моего лица. – Выглядит так, словно ему уже провели вскрытие, пускай наверняка и худшее на свете.

Тело было практически разрезано пополам в продольном направлении. Огромная зияющая рана от горла до лобка. Внутренности были вытащены наружу и теперь болтались в ванне вокруг него, словно какие-то доисторические морские твари. На месте его гениталий был кровавый обрубок. Профессор показал на унитаз, и я увидел внутри него плавающими в розовой воде пенис и яички.

– Пожалуйста, скажи, что убийца арестован, – умоляюще сказал я, в жизни не видевший подобного зверства.

– У полиции есть немало зацепок, – ответил профессор Мант. – Кто-то, предположительно убийца, позвонил в полицию в четыре часа

сегодня утром, чтобы сообщить местоположение покойного. Погибшему было семнадцать лет, он занимался сексом за деньги и прошлой ночью был в городе со своими клиентами, так что поиск подозреваемого не должен составить особого труда.

Несмотря на весь ужас наблюдаемой картины, мне пришлось подавить еще один зевок.

– Что, нагоняю сон? – спросил профессор Мант.

Я покачал головой.

– Это все мой сын, – ответил я. – У него сейчас такой период. Во всяком случае, надеюсь, что это временно.

Достав блокнот, я описал сцену со слов профессора Манта, раны жертвы и предполагаемое орудие убийства – нож для гипсокартона. В спальне мы нашли окровавленные веревки и электрический кабель, которыми, вероятно, были оставлены обнаруженные на спине жертвы отметины. Перед убийством его привязали к кровати, занялись с ним анальным сексом и отхлыстали.

Вскрытие выдалось крайне незаурядное – отчасти от того, как ловко профессор Мант восстановил последовательность событий, однако преимущественно из-за всего ужаса произошедшего. Проведя анализ ран и следов крови, профессор определил очередность нанесения повреждений, заключив, исходя из факта проникновения крови в легкие, что на протяжении всех истязаний бедняга был в сознании и дышал, скончавшись лишь после удара в сердце.

Наверное, невозможно представить, какие муки испытал этот парень, понимая неизбежность своей смерти, осознавая, что будет лишен всех ожидавших его впереди радостей и невзгод.

Когда проводишь много времени с трупами, подобные нездоровые мысли порой так и лезут в голову, однако, к счастью, я никогда не предавался им слишком долго, и, не без помощи невозмутимого профессора Манта, который навидался людской бесчеловечности в нацистских концентрационных лагерях, мы сохранили профессионализм от начала и до конца. К тому же нас уже ждало следующее тело – самоубийца в метро, и мы не могли затягивать.

Самоубийцы в метрополитене не были редкостью. Смерть там нечасто бывает мгновенной, и порой все получается совсем не так, как предполагалось.

Попавшие под поезд в метро редко умирают быстро – обычно это страшная и болезненная смерть. Тем не менее в Британии 1980-х самоубийство в метро не было редкостью.

Когда я работал в больнице святой Марии, в отделение интенсивной терапии как-то поступила орущая от боли женщина, бросившаяся под поезд метро. Ей оторвало руки и ноги. Она вопила, моля о смерти, четыре дня напролет, пока та наконец не наступила.

Иногда самоубийца, замешкавшись на долю секунды, прыгает слишком поздно и бьется о бок поезда, оказавшись зажатым между продолжающим движение составом и платформой. Его тело перекручивает, и порой люди при этом остаются в сознании. Внутренние органы могут перенести непоправимые повреждения, но прижимающий тело поезд сдерживает кровотечение. Иногда человек даже говорит, однако стоит его поднять с платформы, он быстро умирает от потери крови. В таких случаях врач вводит успокоительное и вызывают священника, чтобы как-то утешить умирающего, если он того пожелает.

Самоубийством в метро кончают очень разные люди. Работая в больнице святой Марии, я как-то занимался телом оксфордского профессора, который прыгнул под поезд на вокзале Паддингтон. Помню еще бывшую девушку Фрэнка Синатры. Она искала утешения в ночной жизни Лондона, но обрела лишь одиночество и депрессию.

В данном случае жертва была обезглавлена, и вскрытие оказалось относительно несложным. К тому времени, как мы закончили с телом, полиция уже поймала убийцу изуродованного парня: им оказался руководитель рекламного агентства, который охотно дал признательные показания. Он объяснил, что вышел из себя, когда юноша отказался встречаться с ним снова, потому что клиент был слишком жестоким. После непродолжительного суда несколько недель спустя убийцу отправили на пожизненное заключение в Бродмур – печально известную психиатрическую больницу строгого режима в Беркшире.

Приближался вечер, и я уселся в своем кабинете разбирать бумаги. Просидел допоздна, пока не убедился, что в здании никого не осталось, а Джордж уже у себя в квартире – наверняка подсчитывает свои бесчестно заработанные деньги. Я вымотался, однако мысль о

том, какие разговоры мне, возможно, удалось записать, придавала сил. Хоть день и выдался невероятно долгим, доставая из потайных мест записывающие устройства в секционной, я был слишком взволнован, чтобы испытывать усталость.

Я достал крошечные кассеты, вставил в диктофон и нажал на кнопку воспроизведения, после чего понял, что мне предстоит еще немало поучиться скрытой записи. На фоне шипения помех я смог различить лишь отдельные гневные возгласы профессора Джонсона и звон инструментов в металлической раковине, однако из всех остальных разговоров мне с большим трудом удавалось выудить отдельные слова, не говоря уже про полноценное признание в содеянном. Некоторые фразы косвенно указывали на вину Джорджа, но ничего убедительного определенно не было.

> Запах разложения трудно спутать с другим. Он специфический и приторно-сладкий.

Я решил не опускать руки и поставил новые кассеты, а затем собирался направиться домой, но тут зазвонил телефон. Это был доктор Базиль Пердью, один из молодых судебно-медицинских экспертов. Он сообщил мне, что департамент уголовного розыска (ДУР) вызывал его на «скверный случай», и ему требовалась моя помощь. Подходил к концу чрезвычайно жаркий день, и в машине Базиля была настоящая парилка, когда мы ехали по адресу на Херн-Хилл. Доктор Пердью недавно закончил подготовку, поэтому ему только начали поручать дела об убийстве. Как следствие, он всячески старался сделать все в точности как надо и часами изучал жертв, записывая малейшие детали.

Инспектор Бэйкер встречал нас всегда одной и той же фразой: «Случай скверный». Когда мы поднимались по лестнице, в ноздри ударил приторно-сладкий запах разложения. В окружении плюшевых медведей на подушках лежали пятилетний мальчик и его четырехлетняя сестра. Они были одеты в чистые пижамы, и никаких внешних признаков травм не наблюдалось. В результате продолжительного вскрытия, проведенного в полной тишине, было сделано заключение, что мать накормила их гербицидами с крысиным ядом, после чего задушила подушкой. Мать, признавшуюся в

убийстве, в итоге, как и директора рекламного агентства, отправят на неопределенный срок в Бродмур. Два зловещих убийства всего за один день: оба совершенно разные.

*** * ***

Дни проходили в пелене активной деятельности. Я приходил пораньше и задерживался на работе, чтобы установить и проверить свои тайные записывающие устройства, выполнял повседневную работу в морге, параллельно выбивая деньги на ремонт здания, а также посещая места преступления и принимая участие в проведении вскрытий – усталость быстро накапливалась. Переставив микрофоны, я добился улучшения качества записи, но разобрать слова по-прежнему было непросто, не говоря уже о том, чтобы добиться достаточной четкости, чтобы убедить присяжных в принадлежности голосов определенным людям.

Прошло несколько дней, и я пришел, как обычно, пораньше, чтобы прослушать у себя в кабинете сделанные накануне записи, как вдруг от внезапного стука в дверь подпрыгнул на месте. Спрятав кассеты в ящик стола, я велел войти и с удивлением увидел перед собой Салли. Она была нашим новым сотрудником, присоединившимся к команде в июне, всего несколькими неделями ранее. Ей было лишь восемнадцать, но она настолько впечатлила меня своей зрелостью, равно как и оценками, что я нанял ее в качестве санитара-стажера.

– Можно на пару слов, мистер Эверетт? – спросила она.

– Разумеется. Как тебе здесь? Надеюсь, нет проблем?

– Ну раз уж вы об этом заговорили, – сказала она с неуверенностью в голосе. – Вопрос, знаете, деликатный.

– Я тебя слушаю. Все, что ты скажешь здесь, останется в строжайшем секрете.

– Ну Джордж, он э-э…

Услышав имя своего заместителя, я навострил уши.

– Да, да, продолжай, – сказал я, стараясь говорить не слишком оживленно.

– Ну, я услышала, как он говорил про какие-то кражи, и предложил мне взятку, чтобы я держала рот на замке.

– Взятку, говоришь? – перебил я, стараясь скрыть свою радость. – И какую?

– Сто фунтов.

– И что ты ответила?

– Поначалу я не знала, что сказать, однако потом отказалась от денег, пообещав молчать.

Рассказав Салли все, что мне было известно, а также объяснив, насколько важно, чтобы она пошла со мной в полицию, я взял листок бумаги, и мы набросали совместное заявление. Поблагодарив девушку, я закрыл за ней дверь и уселся печатать наше заявление, сделал стенограммы записей и отправил все директору в совет Саутуарка. В итоге мы пришли к соглашению, что пора звонить в полицию. Расследование, о котором я так долго мечтал, было, наконец, начато.

Всего пару часов спустя мне позвонили, попросив прийти в полицейский участок Камберуэлла, где меня встретил начальник участка, главный суперинтендант Питер Холланд. До этого назначения Питер работал в убойном отделе, и наши пути уже пересекались в морге. Он был настырным детективом, строгим, но справедливым. Питер сразу же сообщил, что у него самого были подозрения.

– В прошлом году я работал над делом об убийстве – потасовка в пабе, закончившаяся поножовщиной, – сообщил он, когда мы зашли к нему в кабинет. – У жертвы в кармане лежали пять фунтов. Через какое-то время после его поступления в морг эти пять фунтов пропали!

Следующие два часа мы, напрягая уши, слушали мои записи. Затем Питер решил, что их следует отправить в полицейскую лабораторию, чтобы речь сделали более разборчивой. К нам присоединился инспектор уголовной полиции Иэн Джонсон, позже ставший главным констеблем британской транспортной полиции. Следующие три часа я подробно рассказывал им и свою историю, и то, как проходили дисциплинарные слушания Джорджа, а также набросал поэтажный план морга. Когда я закончил, Иэн велел мне отправляться обратно в морг и не говорить никому, даже своему руководству, о полицейском расследовании и обо всей той информации, что я передал, ведь мы не знали, было ли замешано в коррупции высокопоставленное начальство. Питер добавил, что через несколько

дней подключится отдел по борьбе с коррупцией. Я вернулся в морг в приподнятом расположении духа.

Меня ожидал весьма любопытный случай. Тело девочки-подростка. Ее звали Ребекка, ей было всего шестнадцать. Единственная огнестрельная рана в голове. Пуля прошла прямиком через виски. Ее парень Уинстон был арестован по обвинению в убийстве, однако отрицал, что произвел смертельный выстрел.

Я быстренько подготовил секционную, пока профессор Мант изучал рентгеновский снимок головы девочки. Врачи в больнице Королевского колледжа пытались ее реанимировать, однако, как отметил профессор Мант, осколки пули распространились по мозгу.

> Если дуло огнестрельного оружия при выстреле находится вплотную к телу, на теле остаются ожоги.

Хотя сама причина смерти сомнений не вызывала, точные ее обстоятельства были под вопросом. Известно, что Уинстон попросил приятеля спрятать пистолет, тем не менее потом полиции удалось его заполучить. Затем Уинстон стал утверждать, будто чистил оружие, когда оно случайно выстрелило, но профессор Мант обнаружил следы ожога, которые обычно остаются, когда дуло располагается вплотную к голове, так что – если он, конечно, не чистил его прямо у виска девушки – это было невозможно.

Затем Уинстон поменял свои показания, сказав, что они с Ребеккой подстегивали друг друга сыграть в русскую рулетку. Он поместил в барабан револьвера одну пулю, молодые люди по разу приставили револьвер к голове, однако потом Ребекка настояла, чтобы они попробовали еще раз, и сделала смертельный выстрел. На руках Ребекки не было следов пороха, однако убойный отдел понимал, что этой истории было достаточно, чтобы вызвать у присяжных обоснованные сомнения, и Уинстона могли не признать виновным в умышленном убийстве. Тогда они обвинили его в убийстве непредумышленном, и присяжные отправили парня на шесть лет за решетку.

Вскоре после этого случая мне позвонил суперинтендант Джон Болл из отдела по борьбе с коррупцией. Он велел мне взять на работе больничный и встретиться с ним в Скотланд-Ярде. В полиции их

называли мягкими подошвами, или призрачным отрядом, из-за того, как они тайком следили за своими сослуживцами, подозреваемыми в коррупции, – по понятным причинам сотрудники этого отдела не пользовались в полиции особой популярностью, так что работали, по сути, сами по себе. Эти восемнадцать человек были лучшим оружием в руках Скотланд-Ярда, так как ловили людей, которые слишком хорошо знали, как устроено правосудие, были подозрительными по своей природе и отлично умели заметать следы. Отделу по борьбе с коррупцией удалось добиться ряда приговоров, но во многих случаях провинившихся полицейских попросту увольняли со службы вместо полноценного судебного разбирательства, чтобы уберечь полицию от позора. В остальном этот отдел внушал здоровый страх, сдерживающий полицейских, которые в противном случае могли бы пойти на соблазн использовать свою значительную власть ради финансовой выгоды.

Джон Болл был довольно комичным персонажем из-за своих отчаянных попыток бросить курить. Чтобы преодолеть зависимость, он весь день напролет жевал сладости. За это его прозвали Сладким, хотя никто бы не осмелился сказать ему это в лицо. В отделе тайком делали ставки, когда он сдастся и наконец сделает затяжку, но сладости – по крайней мере, пока – делали свое дело, хоть и не сулили ничего хорошего его зубам и талии.

> Каждый вечер, когда все уходили домой, я проверял мусорные корзины помощников коронера и обыскивал их столы, чтобы найти доказательства их преступлений.

Суперинтендант Болл завел меня в свой отдел.

– У нас уже сорок три подозреваемых помощников коронера по всему Лондону, – сообщил он мне, указав на имена, аккуратно выписанные мелом на огромных досках рядом с их предполагаемыми преступлениями. Одного продажного полицейского уже было достаточно, но сорок три!

– Мы знаем о коррупции в твоем подразделении, Питер, – продолжил он, жуя мармелад, пока я изучал имена и предполагаемые преступления, – однако тот факт, что в деле сами сотрудники твоего морга, открывает нам новые направления расследования.

Я согласился собирать информацию и стать глазами и ушами отдела в морге. Каждый вечер, когда все уходили домой, я проверял мусорные корзины помощников коронера и обыскивал их столы, но мы имели дело с чрезвычайно опытными полицейскими: они знали, как бороться со слежкой. Тогда Болл спросил у меня, готов ли я взять на себя более активную роль в расследовании.

– Я готов на все, – ответил я, – если это поможет очистить мой морг.

Знай я, что меня ждет впереди, может, и не был бы столь отважным.

06. Ужасная трагедия

Июль 1982 года

Разумеется, смерть ждать никого не будет. Пока я пытался сохранить терпение в ожидании начала следующего этапа полицейского расследования, в морг продолжали стабильно поступать тела. Однажды вечером, когда я пытался разобрать горы бумаг у себя в кабинете, мне пришлось прерваться – поступило тело молодой ямайской женщины.

Джулия, умершая в возрасте тридцати пяти лет, была упитанной, и на ее теле не было никаких очевидных признаков, указывавших на причину смерти, между тем, столкнувшись с набором знакомых симптомов, врачи из больницы Гая написали в сопровождающей документации: «Подозрение на передозировку наркотическими препаратами». Вскрытие было назначено на следующее утро, но я был особенно обеспокоен, потому что это не был типичный случай передозировки.

Детектив, сопровождавший тело, прибыл с агентом из следственной группы по борьбе с наркотиками государственной таможенно-акцизной службы. Агента звали Клайв. Он был невысоким мужчиной, говорившим с выраженным эстонским акцентом и носившим классический костюм. Клайв работал на другом берегу реки от Саутуарка в здании таможни на Лоуэр-Темз-стрит.

> Сильная передозировка и отсутствие документов чаще всего означают, что человек был наркокурьером.

Таможня расположилась там задолго до того, как Саутуарк обзавелся своим моргом, еще в XV веке. Это наглядно показывает, что, хотя ни смерти, ни налогов не избежать, наши правители гораздо больше обеспокоены вторым, чем первым. И это несмотря на тот факт, что в здании таможни за прошедшие столетия погибло немало людей в результате неоднократных взрывов бочек со спиртом и порохом: двух популярных импортируемых товаров, которые проходили проверку в помещении, освещаемом свечами вплоть до начала XX века. К 1980-м

годам здесь обосновался отдел расследований и разведки государственной таможенно-акцизной службы, куда входило и подразделение по борьбе с наркотиками.

– Рано утром ее обнаружил один из пассажиров. Она была без сознания. Прислонилась к стене в переулке неподалеку от вокзала «Лондонский мост», – сообщил Клайв. – Ни пальто, ни кошелька – ничего, что помогло бы установить личность, никаких драгоценностей или документов. Когда врачам не удалось ее спасти, они позвонили в полицию, а полиция позвонила мне.

– Как же вам тогда удалось установить, кто это? – спросил я.

– Молодая женщина без документов с сильнейшей передозировкой означает для меня только одно: наркокурьер. А они часто прибывают с Ямайки. Я показал ее фотографию экипажу самолета, прилетевшего вчера оттуда. Два человека ее узнали. Наркокурьеры, как правило, немного выделяются в толпе. Они путешествуют в одиночку и отказываются от еды и напитков. Узнав номер ее места в самолете, я установил имя, попросил ямайскую полицию связаться с ее семьей, ну и вот.

По словам ее родных из Ямайки, Джулия уже какое-то время перевозила контрабандой кокаин. Она планировала накопить денег, чтобы выбраться из охваченных преступностью трущоб Кингстона и переехать в Великобританию вместе со своими двумя сыновьями десяти и восьми лет. Теперь их будут воспитывать бабушка с дедушкой, которые слишком стары, чтобы о них позаботиться, в связи с чем дети рискуют стать так называемыми ярди[18].

Ярди называли скучающих молодых людей, зависающих на задних дворах в трущобах Кингстона. Эти трущобы появились в результате британской деколонизации. Когда оккупанты покинули это место навсегда в 1962 году, они забрали с собой всех: учителей, врачей, администраторов, полицейских, работников суда и т. д. Последующие годы плохого социального управления наряду с политической жестокостью привели к увеличению разрыва между богатыми и бедными и росту трущоб. Многие молодые ямайцы покинули свои дома и отправились на заработки в Великобританию. Они пересылали заработанные деньги своим родным, надеясь когда-нибудь выбраться из трущоб, зачастую оставляя детей на попечении бабушек и дедушек. Многие оставались намного дольше, чем

планировали, и вскоре стареющие бабушки и дедушки оказывались не в состоянии справиться с достигшими подросткового возраста внуками, столкнувшимися с искушением быстро разбогатеть на растущей торговле наркотиками и/или присоединиться к ожесточенной борьбе между двумя основными политическими партиями. Эти дети так никогда и не вырастали, зачастую придерживаясь позиции «живи быстро, умри молодым», которая стала отличительной чертой ярди. Вскоре после описываемых событий ярди начнут прибывать в Великобританию, стремясь заработать состояние на прибыльном наркобизнесе, и их появление совпадет с резким ростом случаев стрельбы и поножовщины в Саутуарке.

> Наркокурьеры рискуют каждый раз, когда перевозят наркотики. Они могут умереть даже на этапе проглатывания товара.

– Она получала где-то по тысяче фунтов за поездку, – сообщил Клайв, кивнув в сторону ее тела, – но рисковать приходилось по-крупному. Даже глотать пакетики с наркотиками опасно. Их упаковывают в эдакие колбаски, обычно с помощью презерватива или пищевой пленки, которую прижимают и запечатывают. Потом их макают в оливковое масло, кладут в рот и проглатывают. Каждый раз нужно это делать с полной уверенностью – стоит замешкаться, и пакет может застрять – и тогда удушье, смерть. Поверх заливается большое количество средства от поноса. Нервный приступ посреди десятичасового перелета из Кингстона в Лондон может стать роковым.

– Ну и нужно еще и довезти. Если поймают, надолго сядешь в тюрьму, либо… Перед нами прекрасный пример того, насколько едким бывает желудочный сок.

Клайв был членом новой группы, собранной таможенной службой в надежде положить конец использованию наркокурьеров, чтобы люди стали видеть в этом не столько возможность хорошо заработать, сколько билет в ад в один конец. Они даже разместили в аэропорту Кингстона плакат с надписью: «Наркокурьеры, знайте – это билет в ад». Вместе с тем из-за нехватки финансирования и персонала ямайским властям удавалось отлавливать лишь по одному курьеру в день. Они полагали, что на некоторых рейсах восемь пассажиров из

десяти перевозили наркотики. В ходе одной внезапной проверки в аэропорту Хитроу обыскали и сделали рентген в поисках кокаина всем пассажирам одного рейса, который прибыл из Кингстона. Проглоченные пакеты с кокаином обнаружили у двадцати трех человек, включая двоих детей. Неделю спустя на рейсе British Airways из Ямайки в Гатвик[19] были пойманы еще девятнадцать.

– Даже если наркотики пытается провезти лишь каждый десятый, получается по двадцать кило за рейс минимум, – объяснил Клайв. – Каждый день из Ямайки в Великобританию совершается четыре рейса, летают они пять дней в неделю, пятьдесят недель в году. Разбавленный килограмм кокаина у нас стоит больше шестидесяти тысяч фунтов, так что речь идет примерно о двадцати тоннах кокаина стоимостью 1,2 миллиарда фунтов, которые в Великобританию провозят такие, как Джулия.

По словам ее родных, Джулия планировала совершить еще две поездки: она подсчитала, что накопленных денег после этого хватит, чтобы начать новую жизнь со своими мальчиками в Великобритании.

Какой бы душераздирающей ни казалась эта история, у меня была куда более серьезная, неотложная проблема. В здании находился Джордж. Внутри этой женщины по-прежнему лежал кокаин на десятки тысяч фунтов. Если Джордж об этом проведает, я не сомневался, что он без проблем «подготовит» тело для вскрытия тем же вечером, прикарманив себе наркотики. В конце концов, у него уже возникали проблемы из-за того, что он вскрыл жертву убийства до прибытия полиции, но в качестве наказания ему лишь дали нагоняй. Разве это могло остановить его от попытки получить десятки тысяч фунтов за наркотики?

Вместе с тем я ничего не мог поделать: если бы даже и объяснил свои пока никак не доказуемые подозрения Клайву и детективу, тело Джулии девать было больше некуда. Так что, когда все документы были заполнены, а тело Джулии отправилось в холодильник, я принес горы своих рабочих бумаг вниз, в секционную, уселся за одним из столов и работал до поздней ночи, охраняя останки наркокурьера.

Сложно придумать более спокойное и тихое место для работы. Спустя какое-то время я уже слышал собственное сердцебиение, и, когда всевозможные документы были заполнены и аккуратно разложены по папкам, сквозь пелену усталости я невольно вспомнил

фразу Уильяма Йейтса: «Почему мы чествуем лишь тех, кто пал на поле боя? Ведь можно проявить не менее безрассудную отвагу, погружаясь в собственную бездну». Оставшись наедине со всеми своими бумагами, в компании одних лишь мертвецов, могу сказать, что в ту ночь я чувствовал себя невероятно близко к бездне.

*** * ***

Я никогда не испытывал дискомфорта, оставшись ночью в морге один. В конце концов, бояться нужно не мертвых, а живых, и надежно защищенное здание морга, куда вряд ли заявятся убийцы, – это, пожалуй, одно из самых безопасных мест на планете.

Смерть – последнее в жизни большое приключение.

Вместе с тем у меня частенько возникали мысли о загробной жизни, и, рассматривая тела, я задавался вопросом о том, куда они делись. В смысле, куда делась та их часть, что делала их ими, когда они еще были живы? Я частенько возвращался домой поздно и, заходя в спальню, «чувствовал», что Венди была там, хотя она не издавала ни звука, а в комнате царила кромешная тьма. В морге же в два часа ночи, если выключить свет, я не чувствовал ничего. Все эти тела были лишены – за неимением лучшего слова – своей души, энергии. Я слышал про эксперименты, в ходе которых люди, умиравшие на кровати, подключенной к чувствительным весам, в момент смерти теряли двадцать один грамм. Я человек нисколько не набожный, однако мне хочется верить, что «энергия», поддерживающая в нас жизнь и делающая нас самими собой, каким-то образом возвращается после смерти обратно во вселенную.

Что касается самой смерти, я нисколько ее не боюсь. На самом деле я ее даже предвкушаю: в конце концов, это последнее в жизни большое приключение. Тем не менее, увидев многочисленные варианты того, как жизнь людей подходит к концу, я более обеспокоен тем, в каком именно виде может наступить моя смерть.

*** * ***

В конечном счете в тот вечер, будучи уже не в состоянии героически бороться со сном, я был вынужден покинуть свой пост и лечь спать, надеясь, что каким-то чудом Джордж ни о чем не узнал; что некто, подслушавший разговор, не дал ему наводку; на то, что он сам не увидел Клайва из таможни, сложив два плюс два.

> Профессор достал из желудка жертвы презерватив длиной 22 сантиметра и примерно 8 сантиметров в диаметре, набитый кокаином.

Казалось, будильник зазвонил через секунду после того, как голова коснулась подушки. На улице едва начало светать. Я хотел прийти пораньше, так что быстро принял душ, оделся и быстро зашагал в сторону морга, расположенного рядом, на ходу закуривая трубку. К моему облегчению, тело Джулии лежало нетронутым, так что я подождал в секционной, пока придет профессор Джонсон, а вместе с ним Клайв, офицер по связям с лабораторией Клиф и детектив.

Когда тело Джулии было наконец вскрыто, мы все собрались вокруг него, желая увидеть содержимое. Профессор Джонсон достал из желудка Джулии презерватив длиной двадцать два сантиметра и примерно восемь сантиметров в диаметре. Он был до отказа набит кокаином и выглядел целым. Затем профессор Джонсон достал второй презерватив такого же размера. В нем нашлось отверстие.

– Желудочный сок разъедает презерватив, – сказал Клайв. – Когда перелет такой долгий, это гонка со временем.

Мы взвесили упаковки – по оценке Клайва, кокаина там было больше чем на сто тысяч фунтов. Джордж появился в тот день гораздо позже, и я позаботился о том, чтобы лично сказать ему о событиях, произошедших с момента предыдущей смены, чтобы не упустить возможность увидеть на его лице боль из-за упущенной возможности.

После этого мне было пора уезжать в непродолжительный отпуск. Я покинул здание с улыбкой на лице и надеждой на то, что вскоре после моего возвращения преступному правлению Джорджа придет конец.

*** * ***

По сложившейся традиции, в третью неделю июля мои родители приезжали на несколько дней из Йоркшира ко мне в гости. Каждый день мы начинали с посещения Риджентс-парка, где наблюдали за выступлением военного оркестра, исполнявшего популярные мелодии из мюзиклов и опер. В этом году у моих родителей не получилось приехать, так что мы с Венди сами отправились в Йоркшир.

Вскоре я снова оказался на пляже Солтберна, наслаждаясь солнцем на шезлонге, – именно здесь многие годы назад я впервые увидел труп. День выдался чудесный, морская гладь была почти неподвижной, над головой летали чайки, периодически пикируя, чтобы поймать брошенные отдыхающими в небо чипсы, как вдруг я услышал радиоприемник, который кто-то нес мимо меня. Трансляция была прервана экстренными новостями, и я услышал слова «бомба ИРА», «жертвы» и «Лондон». Поднявшись с шезлонга, я подбежал к парню с приемником в руках и попросил его дать послушать. Террористы из ИРА взорвали сцену в Ринджентс-парке в тот самый день, когда мы должны были там находиться.

Это была вторая из двух бомб. Первая, содержавшая одиннадцать килограммов гремучего студня[20] и четырнадцать килограммов гвоздей, взорвалась в багажнике синей Morris Marina, припаркованной на южной дороге для экипажей в Гайд-парке, в тот самый момент, когда происходила ежедневная смена караула королевской сменной гвардии, официальной охраны королевы Елизаветы II. Семнадцать гвардейцев погибли.

Вторая бомба взорвалась под сценой в Риджентс-парке, в то время как тридцать военных музыкантов исполняли на ней музыку из мюзикла «Оливер!» перед ста двадцатью зрителями. Трое солдат погибли на месте, четвертый, их знаменосец, скончался от полученных ран три дня спустя. Другие солдаты из оркестра получили тяжелые ранения. Также пострадали несколько гражданских.

Быстро накинув на себя одежду, я помчался на центральную улицу в поисках телефона.

Мы всегда должны быть начеку, потому что в таком городе, как Лондон, подобные происшествия неизбежны. В связи с этим мы каждую неделю проверяли хранилище на случай серьезных происшествий (там мы держали десятки мешков для трупов, носилки и другое оборудование на случай катастрофы), и я регулярно

инструктировал персонал по поводу плана действий в экстренной ситуации. После значительных происшествий вроде этих террористических атак в течение считаных минут должны быть приведены в исполнение десятки указаний. Коронерский суд назначается командным центром по погибшим, выделяются помещения для офицеров полиции по связи и взаимодействию, обеспечивается все необходимое для опроса родных. На примыкающем к моргу кладбище церкви святого Георгия размещаются шатры с оборудованием, персоналом и лабораторной аппаратурой.

На мой звонок ответил профессор Джонсон; полиция безуспешно пыталась со мной связаться – весь день я провел на пляже с Венди, нашим сыном и моими родителями. Я оказался в затруднительном положении. Хоть наш экстренный план и не нужно было приводить в тот момент в действие, так как в лондонских моргах в тот день хватало свободных мест (обычно они были постоянно переполнены, но в тот раз нам повезло), четыре тела отвезли в Саутуарк, где они ожидали вскрытия.

– Криминалисты уже на месте, – сообщил мне профессор Джонсон.

– Я от вас в трехстах милях, – сказал я. – Соберусь прямо сейчас, но смогу добраться не раньше чем через шесть часов. Вам придется начинать без меня, и я проверю все, как только приеду.

Я схватил свои вещи, извинился перед Венди и родителями и сел на первый поезд до Лондона. Когда я приехал вечером, вскрытия уже были проведены.

Большинству убитых мужчин не было и тридцати; двум было всего девятнадцать, и у одного из них, ефрейтора Джеффри Янг, осталась маленькая дочка. Двое других менее месяца назад женились.

> В морге Саутуарка на случай массовой катастрофы было специальное хранилище, где лежали десятки носилок и мешков для трупов.

Профессор Джонсон был измотан как физически, так и эмоционально.

– Приходил капрал, чтобы опознать тела, – сообщил он, пока я начал проверять бумаги. – Он строевым шагом зашел в морг, отдал честь каждой жертве, а потом так же ушел.

Обвинения по делу в Риджентс-парк так никому и не были предъявлены, а Гилберта МакНэми, осужденного за изготовление взорванной в Гайд-парке бомбы, выпустили на свободу после отбытия двенадцати лет из двадцатипятилетнего срока по условиям Белфастского соглашения. Впоследствии его приговор был аннулирован после того, как использованные в ходе суда и следствия доказательства на основании отпечатков пальцев были поставлены под сомнение. Судебный процесс против второго обвиняемого провалился в 2014 году, однако дочка ефрейтора Джеффри Янг не оставляет попыток подать против него гражданский иск.

Семь коней были убиты, и фотографии их трупов посреди обломков стали одним из символов Смуты[21]. Один из коней по кличке Сефтон стал национальной иконой и олицетворением надежды после того, как поправился после тридцати четырех полученных травм и восьмичасовой операции. Он даже вернулся на два года к военной службе и прожил до 1993 года. Всадника Майкла Педерсена, ездившего на нем и также получившего травму, чествовали как национального героя, однако на своем примере он продемонстрировал длительные и порой губительные последствия подобных терактов: в 2012 году лишил жизни себя и двух своих детей.

*** * ***

Вскоре после того как этот страшный день подошел к концу, позвонил суперинтендант Болл: «Придумай отговорку, чтобы уйти с работы, и встреться со мной в Скотланд-Ярде».

Когда я пришел, Болл с энтузиазмом выложил свой план:

– Мне бы хотелось, чтобы ты пригласил Джорджа выпить. Дай ему понять, что ты поменял свое мнение насчет него, что хотел бы зарыть топор войны. Мы установим на тебе микрофон – возможно, он начнет хвалиться своими преступлениями, а то и снова попытается тебя подкупить.

Если мне и хотелось зарыть топор войны, то только Джорджу в череп. Тем не менее, отбросив всплывший в голове образ лежащего на столе для вскрытия Джорджа с топором в голове, я охотно согласился. Я готов был на все, лишь бы избавиться от Джорджа, хотя план суперинтенданта и заставил меня понервничать. Я выразил беспокойство, что не обучен подобным вещам.

– Тут ничего сложного нет, – с уверенностью заявил он. – Просто будь самим собой. К тому же тебе не будет угрожать никакая опасность. Вокруг будут наши люди.

Разумеется, все оказалось далеко не так просто.

07. Под прикрытием

Необходимость держать расследование в тайне, при этом пытаясь управлять моргом и играть ключевую роль в полицейской операции, превратила в хаос мою личную и профессиональную жизнь. Я возвращался домой и уходил в предрассветные часы (как правило, толком не поспав из-за маленького сына) либо по вызову, либо чтобы проверить записи или поискать улики. Я был измотан, но в то же время решительно настроен разоблачить коррупцию. Словно дел у меня и без того не было достаточно, морг отчаянно нуждался в ремонте. Деревянные шкафы для хранения гнили, металлические раковины ржавели, а вокруг нас буквально грудами скапливались тела. В дверцах холодильника был обнаружен асбест, из-за чего мы были вынуждены в срочном порядке его отключить, пока дверцы не снимут и не заменят. Обстановка накалялась, и ссоры посреди всего этого бардака стали неизбежны.

Перед началом расследования единственным способом немного отомстить Джорджу был проигрыватель, который я держал в секционной. Как только узнал, что Джордж ненавидит оперу, я позаботился о том, чтобы пятнадцатичасовая эпическая опера Вагнера «Кольцо нибелунга» играла без остановки.

Мы собирались приступить к вскрытию убитого бездомного, и я только что поставил пластинку с «Полетом Валькирий». Джордж, бездельничавший в глубине секционной, тут же ушел. «Действует безотказно», – пробормотал я себе под нос, взгромоздив ведра на стол для вскрытия. Я остановился, почувствовав на себе чей-то взгляд. Мне нравился Вагнер, и я полагал, что всем профессорам тоже, однако профессор Джонсон уже был сыт им по горло.

– Эверетт, если мне снова придется слушать Вагнера, я выкину гребаный проигрыватель в окно!

Тогда я поставил Гилберта и Салливана, которые профессору были по душе, в то время как Джордж ненавидел их и подавно, даже когда играл отрывок «Полисменом быть ужасно тяжело»[22].

Несколько часов спустя мы с Мантом и Джонсоном разгоряченно обсуждали условия работы, когда нас заставила замолчать новость о

том, что одна медсестра спрыгнула с шестого этажа больницы святого Томаса, прижав к груди своих дочерей, одного года и трех лет, и их останки везли к нам в морг. Тела погибших превратились в настоящее месиво. Был вызван специалист, чтобы помочь нам связать полученные травмы с обстоятельствами произошедшего, установить, действительно ли они прыгнули или же их толкнули, либо они и вовсе упали случайно. Медсестра действительно спрыгнула, но ее мотивы так и остались для всех загадкой.

Только я закончил убирать после этого душераздирающего вскрытия, как позвонил суперинтендант[23] Болл, попросив встретиться с ним в Скотланд-Ярде. Я был рад любой возможности спастись от особенно мрачной атмосферы, воцарившейся из-за этого случая в морге, который обычно, вопреки распространенному представлению, довольно оживленное, даже веселое место.

*** * ***

Изучив карты Лондона, мы приняли решение, что операцию следует провести в пабе «Диккенс Инн» в доках святой Екатерины, неподалеку от Лондонского Тауэра. Определившись с местом, мы поехали в доки, и Болл выбрал столик. Его забронировали, как и четыре столика рядом – за ними должны были расположиться двенадцать сотрудников отдела по борьбе с коррупцией в штатском. Теперь мне оставалось только заманить своего заместителя в эту ловушку. Вернувшись в Скотланд-Ярд, я позвонил Джорджу и предложил ему выпить. Неожиданное приглашение застало его врасплох. Наверняка надеясь, что его начальник наконец прозрел, он охотно согласился.

> Чтобы достать доказательства воровства моего коллеги, в полиции на меня надели записывающую аппаратуру: очень дорогую и заметную. Так что на задании я переживал вдвойне.

В тот вечер я прошелся до расположенной неподалеку автостоянки больницы Гая, чтобы встретиться с сотрудником

технического отдела Скотланд-Ярда. Мое дурное предчувствие только усилилось, когда я увидел быстро подъезжающий ко мне желтый фургон компании «Бритиш Телеком». Даже если бы они захотели, им было бы сложно сделать его еще более похожим на фургон для слежки. Его крыша была усеяна антеннами всех форм и размеров. Втиснувшийся в водительское сиденье человек, склонивший голову, чтобы видеть меня из окна машины, был огромным – сложно было не признать в нем полицейского. Я забрался в фургон, где меня ожидал технический специалист, чтобы экипировать передающим и записывающим устройством. Аккумулятор размером с кирпич привязали мне к пояснице, микрофон закрепили внутри рукава моей куртки.

– Слишком уж заметно, не находите? – спросил я. – Я бы не назвал это скрытым записывающим устройством.

– Просто будьте с этим осторожней, – отрывисто сказал специалист. – Если поломаете, половина нашего годового бюджета вылетит в трубу. И не стоит наивно полагать, будто все эти детективы будут сегодня там, чтобы вас защищать; их главная задача – позаботиться, чтобы аппаратура не пострадала. Проследите, чтобы ваша куртка не зацепилась, не пускайте подозреваемого к себе за спину и не давайте ему положить туда руки.

Получив эти ободряющие советы и чувствуя себя словно инспектор Клузо[24], занявшийся слежкой, я приступил к выполнению задания и отправился к расположенной неподалеку квартире Джорджа. Я старался, чтобы мой пульс не перевалил за двести ударов в минуту. Адреналин зашкаливал, и, поднявшись по лестнице, я уже обливался потом. Я остановился, чтобы вытереть с лица испарину. Бог его знает, что произойдет, если Джордж раскроет мой план. Как минимум я получу по синяку под каждым глазом, а потом он наверняка еще и засудит меня, лондонскую полицию и совет Саутуарка. Я так и представлял, как Джордж отправляется на Багамы с кругленькой суммой в кармане.

Стоило мне постучаться, Джордж наотмашь распахнул дверь. От неожиданности я отшатнулся назад.

– Смотрю, тебе жарко, – сказал Джордж, пожимая мне руку, словно мы были давними приятелями. – Снял бы ты свою куртку.

– Да нормально, просто по лестнице поднялся, – поспешил ответить я. – На улице прохладно.

> Джордж был в костюме с галстуком, а лосьона после бритья он вылил на себя столько, что хватило бы на целую футбольную команду. Мне стало дурно – после того как Джордж меня раскроет (что казалось мне неизбежным), меня ждало бесцеремонное увольнение со службы за безосновательные ухищрения. Мой страх усилился несколько секунд спустя, когда, стоило нам пройти всего два-три метра по улице, мимо нас проехал тот самый желтый фургон с антеннами.

– А это что еще за хрень? – спросил Джордж.

– Где? – ответил я, делая вид, что ничего не заметил.

– Ну вот тот фургон со всеми этими штуками на крыше. Никогда ничего подобного не видел.

Пожав плечами, я заговорил про работу, и Джордж, казалось, забыл про фургон, но вскоре мимо нас на своем «Ровере» проехал суперинтендант Болл. Джордж сразу же его засек.

– Это же коп! – воскликнул он.

– Кто?

– Вот тот парень на серебристом «Ровере», он коп. Я уже видел его раньше в морге.

Мысленно я проклинал свое невезение, думая о том, что дальше будет только хуже. Внешне же я всячески старался сохранять непринужденный и беззаботный вид, заметив, что чуть дальше по дороге был Тауэрский мост, так что неудивительно, что он проехал мимо нас. Казалось, это несколько успокоило Джорджа, однако теперь, казалось, он был начеку, присматриваясь ко всему вокруг.

Когда мы зашли в паб, я чуть не охнул. Он оказался забит зашедшими промочить горло после работы людьми, но даже мне было видно, что двенадцать детективов, которым поручили присматривать за мной, не знали разницы между штатской одеждой и «не быть похожим на копа». Мне это казалось слишком очевидным: одни мужчины, с чистыми и аккуратными короткостриженными волосами, в выглаженных джинсах, примерно одного возраста, без особого

интереса участвующие в своей показной беседе – это был словно отрывок из «Жителей Ист-Энда»[25]. Взяв на баре выпивку, мы, пробираясь через толпу, направились к своему столику.

Поразительно, но Джордж, казалось, ни о чем не догадывался и теперь, когда мы оказались в пабе, явно чувствовал себя в безопасности. Он сразу же заговорил, предложив мне принять участие в своих грязных делах, назвал имена всех продажных полицейских, про которых знал, подробно описал их махинации, а также повторил свои прежние слова по поводу судмедэкспертов и больничной администрации: они все знали про кражи и были в доле.

Я сделал вид, что всерьез обдумываю его предложение, объяснил свои опасения, сказав, что мне сложно поверить, будто все действительно было настолько просто и беззаботно, как это описывал Джордж. Это только подстегнуло Джорджа с еще большим пылом хвалиться тем, как все на самом деле просто и как много денег мы могли бы заработать. Он рассказал, как он и другие санитары тайком продавали мозги медицинским школам, в то время как глаза (если удавалось извлечь их достаточно быстро после смерти) продавались для пересадки роговицы. Коммерческим компаниям, занимающимся медицинскими исследованиями, доставались гипофизы, из которых они производили гормоны роста для детей с пороком развития, а височные кости – хирургам-оториноларингологам для тренировки.

Выпивка лилась рекой, и на четвертой кружке она начала брать надо мной верх. Прервав свое бахвальство, Джордж внезапно поменялся в лице. Нахмурившись, он посмотрел на меня туманным после четырех кружек «Стеллы»[26] взглядом, наклонился ко мне и обвинил в том, что я записываю наш разговор.

Теперь, когда выпивка придала храбрости, мне не составило труда справиться с его обвинениями. Подскочив на ноги, я приоткрыл свою куртку – я так и видел нескрываемый ужас на лицах полицейских позади Джорджа – и потребовал, чтобы Джордж меня обыскал, обвинив его в возмутительном и оскорбительном поведении.

Рухнув обратно на стул, Джордж извинился.

– Прости, дружище, – сказал он. – Просто ты был так категоричен по поводу всего этого.

– Пустяки, – ответил я. – Давай еще по одной и забудем обо всем этом.

Джордж сразу же назвал мне имена своих подельников, описал махинации и только потом внезапно понял, что я могу использовать его слова против него.

Три часа Джордж не затыкался, заполняя одну бобину пленки за другой в маленьком желтом фургоне. Алкоголь определенно делал свое дело, однако воздействовал и на меня тоже. Я так набрался, что напрочь позабыл про остальных детективов и весь наш план. Я настолько наслаждался своей ролью, что охотно согласился, когда Джордж предложил перебраться в гостиницу Tower Hotel, чтобы перекусить. Я совершенно не помню, что было там, однако, когда мы наконец разошлись, и я, шатаясь, направился в сторону своей квартиры, рядом со мной затормозила машина, и четверо сотрудников отдела по борьбе с коррупцией затащили меня внутрь. Несколько минут спустя мы оказались на подземной парковке Скотланд-Ярда, откуда меня под руки привели в их отдел и бросили на стул.

– Ты справился, Питер! – восторженно воскликнул Болл.

– Правда? – ответил я. Комната вращалась, и в любую секунду меня могло стошнить.

– Еще, черт возьми, как! Он называл имена, рассказал тебе все, чем они занимались и как именно это делали. Ты был бесподобен.

– Правда? – я понятия не имел, как все прошло на самом деле. Передо мной поставили кружку с кофе.

– Да, то, как ты его подбивал, обещая ничего не рассказывать, а затем попросился в долю. Это было превосходно!

– Ах, да, э-э…

– А когда он обвинил тебя в прослушке. Просто великолепно!

– Простите, – сказал я, будучи не в состоянии продолжать выслушивать комплименты, – но не могли бы вы подсказать, где здесь уборная?

> После пьяного признания в своих преступлениях мой коллега понял, что сказал лишнего, и сразу же избавился от всех возможных улик против себя.

После того как я некоторое время провел один в туалете, а также спустя несколько кружек кофе меня опросили и отвезли домой, велев ждать звонка на следующий день.

Когда я, шатаясь, зашел в дверь, идти в кровать особого смысла не было. Венди не спала и сидела с ребенком. Увидев и унюхав, в каком я состоянии, она было открыла рот, чтобы отчитать меня, но я поднял руки: «Это не то, что ты думаешь!», и все ей выложил. Я не рассказывал Венди про полицейскую операцию, потому что не хотел ее волновать.

На следующее утро я не пошел на работу, сказав, что приболел, гадая, было ли у Джорджа такое же жуткое похмелье, как и у меня. Болл забрал меня из дома и отвез в Скотланд-Ярд на рабочий завтрак. Вместе мы прослушали более четырех часов пленки, записанной предыдущим вечером. Я очень надеялся, что она не будет использована в суде, поскольку за некоторые места в разговоре мне было довольно стыдно, в особенности когда я высказал желание вступить в долю, а затем нечленораздельно сказал Джорджу, чтобы он продолжал рассказывать. Если захотите бросить пить, попросите кого-то записать вашу пьяную речь. В трезвом состоянии человек с пленки казался мне самым тупым, непривлекательным и скучным типом на свете.

Когда со всем было покончено, пришло время обедать. Болл предложил пойти в «Танк», бар при Скотланд-Ярде. Я не был готов даже смотреть на спиртное и собирался предложить пойти в кафе, но нас прервал дежурный, сказав, что звонила Салли. Джордж внезапно стал очень подозрительным – возможно, кто-то из продажных приятелей-полицейских даже предупредил его – и не пускал ее в морг. Поняв, что он, вероятно, уничтожает важные доказательства, чтобы избежать ареста, группа стремительно выехала на четырех машинах, и пятнадцать минут спустя мы припарковались на автостоянке больницы Гая – морг был прямо за углом. Болл решил, что мне следует зайти туда и оценить ситуацию. Если увижу что-то нежелательное, я должен был выйти на крыльцо и дать проверенный временем сигнал, почесав свой нос, после чего они бы занялись арестами. Я зашел, но внутри не было не только никаких следов Джорджа, но и признаков какой-либо его деятельности. Болл уже прикончил полпачки жевательных конфет, когда я вышел и сообщил ему плохие новости. Несколько секунд задумчиво пожевав, Болл принял решение: «К черту его, у нас, по сути, признание. Будем его брать».

После ареста мошенника и вора, работавшего в нашем морге, руководство должно было бы меня поблагодарить за содействие, Но поступило наоборот.

Мы прождали, пока в морге снова появятся Джордж со своим помощником Эриком, после чего их сразу же арестовали, надели наручники и отвезли на допрос в участок на Канон-Роу. Вместе с Салли мы присоединились к остальным сотрудникам в секционной и, изрядно позабавив доктора Уэста, только что закончившего вскрытие застрелившегося из дробовика мужчины, начали искать доказательства. Он даже предложил открыть двери холодильника на случай, если Джордж припрятал что-то рядом с телом самоубийцы. Желающих не нашлось, но мне это предложение показалось здравым, так что я его принял, тем не менее ничего не нашел. Мы искали хоть что-нибудь, что указывало бы на совершенное преступление, – украденную вещь, документы, говорящие об особых отношениях с определенными ритуальными агентами, а также все, что Джордж мог собрать в качестве страховки против помощников коронера и ритуальных агентов на случай, если они испугаются якобы совершенных ими преступлений, либо если их арестуют и потребуют дать показания против Джорджа.

Пока мы обшаривали смотровую, Салли упомянула, что видела, как один из помощников коронера спускался в подвал, однако там оказались только записи и печь для кремации. Я бросился вниз по лестнице и открыл дверь в крематорий. Вокруг печи летали обрывки обгоревшей бумаги, на части которых еще можно было разобрать текст. Их отправили в лабораторию на экспертизу: Болл надеялся, что криминалистам удастся расшифровать обугленные остатки.

*** * ***

Разумеется, несмотря на все происходящее, морг по-прежнему нуждался в управлении, и теперь, когда арестовали моего заместителя и его помощника, всеми делами пришлось заниматься мне и Салли. Начальство, которое, как мне казалось, должно было меня всячески благодарить, выражало лишь раздражение по поводу того, что морг

оказался таким рассадником преступной деятельности, и теперь из-за ареста Джорджа здесь царил хаос. Они потребовали от меня, чтобы произошедшее никак не отразилось на повседневной работе морга. Я уже был на грани изнеможения и нуждался в отдыхе, но давление лишь продолжало нарастать. Они также обратили внимание на то, что в последние месяцы смертность значительно снизилась.

У нас всегда наблюдались сезонные колебания, и зимой, как правило, работы становилось больше, но на этот раз все было иначе. Причиной снижения была Вторая мировая война. Доживи люди, убитые на войне, до почтенного возраста, они все бы умирали в 1980-х. С другой стороны, показатель по убийствам за последние годы значительно вырос, и его траектория роста не собиралась идти на спад. Так как морг Саутуарка был судебным, загруженность у нас была самая большая. Именно в этот период мы столкнулись с чрезвычайно запутанным делом об убийстве, обстоятельства которого были примерно следующими.

> Два любовника, убийца и жертва, лежали бок о бок в одном холодильнике.

Тони переехал в Лондон, когда повстречал и полюбил Джейн. Спустя год он женился на ней. После трех месяцев супружеского счастья Джейн познакомилась с женщиной по имени Кэролайн и увлеклась ею. Тони смирился с этой внебрачной связью, и Кэролайн переехала жить к ним. Несколько недель спустя Тони повстречал мужчину по имени Патрик, с которым у него тоже начались отношения. Джейн приняла измену Тони, и Патрик тоже перебрался к ним. Их в той или иной мере счастливая совместная жизнь продолжалась еще несколько месяцев, пока на сцене не появилась Мэри (которой при рождении дали имя Дэйв), завязав интрижку с Джейн и Кэролайн. Будучи сытыми по горло подобным раскладом, Тони с Патриком переехали в отдельную квартиру в Брикстоне. Еще через несколько недель Тони объявил Патрику, что возвращается обратно к Джейн (чтобы жить вместе с ней, Кэролайн и Мэри). Патрик плохо воспринял эту новость, и разгорелся скандал, в результате которого Тони получил смертельное ножевое ранение. Угрызения совести замучили Патрика, и он повесился в брикстонской тюрьме. На

протяжении недели мы находились в необычной ситуации: любовники – убийца и жертва – лежали бок о бок в одном холодильнике, хоть и умерли в разное время в разных местах.

*** * ***

Когда я был не в морге, то был с Боллом и его подчиненными в Скотланд-Ярде, где помогал им разбираться со всей имеющейся информацией по делу против Джорджа и Эрика. Мы бесчисленное количество раз прослушали записи и прочитали десятки письменных показаний. Их отдел провел полномасштабное расследование: показания дали ритуальные агенты, помощники коронера и родственники покойных. Один ритуальный агент сообщил, что Джордж как-то предлагал ему недорого купить подержанный гроб. Один из помощников коронера попросил гробовщика оплатить ему членство в масонской ложе – гробовщик ответил отказом, после чего помощник коронера начал поручать прибыльную перевозку тел кому-то другому. Из мести, когда полиция взялась за дело, этот гробовщик первым его и сдал.

Планировалось, что операция Болла охватит весь Северный Лондон, но его начальство прикрыло расследование. Проведенная двумя годами ранее антикоррупционная операция среди полицейских легла огромным пятном позора на всю полицию. Это расследование коррупции в полиции (в ходе которого выяснилось, что она есть повсеместно) затронуло десятки сотрудников, обошлось в четыре миллиона долларов, однако не привело ни к единому приговору. Тем не менее двести пятьдесят полицейских были уволены со службы. Руководство лондонской полиции не хотело иметь дело с новым громким скандалом, но к началу предварительных слушаний по делу против Джорджа и Эрика на Боу-стрит, 40 три полицейских уже находились под следствием и три помощника коронера, с которыми я работал, были преданы суду (аристократичный Тед, толстый Фрэнк и тощий и неприглядный Мартин, которого я на работе толком не видел). Мне было не особо приятно участвовать в полицейской операции по поимке Джорджа, но это было ничто по сравнению с моим

выступлением в качестве главного свидетеля в суде, который, к моему великому удивлению, приковал внимание всей страны.

08. Суд

Январь 1983 года

Когда Джорджу предъявили запись, он решил во всем признаться. Эрик, напротив, продолжил настаивать на своей невиновности, так что ему предстоял суд присяжных.

Поначалу я относился к судебному процессу по делу о коррупции как к любому другому: в конце концов, я уже привык к работе системы правосудия. Тем не менее, когда процесс начался и меня попросили пройти в комнату для свидетелей, все оказалось совершенно иначе. Прочие свидетели (коих было много, в том числе и приятелей Джорджа) один за другим бросали на меня ненавидящие взгляды, переговариваясь между собой. Я мог только догадываться, о чем шла речь, однако уверен, что они с радостью увидели бы мое тело лежащим на столе для вскрытия.

Когда зашедший поздороваться Джон Болл увидел, что происходит, он вывел меня из комнаты.

– Нельзя тебя здесь оставлять, – сказал он, жуя ириску, и после непродолжительного обсуждения мне было разрешено ожидать своего выступления перед судом в небольшом помещении, которое использовали полицейские, работающие в суде. Многочисленные съемочные группы и сливки британской прессы уже расположились снаружи здания, сражаясь за лучшие места. Я понимал, что мои показания сделают меня главной звездой всего представления, чего хотел меньше всего на свете. Желание блистать в свете театральных софитов осталось далеко в прошлом – теперь мне больше по душе был относительный покой и тишина морга.

Наконец громкий голос объявил: «Вызывается Питер Эверетт!», и я вышел на сцену, чтобы начать главное выступление в своей жизни.

> Хоть я и не сделал ничего дурного, во время дачи свидетельских показаний в суде у меня выступила испарина.

Я не боялся давать показания в суде: в конце концов, я не сделал ничего плохого и к этому времени повидал немало судов, однако от вида переполненной ложи для прессы – часть журналистов была

вынуждена разместиться на свободных местах для публики – у меня выступила испарина. Оставшиеся места были заняты членами профсоюза работников морга с мрачными лицами. Они явно были не особо рады меня увидеть. Кроме того, присутствовали родители Эрика, убежденные в его невиновности. Я сожалел, что им пришлось пройти через этот кошмар, но, как по мне, их сын был на сто процентов виновен в том, что обворовывал мертвецов.

Я уже привык к старинным и тесным залам в Центральном лондонском суде, однако в Саутуарке было не лучше – на самом деле, даже хуже. К своему удивлению, я обнаружил, что свидетельская трибуна располагается прямо напротив судьи. Настолько близко, что я мог бы коснуться кончика его носа. Еще больше с толку сбивало то, что я точно так же мог дотянуться до Джорджа и Эрика, которых немедленно поставили рядом со мной. Они оба безуспешно пытались не смотреть на меня таким взглядом, словно желали мгновенной смерти от сердечного приступа.

Судья Эдвард Фокс – пожилой мужчина в очках с золотой оправой, с тихим приятным голосом, – наверное, почувствовав мою нервозность, изо всех сил постарался успокоить, объяснив мою роль в деле, сложное положение, в котором я оказался, а также абсолютную необходимость этого судебного процесса. Затем он, как полагается, официально предупредил, что меня не могут заставить говорить ничего, что выходит за пределы общедоступных знаний, а также свидетельствовать против себя. Позже Болл объяснил мне, что это было мерой предосторожности на случай, если адвокат Эрика предпримет попытку сделать обвиняемым и меня. На аудиозаписях, сделанных в пабе «Диккенс Инн», мои попытки выудить у него побольше информации о его всевозможных «мутках» звучали так, словно я просился в долю. Однако судили в тот день не меня, хотя вскоре я и почувствовал себя именно так.

Сделав глубокий вдох, я приступил. Показания я давал в течение двух дней, и, рассказывая о всевозможных преступлениях, не упускал ни единой возможности дать понять, в насколько архаичной системе и неприемлемых условиях работал персонал морга. Мы отчаянно нуждались в реорганизации и ремонте.

Защита Эрика строилась на том, что он получал лишь полузаконные выплаты, которые брали все остальные сотрудники

морга. Я объяснил, что сотрудники получали так называемый коронерский гонорар от судебно-медицинского эксперта за каждое дело, с которым они помогали (эти деньги всегда платились наличными): за подготовку и предварительное вскрытие трупа, чтобы судмедэксперт мог как можно быстрее сделать свое дело и перейти к следующему трупу, не тратя попусту времени. Это была распространенная, пусть и нерегулируемая практика по всей стране, которую в лучшем случае можно было назвать полузаконной.

> Из-за борьбы с коррупцией в собственном морге я нанес удар по финансовому состоянию всех работников моргов вообще, обнаружив проблему в самой системе.

Ритуальные агенты также платили гонорар за измерение тела. Без содействия персонала морга ритуальным агентам приходилось бы тратить время и трудовые ресурсы, посылая кого-нибудь к нам для измерений, чтобы понять, какой именно гроб привозить. Гораздо проще было платить за это сотрудникам морга. Эти деньги также выплачивались наличными, и подобная практика была распространенной и общепринятой, пусть и тоже никак не регулируемой.

Я видел, как побледнели лица присутствующих ритуальных агентов, пока объяснял эту систему, – они смотрели, как журналисты записывали каждое мое слово. Налоговики теперь обо всем узнают!

Затем я объяснил, почему в английских моргах так легко может процветать коррупция.

– Деятельность моргов законодательно никак не контролируется, – сказал я. – По закону об общественном здравоохранении 1926 года районные муниципальные власти должны обеспечить место для приема тел и проведения вскрытий. Комиссия по охране труда и технике безопасности проверяет соблюдение санитарных норм, однако у нас инспекция не проводилась годами, и наш морг пребывает в ужасном состоянии. Тем временем коронеру платит окружной совет, а отвечает он перед МВД; судебно-медицинские эксперты работают на национальную службу здравоохранения, в то время как помощники коронера служат в полиции. Подобная дезорганизация, когда отсутствует

государственный орган, осуществляющий общий контроль, открывает просторы для всевозможных злоупотреблений.

«Мертвые не покоятся с миром, а расходятся по миру».

Затем прокурор спросил у меня о незаконных выплатах сотрудникам морга – этой-то возможности я и ждал. Я принялся подробно рассказывать про черный рынок внутренних органов: глаза, продаваемые пациентам с Ближнего Востока через одну клинику на Харли-стрит; отправляемые на кафедры анатомии мозги, а также гипофизы, продаваемые фармацевтическим компаниям для разработки и производства гормонов роста, – и все это без разрешения родных.

– Получается, – сказал я, чувствуя себя все более комфортно в своей роли, поскольку видел, что полностью завладел вниманием всех присутствующих в зале суда, – что мертвые не покоятся с миром, а расходятся по миру!

*** * ***

Когда первый день дачи показаний подошел к концу, я покинул зал суда, спешно миновав вереницу сверкающих вспышками фотоаппаратов и выкрикивающих вопросы журналистов, как можно быстрее побежав от зала суда вниз по Баттл-бридж-лэйн. Я неимоверно радовался тому, что живу менее чем в пяти минутах ходьбы оттуда.

– Питер, про тебя говорят во всех новостях! – воскликнула Венди, когда я зашел в квартиру.

Налив себе джина с тоником, я уселся перед телевизором, чтобы посмотреть новости в 17:40 по ITN. Как и можно было ожидать, я был главной темой всех информационных выпусков как ранним, так и поздним вечером. На следующий день про меня написали на передовой Times. Решающей стала фраза о расхождении покойных по миру, и после этого судебный процесс предсказуемо превратился в сенсацию. Хотя на скамье подсудимых сидел Эрик, СМИ продолжали фокусировать внимание на мне. Впервые секреты дома покойников

оказались достоянием общественности, и у прессы был настоящий праздник.

И действительно, второй день оказался еще более впечатляющим.

– Эти двое безнравственных помощников забирали с тел драгоценности и наличные деньги, – обозначил адвокат обвинения Фрэнсис Эванс, пытаясь обрисовать Джорджа и Эрика эдакими современными Берком и Хейром (печально известные расхитители могил, которые в 1828 году убили шестнадцать человек, чтобы продать их тела врачам для изучения анатомии).

– Стоило только гробовщикам доставить тела, как они обшаривали их карманы, забирая себе кольца и часы. Это весьма странная и пугающая история… Они обкрадывали родных, совершенно о них не думая.

> Масштабы коррупции в нашем морге, по словам замешанных, были такими, что они вполне могли бы стать миллионерами.

Затем я описал кражи наличных денег, драгоценностей, гробов (которые не отправлялись, как было положено, в печь крематория и перепродавались другим семьям) и объяснил, что, как показало полицейское расследование, масштабы коррупции далеко не ограничивались Саутуарком, что подобные кражи происходили по всей стране. Увы, я не мог вдаваться в подробности, так как этот судебный процесс был посвящен другой теме.

Затем Джордж, признавший вину, подробно рассказал о своих преступлениях, объяснив, насколько часто он снимал ценные предметы с сильно разложившихся тел, так как они, как правило, умирали в одиночестве, и некому было проверить, что было при них. Масштабы коррупции, по его словам, были такими, и ему доставалось так много денег, что он вполне мог стать миллионером.

Вплоть до этого момента процесс складывался весьма неплохо для обвинения. Но во второй половине второго дня случилась катастрофа.

Я отвечал на перекрестный допрос. Барристер[27] Эрика, относительно молодой человек по сравнению со всеми остальными матерыми адвокатами в зале, предпринял попытку выставить своего

клиента эдаким безобидным простофилей, который был немного беспомощным и попросту не понимал, что вокруг него происходит. Закончив объяснять свою позицию, адвокат чуть ли не мимоходом задал мне вопрос.

– Считаете ли вы, что человек, сидящий на скамье обвиняемых, совершил кражу и виновен во вменяемых ему преступлениях?

Я понимал, что Эрик был лишь подростком, совершившим под влиянием Джорджа глупейшую ошибку, но по поводу его вины сомнений у меня не было. Я планировал сказать: «Я не думаю, что он виновен, я знаю, что он виновен!», однако только успел сказать «Я не думаю, что он виновен…», как адвокат резко меня перебил:

– Спасибо-на-этом-все!

– Мистер Эверетт, – сказал судья, – вы можете покинуть трибуну.

Своим взглядом он дал мне понять, что я попался на одну из старейших уловок в юриспруденции – мой ответ был прерван на полуслове в угоду защите.

Я покинул суд в подавленном состоянии, думая о своей детской ошибке. Я должен был хорошенько подумать над вопросом и грамотно сформулировать ответ, прежде чем открывать рот. Присяжные признали Эрика невиновным. Болл был в ярости и стремительно ушел, не проронив ни слова, – его рот был набит лакричными конфетами.

Вернувшись домой, я рухнул в кресло перед телевизором, измотанный и раздосадованный своей оплошностью, но вскоре немного воспрянул духом, так как новости в тот вечер, казалось, были больше озабочены отсутствием государственного контроля и коррупцией национального масштаба, чем виной или невиновностью Эрика. На следующее утро газеты вовсю оторвались на Джордже, выпустив передовицы с заголовками вроде «У мертвецов воровали драгоценные камни», «Могильный вор обкрадывал трупы» и «Работники морга обворовывали покойников».

> В морге Вестминстера санитары держали в холодильнике украденные тушки индейки, чтобы продать их местному пабу.

Джордж признал себя виновным в заговоре с целью кражи. Оглашая приговор, судья Эдвард Фокс сказал: «Это очень серьезные

преступления, за которые должно быть смертельно стыдно», – и я по сей день не уверен, понимал ли он, что сказал каламбур. Джорджа приговорили к восемнадцати месяцам, девять из которых он должен был отбывать условно.

Наконец мне удалось предать огласке архаичную систему морга, равно как и достигшую национальных масштабов коррупцию, и у меня появилась надежда на изменения к лучшему – которые, возможно, будут проводиться с моим участием, причем в первых рядах.

Каким же я был наивным.

*** * ***

Система английских моргов, десятилетиями работавшая практически бесконтрольно, внезапно оказалась в пучине скандалов. Начали всплывать истории злоупотребления, коррупции и откровенной глупости. Ряд больниц (в том числе в Питерборо и Белфаст-Сити) отправляли на кремацию не те тела, в то время как в морге Бристоля регулярно «терялись» человеческие органы, а морг Шеффилда незаконно снабжал университеты различными частями тела. В больнице Восточного Суррея одно из объявленных мертвым тел воскресло прямо в холодильнике. Одного старшего судебно-медициского эксперта в Лондоне лишили лицензии, когда выяснилось, что он просил санитаров сломать трупу шею, чтобы скрыть допущенную им в отчете о вскрытии ошибку. Также в Лондоне, в морге Вестминстера, санитары держали в холодильнике украденные тушки индейки (чтобы продать их местному пабу), в то время как в Эдвере заведующий моргом тайком провозил в гробах запрещенные порнографические журналы. Заведующий моргом Ноттингема продавал органы и крал одежду. Даже церковные кладбища были не застрахованы от преступных соблазнов, и двух могильщиков в Мертире поймали, когда они разбивали гроб с целью грабежа, в то время как двое подростков, работавших на кладбище в Личфилде, продавали университетам человеческие кости. Один священник в Тайвине взял чрезвычайно странную привычку кастрировать перед похоронами все мужские трупы. Холодильная камера в Ковентри была ограблена – предположительно, сотрудниками. Двенадцать тел достали

из холодильника и обчистили (три из них оказались в итоге на полу). В Баттерси тело знаменитого телевизионного комика и актера Дика Эмери оставили в гараже на съедение крысам. Список на этом не заканчивался. Тем временем помощников коронера по всему Южному Лондону отстраняли от работы. Дэвид из Саутуарка, тот самый, что «тайком» выпивал на работе, решил, что самое время уволиться по состоянию здоровья, в то время как Теду и Фрэнку грозил суд по обвинениям в коррупции. В общей сложности в коррупции обвинили восемь помощников коронера из Лондона – Кройдона, Баттерси, Вестминстера и Саутуарка. Из сорока трех помощников коронера, попавших под следствие, многим удалось избежать судебного преследования, когда они охотно согласились уволиться, в то время как остальные поменяли должности. В конечном счете лишь шесть помощников коронера были успешно отданы под суд, уволены и оштрафованы. Отдел по борьбе с коррупцией был недоволен. Руководство из Скотланд-Ярда не позволяло им продолжать расследование в Северном Лондоне: скандал был слишком громким, и они хотели его замять.

Я сидел в баре, обсуждая все эти случаи с одним моим приятелем из офиса коронера по имени Брайан. В конце вечера он упомянул, что страдает от боли в груди, и пошутил, что утром окажется на моем столе для вскрытия. Той самой ночью он умер от сердечного приступа.

*** * ***

В Саутуарке теперь была жуткая нехватка персонала, а моральный дух пал ниже плинтуса. Мне казалось, что падать ему уже некуда, но вскоре выяснилось, что есть.

Совет Саутуарка поручил мне составить опросник для моргов, чтобы распространить его по всей Англии и Уэльсу. Идея – во всяком случае, как я полагал – заключалась в том, чтобы собрать информацию, которая поможет организовать национальный контролирующий орган и сформулировать стандарты для моргов по всей стране. Я вписал вопросы о том, сколько персонала числилось в штате, какого объема были холодильные камеры, работали ли они в неурочные часы и т. д. Готовый опросник отправил в головной офис,

где без моего ведома был добавлен еще один вопрос: «Получал ли ваш персонал какие-либо выплаты от судебно-медицинских экспертов и ритуальных агентов?»

> После того как я предал огласке схему получения дополнительных денег работниками морга, у меня осталось довольно мало друзей, и по поводу моей добропорядочности стали ходить сплетни.

Впервые об этом добавленном вопросе я узнал, когда усаживался ужинать у себя дома. Услышав яростный стук в дверь, я подошел ее открыть.

На пороге был Тревор, заведующий другим лондонским моргом.

– Какого хрена ты натворил, Эверетт? – завопил он.

– О чем ты вообще? – с искренним недоумением спросил я, неохотно пуская этого обычно уравновешенного человека в свой дом.

– Ты разворошил гребаное осиное гнездо! Из-за тебя совет положил конец всем выплатам от ритуальных агентов и судмедэкспертов. Из-за тебя я потерял четверть своей зарплаты!

– Но я не понимаю, – сказал я, – это не имеет ко мне никакого отношения, если совет решил…

– То есть ты хочешь сказать, что этот опросник, на котором стоит твое имя, составил не ты?

Предприняв безуспешные попытки успокоить Тревора, на следующий день я все проверил и увидел вопрос, добавленный советом.

– Господи Иисусе!

И действительно, вскоре мне начало казаться, что меня готовы распять.

Те немногочисленные друзья, которые были у меня среди коллег, сразу же разорвали со мной отношения, осознав, что из-за меня (каким бы ошибочным это понимание ни было) лишились четверти своих доходов. Я получал письма с угрозами, а по поводу моей добропорядочности стали ходить сплетни.

Настоящий сокрушительный удар был нанесен мне несколько недель спустя вместе с приходом налогового инспектора. Финансовое управление решило провести расследование по всем моргам в стране,

и стали проверяться все неучтенные деньги, полученные нами с момента назначения на должность. Это коснулось сотен санитаров, и всем пришлось выплатить тысячи долларов задолженности по налогам.

В профсоюзе меня стали презирать, так что пришлось из него выйти. Мне не к кому было обратиться за поддержкой. Вплоть до этого момента мы все были большой семьей, в тяжелые времена приходили друг к другу на выручку. Теперь же, уличив вора и вскрыв коррупцию, я лишился всего. Очевидным решением было отказаться и от занимаемой должности, однако уход из морга был для меня чем-то немыслимым. Всю жизнь я мечтал здесь работать и теперь был заведующим, находясь в морге двадцать четыре часа в сутки, – это была моя жизнь, и отказ от нее казался мне равносильным смерти. Я решил, что продолжу работать, и если мне придется делать это в изоляции, так тому и быть.

По крайней мере, у меня был один друг в лице Салли – молодой ассистентки, которая отважно выступила в роли свидетеля преступного поведения Джорджа. А так как мне как можно скорее требовалось назначить кого-то на замену Джорджу и Эрику, я решил обратиться к Пэту, своему старому приятелю и помощнику из больницы святой Марии. Оказалось, что он работает в доме престарелых. Я объяснил неприятную ситуацию, в которую попал, и во что он ввязывается, но, к моей несказанной радости, Пэт согласился помочь. Истории про коррупцию его нисколько не удивили. Мы оба были свидетелями относительно небольших краж в больнице святой Марии. Заведующий моргом, работавший там до меня, был уволен из-за того, что обворовал тело, а одного из моих помощников обвинили в краже часов. Из-за отсутствия улик доказать ничего было нельзя, так что его просто перевели в регистратуру.

– Мне не помешает немного встряхнуться! – воскликнул Пэт, и на следующей неделе он прибыл в Саутуарк. Таким образом, заручившись поддержкой Салли и Пэта, я решил во что бы то ни стало привести морг Саутуарка в порядок.

09. Вопросы без ответа

Июль 1984 года

Такси подъехало к Центральному уголовному суду Лондона, я достал свой пропуск, быстро минул шумную толпу телевизионных и газетных журналистов под палящим солнцем и зашел через главный вход. Пройдя мимо поста охраны, преодолел два узких коридора и вошел в зал суда номер один.

Подобно моргу Саутуарка, помещения Центрального суда отчаянно нуждались в ремонте: залы были ужасно тесными и душными, и с наступлением жаркой погоды судебные процессы превращались в испытание на выносливость, особенно для облаченных в парики судей и королевских адвокатов.

Я нашел себе свободное место за свидетельской трибуной, откуда было хорошо видно обвиняемого и места для публики. Адвокаты заняли свои позиции – они вели себя так, словно это был очередной рабочий день, но невозможно было не заметить три семьи, расположившиеся над ними на местах для публики. Родители убитого и обвиняемого сидели всего в нескольких метрах друг от друга. Это был долгожданный день, когда должно было свершиться правосудие, и три семьи питали надежду: одна – на оправдательный приговор, другая – на пожизненный срок. Напряжение нарастало, и журналисты, заполнившие крошечную ложу для прессы и все свободные места для публики, с трудом сдерживали нетерпение. Воспоминания о деле были свежи в головах людей, как и фотографии похорон жертвы с первой полосы, заставившие замереть весь Южный Лондон. «Лондонские Ромео и Джульетта», – гласил заголовок в Standard. Это эффектное, пусть и не совсем точное сравнение сопровождалось незабываемой фотографией запряженного лошадьми катафалка, усыпанного цветами, и длинной похоронной процессией, конец которой скрывался из вида вниз по Боро-Хай-стрит.

Наконец всех призвали к порядку, в зале суда воцарилась тишина, и мы встали, приветствуя судью. Я пришел не для того, чтобы давать

свидетельские показания: я участвовал в этом деле с самого первого дня и хотел увидеть, чем оно закончится.

*** * ***

Эта история началась снежным воскресным утром прошлого февраля, через месяц после оглашения приговора Джорджу. Хотя в морге все по-прежнему было далеко от идеала (помещения нуждались в обновлении, а мы постоянно испытывали нехватку персонала), в Саутуарке теперь был полный порядок, и с момента суда у нас больше не случалось никаких криминальных или бюрократических происшествий. С помощью Пэта нам удавалось держать под контролем все административные вопросы, и при известной доле везения примерно каждое четвертое воскресенье я мог целиком посвятить отдыху.

Я сидел у себя дома, наслаждаясь курением и пытаясь разгадать кроссворд в The Sunday Times, когда зазвонил телефон. Метнув на него недовольный взгляд, я потянулся за трубкой.

– Извини, что отрываю тебя в такой день, – сказал профессор Мант, – но у нас тут двойное убийство на Минт-стрит. За тобой уже выехала машина.

Минт-стрит, как оказалось, была всего в пяти минутах ходьбы от моей квартиры, но я был рад, что не пришлось идти туда пешком. Стоило выйти из машины, как один из полицейских наклонился ко мне и шепнул на ухо: «Будьте осторожны, сэр, хорошо?»

Он показал на небо. Не понимая, о чем может идти речь, я посмотрел наверх. На башне пожарной части я увидел телевизионную съемочную группу. То, как им удалось забраться туда ранним воскресным утром, осталось для меня загадкой. Я проследил за направлением их камеры и увидел в конце улицы большой желтый самосвал на небольшой автостоянке рядом с игровой площадкой.

Меня поприветствовал инспектор уголовной полиции Дуги Кэмпбелл.

– Доброе утро, Питер, – сказал он, пожав мне руку. – Заковыристое место преступления. Боюсь, профессор Мант все никак не доберется из Суррея.

Пока мы шли к самосвалу, Дуги ввел меня в курс дела. Полицейские отчаянно пытались защитить вещественные доказательства с помощью брезента – снег сменился градом.

– Тела обнаружила местная жительница Дорин Гавахан – точнее, ее собака. Она неугомонно гавкала на самосвал, так что эта дама поднялась наверх и заглянула внутрь.

Когда полицейский приоткрыл брезент, тот чуть не снесло порывом ветра, и фотожурналист успел сделать снимок, на следующий день появившийся в большинстве газет: на нем были изображены мы с Дуги, заглядывающие в ковш самосвала и изучающие два частично обнаженных тела, в неуклюжих позах лежавших на дне. Я успел лишь увидеть лица мальчика и девочки – оба были подростками, оба частично раздеты и залиты изрядным количеством крови, – когда прибыл профессор Мант.

– Нам придется залезть в ковш, – сказал я. – Справитесь?

Профессор покачал головой и инстинктивно потянулся рукой к своей спине.

– Только если с лестницей.

Констеблей отправили за лестницей и дополнительным брезентом. Вскоре у нас появилось практически уединенное, огражденное место для работы. С некоторой помощью мы с профессором Мантом оказались в ковше с телами, сменив шерстяные перчатки на резиновые.

> В ковше самосвала было обнаружено два тела. По-хорошему, чтобы сохранить все улики, следовало бы доставить их в морг вместе с ковшом.

Профессор опустился на колени и стал внимательно рассматривать шею парня.

– Ножевые ранения. Скорее всего, повреждена сонная артерия, – сказал он, в то время как я снимал все на «Полароид» и делал записи. Мне было видно веревку вокруг шеи девушки. У нее слегка выступал язык, а шея и лицо были в синяках. Она была раздета ниже талии. Штаны парня были спущены, пенис обнажен.

– Какие-либо соображения по поводу времени смерти? – спросил нас снаружи Дуги, заглядывая сбоку в ковш.

– Думаю, прошло часов двенадцать. Точнее не скажу, – ответил профессор Мант.

В этот момент град сменился проливным дождем, и мы решили прекратить осмотр на месте происшествия и как можно скорее доставить тела в морг, чтобы не смыло следовые улики. Оглядываясь назад, я понимаю, что следовало попросить привезти весь ковш целиком. В морге был большой двор, где его можно было разместить для более тщательного изучения. Как бы то ни было, мы осторожно достали тела, сложили их в полиэтиленовые мешки, плотно запечатали скотчем, и я поехал вместе с ними в фургоне в Саутуарк.

Когда мы добрались до морга, большими ножницами я разрезал мешки, и вместе с Дуги и его сержантом – тихим парнем двадцати с лишним лет, который выглядел очень серьезным, – мы положили тела на белый квадрат на полу, чтобы полицейский фотограф снял их со всех сторон, спереди и сзади, а также сделал снимки ран крупным планом.

Затем мы обшарили их карманы. Удостоверений личности при них не было. Мы раздели тела, сложили одежду в пакеты и взяли мазки. Когда фотограф закончил, Клифф запечатал мешки, в которых транспортировали тела, в новые пакеты, чтобы потом их изучили криминалисты в лаборатории на случай обнаружения каких-либо следов злоумышленника, таких как волосы, кровь или обломок ногтя.

Когда тела оказались на столе для вскрытия, профессор Мант начал с парня.

– Одиннадцатисантиметровая косая рассеченная рана на шее. Надгортанный хрящ поврежден, равно как и левая сонная артерия.

Затем он взял щуп и аккуратно вставил его во входное отверстие раны до упора, после чего измерил глубину – она равнялась восьми сантиметрам. Стараясь не задеть рану на шее парня, профессор Мант сделал Y-образный разрез от груди до лобковой кости и быстро извлек органы.

– Кровь присутствует в пищеводе, и он вдохнул ее в легкие, – заключил профессор Мант. – Мгновенная смерть.

Были сделаны снимки ран изнутри, после чего профессор осторожно проверил голову на ссадины и извлек мозг. Мы снова взяли

мазки, а также образцы крови и мочи, после чего внутренние органы поместили в черные полиэтиленовые пакеты, в которых их вернули обратно в тело. Потом тело зашили и поместили в холодильник – теперь его можно было передавать в похоронное агентство.

Та же процедура была проведена с девушкой.

Ее шея и нижняя часть лица были в синяках, а язык высовывался – типичный признак удушения.

– Имеются точечные кровоизлияния над следом от удавки, – сказал профессор Мант, после чего заглянул девушке в рот.

– Погоди, вот это уже странно.

Дуги подошел ближе, в то время как профессор Мант достал щипцами небольшой сверток коричневой бумаги. На нем не было никаких надписей, и его поместили в пакет для вещественных доказательств. Как оказалось позже, это был мусор, который, скорее всего, попал в ее открытый рот, когда она лежала в ковше самосвала.

– Повреждения по бокам нижней челюсти и задней части головы указывают на то, что покойную, вероятно, крепко схватили и ударили головой о твердую поверхность. Причина смерти – сдавливание шеи.

– Какие-нибудь признаки надругательства? – поинтересовался Дуги.

Профессор Мант покачал головой.

*** * ***

Пока я отвел профессора Манта наверх, в свою квартиру, чтобы перекусить, Дуги отправился обратно, теперь уже в полной темноте. Снег, град и дождь стерли все следы того, как тела были перенесены в ковш, если они вообще были. В то же время в полицию подали заявление об исчезновении двух подростков, и описание полностью соответствовало нашим жертвам.

Роберт Воган и Мишель Садлер, оба семнадцати лет, встречались на протяжении полутора лет и только что обручились. Вечером они не пришли на семейное торжество, и их родители позвонили в полицию. Проверив их место работы – небольшой завод в нескольких кварталах от места обнаружения тел – детективы нашли лужи крови на погрузочной площадке и в туалете. На основании увиденного они

заключили, что на Роберта напали сзади, когда он стоял у писсуара, что объясняло, почему у него был обнажен пенис. Как на погрузочной площадке, так и в туалете, нашли кровавые отпечатки подошвы убийцы.

Кровь третьей группы с положительным резус-фактором очень редка, она встречается лишь у каждого двадцатого.

Роберт и Мишель работали сверхурочно в субботний вечер, и, кроме них, на заводе никого не было. Они хотели накопить денег на свадьбу. В результате опроса коллег был установлен возможный подозреваемый: им был восемнадцатилетний Дэвид Карти, относительно новый сотрудник. Оказалось, что Карти уже несколько дней пытался ухаживать за Мишель, которую совершенно не интересовал.

Поначалу Карти утверждал, что провел день на Оксфорд-стрит, совершая покупки, но, узнав, что детективы обнаружили кровь на кроссовках в его комнате, а также то, что рисунок их подошвы совпадал с найденными на месте преступления кровавыми следами, юноша признался, что заезжал на завод в поисках Роберта и Мишель (заявив, что они были хорошими друзьями), где и обнаружил их тела. Наступив в лужу крови, он понял, что полиция обвинит его (как он сказал, в особенности из-за того, что он был черным), так что погрузил тела во взятую с работы тележку и катил ее по заснеженным улицам Лондона почти километр, пока не наткнулся на самосвал. Почему он не убрал за собой на месте преступления и не избавился от кроссовок, Карти объяснить не смог.

– Не знаю, о чем я думал, – только и смог он сказать Дуги.

Тем временем лабораторный анализ показал, что кровь, найденная на теле Мишель, была третьей группы с положительным резус-фактором – такая группа крови имеется лишь у пяти процентов людей. Дуги решил, что дело в шляпе, когда у Карти оказалась именно такая группа крови, пока ему не позвонили из лаборатории: анализ показал, что у Роберта тоже была третья положительная!

Хотя улик, инкриминируемых Карти, и казалось предостаточно, все они были косвенными. Королевская уголовная прокуратура не торопилась предъявлять обвинения в умышленном убийстве, основываясь только на косвенных доказательствах, – за последние две недели в Центральном суде Лондона она проиграла два громких дела.

Один из оправданных был чернокожим, и в Брикстоне после этого поднялся небольшой бунт. Все еще слишком хорошо помнили беспорядки в Брикстоне 1981 года, так что по понятным причинам полиция не хотела провоцировать расовую напряженность, арестовав чернокожего из Брикстона за убийство двух белых, не имея на руках веских доказательств. Кроме того, имелось немало толковых барристеров, которые в пух и прах разносили косвенные доказательства, вызывая у присяжных обоснованные сомнения.

Тогда Дуги пришла в голову светлая идея.

Несколькими неделями ранее один полицейский патрулировал Килберн, когда заметил на центральной улице припаркованный в неположенном месте автомобиль. Он записал номера шариковой ручкой у себя на руке, планируя вызвать эвакуатор, однако затем отвлекся на более срочные правонарушения и совершенно забыл про машину вплоть до следующего дня, когда узнал, что машина точно такого же цвета и модели была использована при ограблении банка на Хай-Роуд в Килберне. Разумеется, к тому времени он уже смыл чернила с руки. Он рассказал об этом своему сержанту, который передал инспектору, а тот в свою очередь – начальнику участка. А начальник этот слышал об испытываемой в полицейской лаборатории в Ламбете новой лазерной технологии. Констебля отправили в лабораторию, где криминалисты направили на его руку лазер, выявив микроскопические следы чернил, – теперь у полиции был регистрационный номер автомобиля. Машину удалось отследить, и грабителей поймали.

А что, если это сработало бы и для отпечатков пальцев? Возможно, этот лазер смог бы выявить достаточное количество микроскопических следов грязи, чтобы получить отпечаток с кожи на горле Мишель. Мне позвонили поздним вечером. Я готовился ко сну, но несколько минут спустя уже сидел в кузове принадлежавшего моргу фургона вместе с телом Мишель, направляясь в лабораторию на Пратт-У-Олх, сразу за Ламбетским дворцом. По приезде меня ждала существенная проблема. Встретивший меня лаборант сообщил, что у них нет подходящей тележки для перевозки тела в помещение с лазером, а я, предполагая, что она у них найдется, не стал брать с собой ничего.

К этому времени о нашем эксперименте прошел слух, и начальники полиции со всего Лондона направились в лабораторию, чтобы за ним понаблюдать. Давление нарастало. Когда у фургона появились лаборанты с сервировочным столиком на колесиках, позаимствованным из столовой для сотрудников, я был против этой идеи, но уже через несколько минут сдался. Мне было не по себе, однако я решил, что если это поможет поймать убийцу и предотвратить расовые волнения, оно того стоит. С трудом протащив таким образом мешок с телом Мишель в переулок за полицейской лабораторией, мы аккуратно водрузили его на столик с колесиками. Через несколько метров столик начал разваливаться под весом тела, но мы были уже слишком далеко от фургона, чтобы нести его назад.

Я собирался ложиться спать, но получил звонок и направился в лабораторию в одной машине с трупом.

– Толкаем дальше! – пыхтя, крикнул я побледневшим лаборантам, не привыкшим перевозить трупы, не говоря уже о том, чтобы делать это в темном переулке посреди ночи. Оказалось, что лаборатория делила здание со следственным изолятором, в котором содержались ожидавшие суда заключенные, так что нашей следующей проблемой оказались около десятка припаркованных полицейских фургонов, которые стояли у нас на пути. Нам пришлось сделать крюк прямо под стенами Ламбетского дворца. Архиепископ Кентерберийский, наверное, насмерть бы перепугался, выгляни он тогда из одного из многочисленных окон над нами.

Пробравшись через здание, мы с трудом втиснули тело Мишель в лифт, после чего, запыхавшиеся и с красными лицами, положили его на стол в лазерной лаборатории перед двенадцатью нетерпеливыми начальниками полиции: сцена, мягко говоря, сюрреалистичная. Наклонившись, мы наблюдали, как лазер приближается к шее покойной девушки, надеясь, что отпечаток появится, словно фотография в ванне для проявления. Постепенно стали вырисовываться первые следы очертаний, и мы все хором ахнули. Минуту спустя, однако, так ничего больше и не появилось. Ничего определенного обнаружить не удалось. Убийца, должно быть, вымыл руки, и наша примитивная технология была не в состоянии справиться

с поставленной задачей. Мы ушли несолоно хлебавши, и когда тело Мишель погрузили обратно в фургон, сотрудники лаборатории вернули поломанный столик в столовую, персоналу которой было не суждено узнать, какие мрачные обстоятельства к этому привели.

*** * ***

По указанию судьи присяжные удалились, и я встретился в столовой с Дуги.

– Все будет хорошо, – сказал я. – Карти ни за что не выйдет на свободу.

Дуги неуверенно кивнул.

– Я тоже так думаю, но с присяжными никогда не угадаешь, – тихо сказал он. – Кроме того, от этого дела многое зависит – для начала, хрупкий лондонский мир, не говоря уже про мою карьеру.

Столовая была переполнена, и я заметил Хелену Кеннеди, адвоката Карти, ищущую себе место, чтобы присесть. Дуги проследил за моим взглядом и помахал ей рукой, предложив присоединиться к нам.

Хотя формально они и занимали противоборствующие стороны, между барристерами и полицией редко когда была неприязнь, ведь все мы подписались на существующую систему правосудия и были вынуждены следовать правилам игры. Каждый попросту делал все, что было в его силах, руководствуясь имеющейся информацией в надежде, что приложил достаточно усилий.

– Ну что, как, по-вашему, прошло? – спросил Дуги у присевшей Хелен.

– Сложно сказать, – ответила она. – Когда внимание всего зала суда обращено на тебя, не разберешь, как все воспринимают присяжные. Они нередко меня удивляют.

> Между барристерами и полицией неприязнь бывает редко: все просто вынуждены следовать правилам игры существующей системы правосудия.

Только она это произнесла, как присяжные решили вновь удивить нас. Усилившийся гул и движение в столовой дали понять, что они объявили об окончании своего обсуждения. Это заняло у них менее получаса. Оставив напитки на столе, мы поспешили обратно, и я занял свое место, откуда было видно обвиняемого и места для публики. Я наблюдал за лицом Карти, когда председатель присяжных встал и ответил на стандартные вопросы, прежде чем перейти к сути.

– Не могли бы вы теперь огласить перед судом вынесенный вами вердикт?

– Виновен.

Лицо Карти мимолетно дрогнуло, слегка задрожало, и на этом было все. С ложи для публики послышались вопли и крики. Родные Карти были убеждены, что его оправдают, в то время как семьи Роберта и Мишель выдохнули с облегчением – с этим ужаснейшим испытанием было наконец покончено. Когда пристав призвал всех к тишине, судья объявил, что не видит смысла медлить с вынесением приговора, а приговор мог быть только одним – пожизненное заключение. Журналисты хлынули к выходу, а я поймал взгляд Хелены. Она пожала плечами, словно говоря: «Где-то выиграешь, где-то проиграешь».

Карти по-прежнему не проявлял никакой реакции, лишь поглядывая на судью, пока его вели по ступенькам в изолятор. Один мой хороший приятель, высокопоставленный полицейский, однажды рассказал, что во времена существования смертной казни после вынесения смертного приговора преступники обычно какое-то время сохраняли молчание, однако: «Вернувшись в камеру, они были чуть ли не в приподнятом настроении, – рассказал он. – Вовсю шутили. Не знаю, было ли дело в шоке или снятом после столь долгого ожидания вердикта напряжении. Лишь после отклоненной апелляции с ними что-то менялось. Больше им сказать было нечего».

Поймав Дуги в приемной, я пожал ему руку. Он уже общался с родными и посреди всего шума и гама познакомил меня с матерью Роберта.

– А чем занимаетесь вы? – спросила она. – Какое участие вы принимали в деле моего сына?

Не желая ее расстраивать, я сообщил, что занимался техническими вопросами, связанными со сбором улик, и она кивнула,

поблагодарила меня, и я увидел в ее глазах напряжение, вызванное прошедшими событиями. Мало того что она потеряла сына, так еще и узнала, что он был убит, и ей предстояло перенести судебный процесс – я не мог себе представить страдания, через которые она прошла, не говоря уже о том, какой силой нужно было обладать, чтобы все эти испытания вынести. Но это был еще не конец: на улице столпились съемочные группы, любопытные зеваки и работники суда.

> Раньше после вынесения смертного приговора преступники обычно какое-то время сохраняли молчание, однако, вернувшись в камеру, вовсю шутили.

– Не могли бы вы вывести их через задний двор? – попросил я Дуги.

– Сожалею, но нам запрещено так делать, – ответил он.

Семьям пришлось выйти под палящее солнце, где их окружили со всех сторон журналисты. Протискиваясь сквозь толпу, они направились в свои такси. Минуту спустя я тоже поймал машину и по дороге обратно в Саутуарк ломал голову над вопросом, который так и останется без ответа – во всяком случае, пока Карти не решит дать признание: как ему удалось перенести оба тела с места преступления практически на целый километр по обледеневшим улицам, а затем поднять их чуть ли не над головой, чтобы бросить в самосвал? Карти был невысоким и хлипким, а Роберт и Мишель – подростками семнадцати лет здоровой комплекции, весом восемьдесят и шестьдесят пять килограммов соответственно. Карти сказал, что использовал тележку, но даже в сухую погоду я с большим трудом мог преодолеть по прямой более ста метров, погрузив в тележку всего пятьдесят килограммов. Неужели Карти помог избавиться от тел сообщник? Как всегда бывает с подобными делами, некоторые вопросы так и остаются без ответа.

10. Катастрофа в небе

Июнь 1985 года

На дворе было 24 июня 1985 года, и коррупционный скандал начал наконец забываться. Я наслаждался предвечерним солнцем и успокаивающими видами и звуками матча по крикету – команда графства Кент играла на своем поле – с трубкой в одной руке и холодным пивом в другой. Благодаря Пэту, моему самому верному заместителю и непримиримому борцу с хаосом, мне удалось взять небольшой, но столь необходимый отпуск. Только началась последняя серия оверов, как умиротворенную атмосферу прервал оглушительный визг моего пейджера. Поспешив достать эту проклятую штуковину из кармана, я пролил пиво и под озлобленные взгляды отправился на поиски телефона.

Ожидая вызова на место убийства, я с удивлением узнал, что мне забронировали самолет в Корк, вылетающий через два часа. Произошла крупная авиакатастрофа: рейс 182 авиакомпании Air India с тремястами семью пассажирами и двадцатью двумя членами экипажа на борту, летевший из Монреаля в Дели, пропал с радаров где-то над Ирландским морем.

> Во время работы в больнице святой Марии я вступил в группу по возвращению на родину тел подданных Великобритании, ставших жертвами авиакатастроф, и группу МВД по масштабным катастрофам, однако за моими услугами обратились впервые. Эта деятельность никак не была связана с основной работой, так что любая оказываемая мной помощь должна была идти в счет отпуска – к счастью, мое время оплачивалось компанией Kenyon, известной лондонской ритуальной фирмой, зарекомендовавшей себя настоящим мировым экспертом в области случаев массовой гибели людей.

*** * ***

Компания Kenyon была одним из главных координаторов мер реагирования на чрезвычайные ситуации в Великобритании с 1906 года, когда 1 июля Гарольда и Герберта Кеньон, сыновей Джеймса Кеньона, основателя похоронной компании JH Kenyon, вызвали на место крушения поезда на большой скорости неподалеку от железнодорожной станции Солсбери. Двадцать восемь человек тогда погибли. Многие из них были обеспеченными жителями Нью-Йорка, ехавшими в Лондон из порта Плимут. Через две с небольшим недели пятеро покойных в сопровождении Герберта Кеньона были возвращены в Нью-Йорк на пароходе Campania, принадлежавшем пароходной компании Cunard. Свою международную работу Kenyon начали в 1930 году, после того как крупнейший в мире дирижабль R101 во время своего первого межконтинентального перелета потерпел крушение над французским городом Бове, в результате чего из пятидесяти четырех высокопоставленных пассажиров и членов экипажа выжили лишь пятеро. Среди погибших был министр авиации Великобритании лорд Томсон Кардингтонский, который активно продвигал разработку этого воздушного судна. Британское правительство попросило Кеньона отправиться во Францию, чтобы вернуть на родину тела погибших англичан. С того дня они были первыми, кому звонило правительство в случае массовой гибели людей. В их кризисную группу входили люди со всей страны: бальзамировщики, судмедэксперты и санитары, каждый из которых должен быть готов вылететь в любую точку мира с уведомлением всего за два часа.

Во время перелета к месту катастрофы нас, волонтеров, попросили написать свои имена и даты рождения на вощеной бумаге и зажать ее во рту, чтобы быстро установить личности, если мы сами станем жертвами катастрофы.

*** * ***

В Мэрилебоне были открыты оперативные штабы взаимодействия, в то время как в Корк устремились фургоны с оборудованием. Другие члены группы по возвращению тел на родину уже отправились в Канаду и Индию, для того чтобы взаимодействовать

с семьями. Когда я оказался над Ирландским морем, уже было объявлено, что выживших нет. Как и все остальные члены группы по возвращению тел на родину, я путешествовал инкогнито. При бронировании билета на самолет было указано, что я коммивояжер (в те дни пассажиры, вылетающие в Южную Ирландию, должны были заполнить форму проверки благонадежности с указанием цели визита). Кроме того, нас попросили предпринять и другие меры предосторожности, самая необычная из которых заключалась в том, чтобы написать свои имена и даты рождения на куске вощеной бумаги и зажать его во рту, чтобы наши личности можно было быстро установить в случае, если мы сами станем жертвами катастрофы.

Когда мы приближались к Корку, солнце уже было у горизонта, и море мерцало, в то время как ярко-зеленая земля отбрасывала длинные тени на запад. Ослепительно-белый маяк на острове дополнял идеальную и умиротворяющую картину. Хотя к этому моменту я уже и считал себя невосприимчивым к трупам, вид которых так будоражил других людей, начал переживать, насколько хорошо справлюсь с таким большим количеством жертв.

В аэропорту меня встретили двое полицейских, которые отвезли нас на удаленный участок взлетного поля, где садились военные вертолеты, доставлявшие тела – все упакованные в военные зеленые мешки для трупов, – которые затем грузили в военные автомобили. Видеть такое количество мешков было почти невыносимо. В загруженный день в Саутуарке я мог увидеть тел двадцать. Здесь же их были многие десятки.

По пустым улицам мы направились в гостиницу «Джурис Инн». К этому времени новости о катастрофе разлетелись по городу, и местные жители из уважения к погибшим оставались дома. Добравшись до гостиницы, я был рад наткнуться на Деза Хенли, моего хорошего друга, который также посвятил свою жизнь мертвым. Дез считался основателем группы работников морга – у него за плечами были многие годы опыта работы при чрезвычайных происшествиях. Кроме того, он был носителем необычного титула «королевский бальзамировщик»: он бальзамировал тела короля Георга VI в Сандрингемском дворце в 1952 году, королевы Марии в особняке Мальборо-хаус в 1953-м, а также сэра Уинстона Черчилля в его лондонском доме на Гайд-парк-гейт, 28 в 1965-м. Дез, высокий

немногословный мужчина, был невероятно скромным, но его великие дела не остались незамеченными. Несколько лет спустя за свою работу по координации мер реагирования при чрезвычайных происшествиях ему присвоили звание офицера ордена Британской империи.

Также я наткнулся на Берни Симмса, главу подразделения одонтологии[28], который отвечал за опознание жертв по зубам. Было сложно не столкнуться с Берни – гигантом весом сто пятьдесят килограммов. Как-то я видел его фотографию из Таиланда, на которой он позировал рядом с огромной каменной статуей Будды. Их было не отличить. Несмотря на свои размеры, Берни был шустрым малым и работал без устали с неподдельным энтузиазмом.

> Многие люди, узнав о катастрофе, предпочитают отрицать, что с их родственниками что-то случилось вплоть до получения неопровержимых доказательств.

Ситуация была сюрреалистичной: хотя в городе царила тишина, туристы, явно не смотревшие новости и пребывающие в праздничном настроении, вовсю веселились. Наша команда из двадцати служителей смерти ужинала в относительной тишине, пока к нам поздно вечером не присоединились старшие члены кабинета министров Ирландии, включая Берни Ахерна, будущего ирландского премьер-министра, а также Кристофера Кеньона, директора компании Kenyon – обворожительного мужчины, восхищавшего политиков рассказами о своей выдающейся карьере. Поднимал нам настроение и профессор Джон Харбинсон (которого все называли Джеком), главный судебно-медицинский эксперт Ирландской Республики. Из-за немытых седых волос он выглядел старше своих лет, но его глаза светились остроумием и интеллектом. Джек пошутил о том, что последний живой пациент у него был четверть века назад, и объяснил, что заинтересовался патологией, когда обнаружилось, что он – медицинский недотепа без малейшего интереса к больным людям.

Разбуженный вскоре после рассвета, я вывалился из кровати и увидел перед собой восхитительный восход солнца. Я восторгался им, чувствуя подступающую нервную дрожь. Работа предстояла еще та. Родные жертв на трех континентах ожидали возможности проститься со своими близкими. Нам предстояло опознать сотни погибших. Чем

быстрее установим личности тел, тем лучше будет для семей жертв. Согласно моему опыту, столкнувшиеся с трагедией родственники хватаются за соломинку и сразу же впадают в отрицание. Может быть, их близкий опоздал на рейс; возможно, ее пересадили на другой самолет; вероятно, они перепутали номер рейса – может быть, он выжил. Подобная надежда тщетна, но, пока они не получат неопровержимые доказательства смерти, она может довести до безумия.

В районной больнице Корка организовали временный морг. Просторная комната отдыха пациентов была превращена в секционную, а в комнате для персонала расположился центральный пост.

Когда начали прибывать первые тела, нам установили телефонную и факсимильную связь с Торонто, Лондоном и Мумбаи. Доску объявлений расчистили для размещения фотографий жертв, которые нам должны были отправлять группы по взаимодействию с родственниками, чтобы помочь с опознанием тел.

Мне было поручено заняться приемом тел, и я переключил внимание на десятки мешков для трупов. Процесс идентификации в каком-то смысле чрезвычайно прост, но в то же время требует невероятных усилий. При чрезвычайных происшествиях просить родственников и близких опознать жертв попросту неприемлемо. Сразу же после катастрофы практически невозможно смириться с внезапной утратой, и люди неоднократно не признавали своих родных – настолько отчаянно им хотелось, чтобы они были в числе выживших. Это делает процесс опознания еще более важной задачей. По сути, чтобы удовлетворить коронера, нам необходимо для каждого тела и части тела жертвы чрезвычайного происшествия с массовой гибелью сопоставить прижизненные данные (информацию, которая была известна о погибшем до его смерти – например, полученную от друзей, коллег по работе и родственников) и посмертные данные, чтобы объяснить, почему, как мы полагаем, часть тела X принадлежит человеку Y. У полиции нет полномочий подтверждать личность – это может сделать лишь коронер на основе предоставленных ему доказательств.

До появления ДНК-экспертизы было еще более десяти лет, так что общепризнанными научными критериями подтверждения личности

являлись зубные слепки и отпечатки пальцев, а личные вещи использовались для окончательного подтверждения. Кроме того, части тела, поступавшие в отдельных мешках, проверялись на физическое соответствие. Если эти части удавалось собрать воедино с достаточной точностью, чтобы показать, что они принадлежат одному человеку, то это также можно было использовать в качестве подкрепляющего доказательства.

> Открыв мешок, я замер в удивлении. Тело с места катастрофы оказалось раздетым. Я поспешил заглянуть в два других мешка: тоже без одежды.

Помимо поиска признаков, которые могли бы помочь установить личность каждой жертвы, мы также должны были обращать внимание на все, что могло бы намекнуть на обстоятельства крушения самолета. Так как расследование причины катастрофы происходило стремительно, мы решили первым делом осмотреть пилотов, чтобы понять, не было ли крушение вызвано чем-то вроде сердечного приступа или судорожного припадка, или не принимал ли кто-то из пилотов наркотические препараты.

Набрав в легкие воздуха, я принялся расстегивать молнию на одном из мешков. Я уже давно приучил себя не воспринимать содержимое таких мешков как человека. Это был лишь сосуд, оболочка, вмещавшая в себе человека при жизни. Тогда-то до меня и дошло: если меня рабочие будни и приучили к виду смерти, помогавшие мне полицейские, пожалуй, не настолько привыкли к трупам. Бросив взгляд вверх, я увидел страх на их лицах. Бедняги находились здесь лишь из-за того, что оказались в этот день на дежурстве. Несмотря на свой профессионализм и готовность выполнить любые указания, они просто не были подготовлены.

Прочистив горло, я начал разговор в надежде как-то их отвлечь и предотвратить обмороки. Рассказал о том, что воспринимаю тело как сосуд, после чего начал говорить про весь процесс, про то, что им нужно будет делать и – что более важно – для чего.

Открыв мешок, я замер в удивлении. Принадлежавшее женщине средних лет тело, завернутое в оранжевое одеяло, было нетронутым. На нем не было следов крови, но больше всего меня удивил тот факт,

что она была раздетой. Я поспешил заглянуть в два других мешка. Тоже без одежды. Я побежал на поиски Джека.

– Все жертвы раздеты. Где их одежда?

Вскоре выяснилось, что группа по извлечению тел раздела жертв на корабле, прежде чем поместить их в мешки для трупов, полагая, что тем самым оказывает помощь. На самом же деле они только усложнили нам работу, ведь одежда могла бы значительно упростить процесс опознания. В карманах, к примеру, могли быть паспорта и билеты, либо какой-то отличительный предмет одежды мог помочь группе по связям с родными опознать их по семейным фотографиям.

– Уже ничего не изменить, – сказал Джек, поэтому мы просто продолжили свое дело.

Когда мы приступили к работе, я заметил, что с лиц полицейских начало сходить напряжение. Они явно настроились на совсем другие сенсорные ощущения, и отсутствие крови, а также какого-то специфического запаха смерти, думаю, пошло на пользу. Реальность была куда менее ужасной, чем они ожидали. Теперь у меня не было никаких сомнений: если полицейским удалось справиться с этим, они смогут спокойно пережить и следующие несколько дней.

Вместе мы заполнили бланки приема тел, записав каждую деталь, которую удавалось обнаружить: цвет глаз, шрамы, дефекты кожи, родимые пятна, татуировки, длину/тип волос, телосложение. На многих жертвах из Индии были всевозможные драгоценности, которые группа по извлечению тел не сняла: браслеты, кольца и ожерелья. Именно с них мы и могли начать процесс опознания тел.

Из зоны приемки тела попадали к Берни, который составлял зубную карту каждой жертвы. Большинство людей на протяжении жизни лечат зубы, и чем чаще они бывают у стоматолога, тем более уникальной может быть их карта. Даже пломбы делают по-разному, и они могут стать отличительными признаками сами по себе. Помощники Берни тщательно записали любые признаки лечения зубов, и если прижизненные стоматологические карты погибших отражали самую актуальную информацию, сопоставив их, можно было бы подтвердить личность – как правило, очень быстро и со стопроцентной точностью.

Сотрудники по взаимодействию с родственниками занимались сбором стоматологических карт пассажиров из полетного листа. Кроме

этого, они обходили дома погибших и в особенно затруднительных случаях пытались снять отпечатки пальцев с предметов, которыми пользовалась жертва. Большинство людей не занесены в базу данных отпечатков пальцев, если они не были подозреваемыми или признанными виновными в преступлении, и в подобных обстоятельствах скрытые отпечатки пальцев играют для коронера важнейшую роль. Разумеется, возникают определенные проблемы этического характера, касающиеся использования официальных отпечатков пальцев, например из реестра судимостей, так как эта информация, скорее всего, будет обнародована на суде.

> Чем чаще человек лечит зубы, тем более уникальна его стоматологическая карта, по которой можно его идентифицировать.

Пока мы разбирались с телами, группе по взаимодействию с родными предстояла деликатная задача опросить друзей и близких по поводу одежды, которая была на жертвах в день трагедии, любых отметин, шрамов и татуировок на их теле, а также личных вещей, которые могли быть у них с собой. Вся эта информация составляла прижизненные данные, и все детали вроде тех, что удалось обнаружить при вскрытии, скрупулезно записывались.

Стоит подчеркнуть, что сбор прижизненных и посмертных данных происходит одновременно, поэтому те, кто работает в морге, как правило, не знают, какую именно прижизненную информацию удается собрать, и наоборот, благодаря чему они не могут как-либо повлиять на работу друг друга, что позволяет и тем и другим сохранять беспристрастность и объективность.

Когда Берни заканчивал осмотр, тело передавалось сотрудникам, занимающимся снятием отпечатков пальцев. Четверо судмедэкспертов под руководством Джека проводили вскрытие, по завершении которого жертв отправляли на бальзамирование, после чего переносили в шатер-часовню.

Я работал на автомате, переходя от одного тела к другому. Работа шла в быстром, но постоянном темпе. После обеда я был доволен тем, как все происходит и как справляются полицейские. Размещая очередной мешок на столе, мы подтверждали свою готовность, и я

расстегивал молнию. Поступил мешок полегче, и я настроился увидеть неполное тело, однако, открыв его, замер. Тело ребенка было в идеальном состоянии. Это был мальчик лет десяти. Глянув на полицейских, я увидел на их лицах шок. Глаза ребенка были распахнуты. Даже у меня перехватило дыхание. У него впереди была целая жизнь, а теперь он лежал здесь, в окружении четырех ошарашенных мужчин, изо всех сил старавшихся справиться с порученной им невыносимо тяжелой задачей. Достав тело из мешка, мы сняли с него покрывало. В отличие от всех остальных, на нем остался один предмет одежды – футболка с изображением зеленого динозавра, которой наверняка позавидовали бы все его друзья.

*** * ***

На следующий день мы продолжили свою работу, и все приготовления теперь казались каким-то ритуалом. На осмотр ста восьмидесяти одного извлеченного тела у нас ушло шесть дней. Каждый вечер Берни, Джек и я отправлялись в бар при гостинице, и, проводя собственное вскрытие прошедшего дня, старались настроиться на более радостные мысли, обмениваясь байками за ирландским виски.

На шестой день я почувствовал огромное удовлетворение. Я не сомневался, что мы правильно записали информацию о каждом теле и каждой его части и был уверен, что родственникам теперь непременно вернут погибших близких, чтобы проститься с ними.

Когда я проходил мимо доски для объявлений, которая теперь была заполнена фотографиями пассажиров, мое внимание привлек один снимок. На нем был изображен мальчик в футболке с ярко-зеленым динозавром. Я отнес фотографию группе по опознанию, которая сравнила его со сделанным во время вскрытия снимком.

– Это не он, – сказали мне.

– Но эта футболка? Они же явно одинаковые.

– Динозавр смотрит в другую сторону. Должно быть, это другая версия того же рисунка.

Разочарованный, я оставил их продолжать заниматься своей важной работой, и лишь недели спустя, кода рассказал об этом случае

полицейскому фотографу, он объяснил мне, что, в зависимости от обработки снимка, может быть получено его зеркальное изображение, так что это определенно был тот самый ребенок.

*** * ***

Мы уже начали было собирать вещи перед вылетом в Лондон, как один из бальзамировщиков, столкнувшись с проблемами при попытке удалить физиологические жидкости, сделал одно неожиданное открытие. В ноге одной из жертв застрял кусок металла. Это была шрапнель.

Осколок от взрыва.

Вплоть до этого момента считалось, что катастрофа была обычным несчастным случаем. Теперь же речь зашла о массовом убийстве. Все тела пришлось осматривать повторно, и в некоторых тоже были обнаружены осколки – в тех, кто сидел ближе к бомбе, из-за которой рухнул самолет. Происшествие было классифицировано как теракт, и к нам присоединились представители Канадской королевской конной полиции и различных спецслужб Великобритании, Индии и США.

Когда работа была наконец закончена, наши заключения вместе с прижизненными данными были отправлены проверочной группе, также состоящей из полицейских и других специалистов, таких как эксперты по отпечаткам пальцев, стоматологи и криминалисты, которые независимо от работавших на месте бригад занимались сопоставлением прижизненных и посмертных данных. При обнаружении соответствия они предоставляли информацию комиссии по опознанию, а она уже изучала доказательства того, что часть тела X принадлежит телу Y. При получении достаточного количества информации в соответствии с установленными критериями коронер официально объявлял человека мертвым, после чего открывал и закрывал расследование причин его смерти. Если коронер не был удовлетворен доказательствами на основе прижизненных или посмертных данных, полиции поручалось собрать дополнительные доказательства, чтобы повторно представить дело коронеру. В данном случае личность каждой извлеченной жертвы трагедии – даже того

десятилетнего мальчика – была установлена правильно, и их тела вернули родным.

> В теле одной из жертв застрял кусок металла, и пришлось все тела осматривать повторно, чтобы установить, не была ли катастрофа на самом деле массовым убийством.

*** * ***

Работа в кризисной группе чрезвычайно благодарная. Никогда не знаешь, где окажешься на следующий день: можно очутиться в Японии, занимаясь последствиями авиакатастрофы, или же в Австралии после массового убийства. Вместе с тем приходится выполнять довольно мрачные обязанности, что связано с немалым стрессом и длительной разлукой с близкими. В случае крушения паромного катера Herald of Free Enterprise и взрыва Boeing 747 над Локерби членов кризисных групп вырвали с рождественских праздников. Без всякого сомнения, эти профессионалы, небезразличные невоспетые герои, заслуживают всяческих похвал, и мы должны ими гордиться, потому что им приходится иметь дело с невероятно тяжелыми зрелищами, которые навсегда врезаются в память.

В моем случае больше всего в Корке меня шокировала увиденная во время короткого перекура сцена. На прилегающей к больнице территории были возведены большие шатры-часовни, которыми заправляли монахини. Забальзамированные тела, облаченные в белый саван, выкладывали аккуратными рядами, и на груди каждой жертвы лежало по красной розе. Один из шатров был предназначен для детей: шестьдесят тел возрастом от полугода до пятнадцати лет лежали вплотную друг к другу. Как сказал мне Иэн Хилл, судебно-медицинский эксперт МВД по прозвищу Бигглз[29] (он был бывшим подполковником авиации ВВС Великобритании): «Эта фотография должна быть напечатана в газетах, чтобы показать миру, чего удается добиться терроризмом».

Поскольку у всех нас были дети, заходить в этот шатер было чрезвычайно тяжело. Прогуливаясь под голубым летним небом с

трубкой в зубах, я невольно резко остановился, увидев нескольких монахинь, заносящих в шатер двухметрового плюшевого медведя. Разумеется, они сделали это из лучших побуждений, однако для тех, кто занимался опознанием тел, это принесло больше вреда, чем пользы – мишка лишь еще больше подчеркнул невыносимость утраты этих невинных душ.

11. Жизнь продолжается

Сентябрь 1985 года

Внезапно разбуженный пронзительным звоном телефона, я вытянул руку, пытаясь нащупать трубку. Венди, которая теперь работала по другую сторону жизни – акушеркой, издала раздраженный стон. Прикроватный телефон, казалось, всегда звонил через несколько часов после ее возвращения с очередной бесконечной смены. Справившись с трубкой, я приложил ее к уху не тем концом, однако даже на расстоянии отчетливо услышал зычный голос профессора Джонсона: «Доброе утро, Эверетт, это профессор. Я сейчас в секционной, и у меня тут очень скверный случай. Как можно скорее приходи сюда!»

> Однажды, придя на работу в морг, я обнаружил кинолога с собакой прямо в своей секционной.

С большим трудом выбравшись из кровати, я напялил костюм и нетвердой походкой вышел на улицу, где меня встретил прекрасный рассвет. Шагая по узкой тропинке, проходящей через парк за моргом, я с удивлением увидел нескольких кинологов, чьи гончие, уткнувшись носами в землю, что-то чрезвычайно сосредоточенно вынюхивали. Снаружи были припаркованы полицейские машины, а во дворе находились полицейские в форме и штатском. К своему огромному удивлению, я обнаружил кинолога с собакой даже в секционной.

– Выведи ее отсюда! – воскликнул я вздрогнувшему от неожиданности кинологу. – Что ты вообще с ней собрался здесь делать?

Полицейский извинился и поспешно вышел.

Профессор Джонсон был уже на месте, совершенно не обратив внимания на собаку, что для него было крайне необычно. В секционной горел лишь боковой свет, из-за чего стол для вскрытия был окутан тенями, однако я видел достаточно, чтобы понять, что на нем лежало тело ребенка. Увидев меня, профессор перестал расхаживать вокруг стола и рявкнул: «Это не он!»

Включив верхнее освещение, я увидел, что это было тело девочки лет пяти, одетой в желтое платье. На ней был только один ботинок. Мы ожидали звонка по поводу шестилетнего Барри Левиса, который за несколько дней до этого пропал в Уолворте, когда играл рядом с домом.

– Это Стейси Кавана, четыре года, – продолжил профессор Джонсон. – Полиция обнаружила ее в парке Саутуарк после того, как поступило сообщение о ее похищении из сада во дворе дома. Один из соседей нашел там ботинок девочки.

– А где убойный отдел? – спросил я, начав подготовку к вскрытию.

– Все еще на месте преступления. Пропала еще одна маленькая девочка: подруга Стейси, Тина Бичок. Ей семь.

Вскоре появился и Пэт. Сразу же оценив ситуацию, он присоединился к нашим безмолвным приготовлениям. То, что Пэт был под боком, стало для меня настоящим облегчением: за два года работы в Саутуарке этот мягкий невозмутимый ирландец показал себя чрезвычайно надежным. Сразу после Пэта пришел недавно получивший повышение старший инспектор уголовной полиции Дуги Кэмпбелл вместе с двумя детективами, полицейским фотографом и Клиффом Смитом, офицером по связям с лабораторией. Мы кивнули друг другу в знак приветствия: сцена была слишком печальной для «доброго утра», и мы работали в тишине, лишь при необходимости разговаривая, чтобы сообщить подробности для отчета о вскрытии. Несмотря на наше мрачное задание, было отрадно находиться среди профессионалов, выполняющих очень сложную работу, – ее значимость объединяла нас. Я знал, что ничего не будет упущено, что в поисках справедливости мы заглянем под каждый камень, чтобы предоставить родителям Стейси хоть какую-то ясность. Они наверняка сокрушались, столкнувшись с днем, которого так страшатся любые родители.

На теле отсутствовали следы борьбы – это могло указывать на то, что Стейси знала своего убийцу. Она не подвергалась сексуальному насилию, а с учетом количества случаев похищений детей за последние месяцы все ожидали именно этого. Помимо пропавшего без вести Барри Левиса, недавно в Саффолкском канале было обнаружено

связанное тело тринадцатилетней Леони Китинг с кляпом во рту и следами сексуального насилия.

На самом деле, Стейси была нанесена единственная смертельная травма – ее удушили.

– Это не было сделано голыми руками, – объяснил профессор Джонсон. – Судя по оставленным следам, использовалась некая удавка. Что касается типа, я бы сказал, что это был шнур. О материале точно сказать не могу. Если это была бечевка, в ее одежде могут быть конопляные волокна, однако это предстоит узнать коллегам мистера Смита.

> Через какое-то время после того как в нашем городе пропала маленькая девочка, я обнаружил у себя на столе для вскрытия большой чемодан. Не нужно было быть детективом, чтобы догадаться, что внутри.

Шли дни, а Тины не было и следа, и Бермондси изменился до неузнаваемости. На улицах больше не было видно играющих детей. Местные жители организовали народную дружину, члены которой занимались собственным поиском и патрулированием, допрашивая любого незнакомца, причем порой делая это крайне агрессивно, особенно когда этот незнакомец оказывался одним из представителей прессы, хлынувших в район, отчаянно пытаясь выведать хоть что-то. Десятки полицейских обыскивали дома, лесные поляны и старые доки. Они стали привычным зрелищем для жителей многоквартирного дома, где жили обе девочки: здания из серого кирпича с видом на пустырь, за которым виднелись краны старых доков.

– По крайней мере, эта трагедия их объединила, – позже на той неделе сказал мне Пэт, размышляя о родных девочек, когда мы закончили зашивать тело отравившего себя мужчины. Он был инженером, и тело было обнаружено в его машине.

Пэт был прав: в каком-то смысле это было лучиком надежды. В последние недели расовая напряженность в Бермондси, подпитываемая обвинениями в жестокости полиции и газетными заголовками о безработице и нищете, в которых они связывались с иммиграцией, грозила перерасти в насилие. Мы с Пэтом оказались в центре этого урагана, когда в морг привезли тело двенадцатилетнего

белого мальчика. Он приобрел токсичный клей у газетчика, оказавшегося пакистанцем, понюхал его, стремясь добиться наркотического опьянения, и от этого умер. Когда определенные группы местных жителей узнали этническую принадлежность торговца, они уцепились за нее, стремясь выплеснуть гнев. Владельца магазина пришлось взять под защиту полиции, однако снаружи полицейского участка Бермондси начались настоящие беспорядки с выкриками расистских оскорблений.

Стейси была белой, а мать Тины, двадцатишестилетняя Мирелла, – родом с Маврикия, острова в Индийском океане, и по крайней мере на этот момент все расовые различия были отброшены в сторону: матерей всех национальностей объединили горе, страх и сочувствие, которые наполняют людей после убийства ребенка, тем более что пропала еще одна девочка, а убийца находился где-то рядом. Мирелла показали в новостях в окружении поддерживающих ее друзей и соседей: она умоляла, чтобы ее девочку вернули в целости и сохранности.

*** * ***

В следующую субботу – никаких следов Барри Левиса или Тины Бичок до сих пор обнаружено не было – мы с женой проводили утро за покупками. Только мы сели обедать, как сработал мой пейджер. Полицейская машина приехала считаные минуты спустя, и меня стремительно доставили в морг, осажденный прессой вперемешку с местными жителями. Каждую секунду прибывали все новые люди. Пара констеблей из последних сил сдерживала толпу. В морге, на столе для вскрытия, лежал большой чемодан. Не нужно было быть детективом, чтобы догадаться, что внутри.

Клифф был уже на месте и выглядел обеспокоенным. Я поинтересовался, что не так.

– Мы старались удержать это в секрете, так что положили чемодан в коробку, и я в одиночку подошел с ним к фургону. Никто ничего не видел, однако к моему приезду сюда в прессе откуда-то обо всем пронюхали, и фотограф снял, как я захожу внутрь с коробкой. Думаю, завтра я буду на первой полосе.

Он оказался совершенно прав.

Подчиненные Дуги узнали у одного из соседей, что у матери Тины были ключи от квартиры другой соседки, которая уехала в отпуск. Квартиру Мирелллы уже обыскали и ничего подозрительного не нашли, но при обыске квартиры соседки нашли под кроватью чемодан. Внутри было спрятано тело Тины вместе с куском электропровода от пылесоса Мирелллы. Вместе с мужем, тридцатилетним Рави, Мирелллу взяли под стражу. Когда их выводили из квартиры, многочисленные соседи выкрикивали из окон и с балконов расистские оскорбления.

К своему огромному стыду, Скотланд-Ярд только после этого выяснил, что Мирелла какое-то время провела в лечебнице Бродмур после попытки отравить своего первого ребенка, Сабрину. После того случая дочку у нее забрали.

Постепенно с помощью доктора Рагхунандан Гаинд, психиатра с Харли-стрит, Дуги восстановил по кусочкам всю историю. По ответам Мирелллы на его вопросы доктор Гаинд заключил, что она «ранимая, помешанная, несговорчивая и упертая». Она рассказывала про черную магию и вуду, заявляя, будто царапины на ее теле были оставлены сглазом и что бывшая девушка Рави наложила на нее проклятье. Повинуясь голосам, которые призывали ее принести в жертву детей, Мирелла отвела Тину и Стейси в парк Саутуарк. Отправив Тину поиграть, она задушила Стейси и спрятала ее тело в листве. Затем отвела Тину домой, заскочив по дороге за сладостями. Тина не переставала спрашивать, куда делась Стейси, и, когда они вернулись в квартиру, Мирелла Бричок задушила дочь электропроводом.

Мирелле предъявили обвинения в двойном убийстве и вернули под стражу ждать суда. Опустошенного Рави, который не знал о прошлом жены и, казалось, был искренне шокирован, отпустили, поместив под защиту полиции. Ради собственной безопасности ему даже пришлось переехать в другой регион страны.

*** * ***

Расовая напряженность в округе отказывалась идти на спад, обостряемая насилием полиции и проверками по расовому признаку. Не считая злоупотребления законами о задержании и обыске – в

основном останавливали тех, кто не был белым, – я лично слышал, как полицейские хвалятся друг другу избиением подозреваемых: они по-настоящему гордились тем, что были одинаково жестоки к людям всех цветов и убеждений. Сбоку полицейского фургона под официальным логотипом «Секьюрикор[30] заботится» кто-то нацарапал: «Подразделению Д[31] насрать». По их словам, такой подход делал свое дело. Преступники со всей округи знали, что им следует проворачивать свои грязные дела где-то в другом месте, иначе их и дальше будут избивать. Разумеется, нет никаких официальных данных, которые могли бы это подтвердить.

> Я слышал, как полицейские хвалятся друг другу избиением подозреваемых: они по-настоящему гордились тем, что были одинаково жестоки к людям всех цветов и убеждений.

Примерно через две недели после ареста Мирелла однажды вечером я вышел с работы, чтобы немного прогуляться, но, придя в парк, обнаружил множество полицейских на конях – шестьдесят в общей сложности. Брикстон снова охватили протесты, превратив улицы в район боевых действий, и спустя четыре дня полицию это достало. Я узнал одного из детективов и поинтересовался у него, что происходит. «Конная полиция готовится избивать протестующих дубинками», – объяснил он. Поблагодарив детектива, я поспешил прочь, отправившись обратно на работу. Предстояла настоящая кровавая бойня. Вернувшись в морг, я принялся проверять нашу готовность к работе, поскольку боялся, что вскоре к нам может поступить ряд тел молодых чернокожих мужчин, жертв полиции, которой дали свободу действий для восстановления порядка.

Протесты начались после того, как уголовная полиция устроила ранним утром облаву на одну из квартир в Брикстоне. Их интересовал подозреваемый по имени Майкл Грос, который ранее наставил пистолет на одного из полицейских. Облава проводилась под руководством инспектора Дугласа Лавлока, офицера с правом на ношение оружия. В то время такое право было лишь примерно у трех тысяч служащих лондонской полиции. Когда Лавлока судили, он сказал, что просто увидел, как к нему «направляется какая-то тень… И

разрядил в нее всю обойму». Он выстрелил в Черри Грос, мать Майкла, когда та лежала в кровати, из-за чего ее парализовало ниже пояса. С Лавлока были сняты все обвинения. Майкл, который к тому времени прятался в квартире сестры, узнал о случившемся лишь несколько дней спустя, увидев новостной сюжет по телевизору. Он сразу же сдался полиции.

После того как была подстрелена Черри Грос, вокруг дома Грос собралась разъяренная толпа и направилась оттуда в Брикстон. К вечеру поднялся бунт. Газета Sunday Telegraph отправила двадцатидевятилетнего Дэвида Ходжа осветить ситуацию. Это было первое задание, которая газета дала этому фотографу-фрилансеру, специализировавшемуся на научной фотографии. Желая расширить опыт, он прикрепил свою визитную карточку к стене рядом с отделом иллюстраций в офисе газеты. В случае серьезных происшествий, для которых требовались дополнительные фотографы, фоторедакторы связывались с людьми, оставившими свои визитки.

Чувство улицы было превыше всего. Журналисты и фотографы виляли между рядами протестующих и полицейских с надеждой, что адреналин и дальше будет подавлять страх. Ходж сделал снимки молодежи, пытающейся вломиться в ювелирные магазины в Reliance Arcade на Брикстон-Роуд. Когда он подошел ближе, на него накинулись и избили как минимум восемь человек, а фотоаппарат украли. Прохожие спасли его и отвезли в больницу Королевского колледжа. Через двое суток фотографа выписали, однако, прибыв в морг десять дней спустя, я обнаружил его тело на столе для вскрытия.

Причиной смерти оказался сгусток крови, образовавшийся в результате полученных травм. Последовавший суд над восемнадцатилетним охранником по имени Эрой Палмер так ничем и не закончился, так как присяжные не смогли согласовать между собой вердикт. Второй судебный процесс также не увенчался успехом, и Палмер перебрался в Австралию. Ходж прошел медицинскую подготовку, и особый интерес у него вызывала пересадка сердца. Он стал донором сердца для одного врача, прожившего с ним еще десять лет. Его родные и близкие основали премию имени Дэвида Ходжа для фотожурналистов младше тридцати, спонсором которой в настоящий момент выступает британская газета Observer.

Массовые беспорядки 1985 года, случившиеся в период гражданских волнений и сразу же после забастовки горнорабочих, привели к пробуждению у британских бедняков политических интересов, к национальному недовольству работой полиции, а также к ужесточению позиции Маргарет Тэтчер. После случая с ранением Черри Грос политика в отношении огнестрельного оружия в полиции была пересмотрена, в результате чего детективам уголовного розыска запретили его носить.

> Женщину, виновную в убийстве двух маленьких девочек, одна из которых была ее дочерью, приговорили сразу к двум пожизненным срокам заключения.

Все это нисколько не помогло снижению расовой напряженности. Несколько месяцев спустя, когда состоялся суд над Мирелой в Центральном уголовном суде Лондона, кто-то нацарапал мелом на одной из колонн у его входа: «Сжечь черную суку».

Перед присяжными стояла задача определить, намеревалась ли Мирелла убить детей, и если намеревалась, то была ли она в тот момент подвержена какому-то расстройству психики, которое снижало ее ответственность за содеянное. Не было никаких сомнений в том, что Мирелла, которая теперь лечилась от психиатрических проблем, сожалела о сделанном. Выступая в суде, она сказала: «Я очень сильно любила ее (Тину). Теперь у меня нет детей. Я даже не хочу больше жить. Для меня это настоящий кошмар. Мне не верится, что ее нет рядом со мной и никогда больше не будет. Я закрываю глаза и вижу их обеих в белых кружевах. Два маленьких ангела, улыбающихся вместе со мной. Без Тины мне теперь очень тяжело. Это два креста, которые мне приходится теперь нести. Тина навсегда останется в моем сердце вплоть до того дня, когда мы встретимся на небесах».

Отказавшись считать ее невменяемой, присяжные признали Мирелу виновной в убийстве, и судья дал ей два пожизненных срока.

Тело пропавшего мальчика Барри Левиса было обнаружено год спустя в лесу Эппинг: он стал жертвой банды педофилов. В конечном счете двоих мужчин признали виновными в его убийстве. Одного из них убили в тюрьме, а второго застрелили на пороге дома вскоре после освобождения.

Был среди всего этого, однако, и лучик надежды, о котором я неожиданно для себя узнал месяцы спустя от Венди. Вернувшись домой вечером после очередной длинной смены, она налила нам по большому бокалу вина.

– Знаешь, что я сегодня сделала? – спросила она. Я покачал головой и пожал плечами.

– Я помогла матери Стейси родить совершенно здорового ребенка.

12. Короткие Ножки

Сентябрь 1985 года

Поздним вечером я сидел за столом в своем кабинете, как вдруг зазвонил телефон. На проводе был очень взволнованный ритуальный агент, и после того как я попросил его сбавить скорость и повторить сказанное, до меня дошло, что мы допустили страшную ошибку.

Этому ритуальному агенту по имени Генри было за шестьдесят, и похоронным бизнесом он занимался больше тридцати лет. Он был невысоким жизнерадостным мужчиной, у которого всегда всегда находилось время поболтать и который всегда демонстрировал чрезвычайную заботу и профессионализм. Я бы хотел, чтобы моими похоронами занимался именно такой человек.

Несколькими днями ранее мы передали Генри тело мужчины семидесяти девяти лет. Родные покойного выразили желание кремировать его в крематории Хонор Оак – здании с умиротворяющей атмосферой, известном своим великолепным витражным окном. Ожидалось, что на церемонии будут присутствовать сорок человек.

– Сегодня должна была состояться кремация, – сообщил он мне.

– Должна была?

– Все было нормально, пока гроб не попал в печь. Примерно минуту спустя послышался удар, потом еще один, а потом последовал сильнейший взрыв!

Часовню наполнил дым, и присутствующие в панике устремились к выходу. Одного из работников с небольшими травмами увезла скорая, в то время как еще двоим потребовалось лечение от шока. После эвакуации прибыли пожарные. Потушив огонь, они обнаружили, что взорвалось наполовину сожженное тело. В ходе дальнейшего осмотра были обнаружены детали кардиостимулятора, послужившего причиной взрыва. Это, в свою очередь, породило панику, так как совсем недавно было представлено новое поколение кардиостимуляторов на атомной энергии с броским названием «Кардиостимулятор с радиоизотопным термоэлектрическим генератором» (RTGP). Хотя такой срок службы и вряд ли кому-то

понадобится, утверждалось, что эти работающие на плутонии кардиостимуляторы могли прослужить не менее тысячи лет. Такая бесперебойная работа должна была избавить пациентов от повторных хирургических вмешательств и сократить Национальной службе здравоохранения расходы на замену аккумулятора.

Плутоний – одно из опаснейших веществ в мире, так что эти кардиостимуляторы были покрыты многочисленными слоями защиты, гарантирующими нулевую утечку радиации. Его корпус должен был выдержать даже выстрел в упор. Вместе с тем никто не подозревал, какую угрозу они могли представлять при взрыве, подобном случившемуся.

– Поскольку никто не знал, какой именно у него был кардиостимулятор, воспользовались счетчиком Гейгера, – продолжил Генри. – Настоящий ад начался, когда эта штука начала вовсю трещать. Пожарные принялись оттеснять людей, после чего директор крематория признался, что годом ранее ему установили такой ядерный кардиостимулятор! На него счетчик Гейгера и реагировал! Слава богу, у покойного был кардиостимулятор старого образца.

> В 1980-х в крематориях стали использовать металлоискатели, чтобы обнаруживать в телах кардиостимуляторы. Если их не извлечь, при нагревании может произойти серьезный взрыв.

В ходе расследования пожара в стене крематория было обнаружено отверстие толщиной с палец и чуть больше сантиметра глубиной. Среди останков нашли пять дисков, короткий кусок провода и металлическую пластину. Было установлено, что устройство представляло собой кардиостимулятор с аккумулятором из цинка и оксида ртути. Взрыв произошел в результате стремительного образования водорода, который прорвал корпус. Крематорий был закрыт как минимум на неделю, но, к счастью, осколки не повредили витражное окно.

– Самое же забавное заключается в том, – сказал Генри, – что когда я пришел извиняться к вдове покойного, милейшей старушке, она отмахнулась от моих извинений и, улыбнувшись, сказала: «Все в

порядке. Мой Джеральд всегда говорил, что хочет уйти из жизни эффектно».

Вскрытие проводил профессор Мант, но никто из нас не заметил кардиостимулятор. Как потом выяснилось, в этом не было ничего необычного. Кардиостимуляторы способны перемещаться внутри тела. В одном из докладов на эту тему под названием «Смещение кардиостимуляторов» рассказывается про врача, обнаружившего застрявший глубоко в грудных мышцах кардиостимулятор примерно в десяти сантиметрах от места, где он должен был находиться. Было предложено использовать в крематориях металлоискатели, чтобы избежать в будущем подобных взрывов, которых, как мы с удивлением узнали, произошло уже немало.

Такие взрывы происходят и по сей день. В ходе проведенного в 2012 году исследования с участием семидесяти одного английского крематория, которые сообщали о взрывах кардиостимулятора за последний год, было установлено, что тридцать процентов из них понесли значительный ущерб. В трех процентах случаев крематорий и вовсе не подлежал восстановлению.

Вскоре после нашего случая в форму сертификата на кремацию, заполняемого врачом перед ее проведением, были добавлены два вопроса: а) был ли установлен покойному кардиостимулятор и/или какой-либо радиоактивный материал? (Да/нет); б) если ответ «Да», были ли они извлечены? (Да/нет).

Думаю, вы будете рады узнать, что современные технологии привели к созданию кардиостимуляторов без радиоактивного материала, так что риск появления ядерного гриба над вашим местным крематорием сегодня крайне невелик. С другой стороны, хотя случаев кремации людей с ядерными кардиостимуляторами пока что не было, на земле по сей день разгуливают немногочисленные люди, у которых установлены именно такие.

*** * ***

Стоило мне повесить трубку после разговора с Генри, как телефон зазвонил снова. В секционной меня ожидала жертва убийства. Профессор Джонсон был уже на месте – этот извечный комок бешеной

энергии нетерпеливо ждал моего появления. Вместе с ним был один незнакомый мне детектив, крупный мужчина в длинном плаще, который курил сигарету Superkings. Загородив собой двух коллег, он сделал шаг вперед, протянул огромную руку и представился инспектором уголовной полиции О’Коннором из отдела в Ламбете.

Тело на столе для вскрытия принадлежало мужчине средних лет, ростом не больше полутора метров. На нем не было одежды, и он явно получил серьезнейшую травму головы. Взглянув на тело в процессе подготовки, я увидел в волосах кусочки мозгового вещества.

– Застрелили в упор, – сказал инспектор О’Коннор, – когда он лежал голым у себя в кровати, примерно в полночь прошлой ночью. Брайан «Коротконожка» Клиффорд, сорок четыре года. Если кого-то и можно называть отъявленным злодеем, то его.

В моей практике это был первый случай убийства преступника, что было довольно странно с учетом того, что в 1980-х Южный Лондон был рассадником преступности: тут повсюду жили грабители банков, воры, скупщики краденого, мошенники и торговцы наркотиками, большинство из которых не гнушались выпустить лишнюю пулю, а то и десяток, если считали, что это пойдет на пользу их делу.

– Находящийся перед нами мистер Клиффорд, – продолжил О’Коннор, в то время как профессор Джонсон сделал первый разрез, – был по уши в криминале. Он заведовал несколькими ночным клубами в Уэст-Энде, однако они были лишь прикрытием; он покупал и продавал краденое по-крупному: все, от телевизоров до драгоценностей. Руки испачкать он тоже не боялся: в 1979 году он дважды выстрелил в голову гангстеру по имени Джонни Манган. Тот выжил, и Коротконожке предъявили обвинение в попытке убийства, однако хитрый маленький засранец смог избежать наказания из-за некоторых формальностей.

– Что это были за формальности? – поинтересовался я.

– Чертовски дорогой адвокат.

Пока мы с профессором Джонсоном делали свое дело, О’Коннор продолжал потчевать нас историями про преступную жизнь Коротконожки, включая случай, когда он отправился в Швейцарию с тысячами фальшивых долларов, которые успешно обменял на настоящие британские фунты в международном банке. Его также

хорошо знал «Безумный» Фрэнки Фрейзер, закоренелый преступник, начавший свою карьеру, грабя дома людей, пока те прятались от немецких бомбежек во время Второй мировой. Позже он прославился тем, что пытал других гангстеров, вырывая у них зубы ржавыми клещами. Неудивительно, что к концу своей карьеры Безумный Фрэнки провел в тюрьме в общей сложности сорок три года, заработав свое прозвище после того, как напал на начальника тюрьмы и его отправили в лечебницу Бродмур. По словам Безумного Фрэнки, он частенько сбывал краденое Клиффорду Коротконожке.

Подобно Безумному Фрэнки, у Коротконожки, симпатичного мужчины с волнистыми черными волосами, был взрывной характер, и он наслаждался насилием. Никто не осмеливался даже заикнуться по поводу его роста. Он был настолько низким, что ему приходилось крепить к подошвам деревянные бруски, чтобы доставать до педалей своего «Роллс-Ройса».

Коротконожка жил вместе с женой и сыном в огромном доме в викторианском стиле на Кеннингтон-Роуд. Поговаривали, он был не самым лучшим на свете отцом, и после его убийства 16-летний сын Берни первым делом позаботился о том, чтобы забрать из спальни отца пару ботинок от Пьера Кардена. Берни, унаследовавший от отца небольшой рост, впоследствии стал легендарным управляющим знаменитым клубом Groucho Club, и даже Стивен Фрай прозвал его Принцем Сохо, однако в 2017 году он внезапно скончался в возрасте всего 49 лет.

Как-то раз Берни описал своего отца как «настоящего злодея с большим влиянием в Южном Лондоне», и эти слова были подтверждены детективами, занимающимися его делом: ходили слухи, будто он в определенной степени был замешан в событиях, последовавших за самым громким ограблением того десятилетия.

Всем, кто хотел совершить вооруженное ограбление или взять напрокат оружие, или нанять человека «выполнить работу», с 1970-е по 1980-е годы нужно было обращаться в таверну «Даунхэм» на Даунхэм-Вэй рядом с Олд-Кент-Роуд. Осенью 1983 года по бару разнеслось предложение о работе, которая навсегда изменила Южный Лондон. Юный отморозок Мики Макэвой, промышлявший грабежами банков, искал крепких ребят, чтобы обчистить хранилище Brink’s-Mat в Хитроу. Недостатка в желающих стать его сообщниками не было, и

среди них оказался Брайан Робинсон – пожилой банковский налетчик со связями.

Несколько недель спустя, в 6:40 утра 26 ноября 1983 года, шесть вооруженных мужчин вломились в хранилище, быстро отключили замысловатую охранную систему, связали охранников, облили их бензином и принялись угрожать поджечь, если те не скажут комбинацию от огромного сейфа.

> В 1985 году грабители забрали из британского банка 6800 золотых слитков. Это была крупнейшая кража. Из-за нее началась паника, и стоимость украденного золота выросла на один миллион.

Макэвой рассчитывал, что внутри окажутся три миллиона фунтов наличными, однако сейф оказался до отказа забит золотом. Грабители забрали 6800 золотых слитков общей стоимостью двадцать шесть миллионов долларов. Это была крупнейшая в истории Англии кража. Когда о случившемся узнали на рынке, началась паника, и стоимость украденного золота выросла еще на один миллион.

Через пятнадцать дней после ограбления, 11 декабря, по Хаттон Гарден – бесспорному центру торговли золотом и алмазами в Англии – прогуливался мужчина под сорок, который в итоге зашел в дом под номером восемь, где располагался офис компании Charles Cooper Ltd. Этот мужчина, говоривший с сильным акцентом кокни, сообщил, что ему нужна плавильная печь для золота. Ему пообещали достать агрегат, способный плавить по тридцать шесть килограммов золота зараз. «Это будет как раз», – ответил мужчина. Он хотел забрать печь сразу же, однако это было невозможно – она шла под заказ.

После ухода мужчины управляющий магазином, подозревая очевидное, позвонил в мобильный отряд (специальное подразделение, существующее только в Лондоне, которое занимается вооруженными и невооруженными ограблениями) и позже среди предоставленных полицией снимков выбрал фотографию Макэвоя. Это была первая настоящая зацепка мобильного отряда. Детективы начали следить за Макэвоем, а затем и за Робинсоном – оба сменили свои муниципальные квартиры на огромные дома в графстве Кент, за

которые рассчитались наличными. Кроме того, Макэвой приобрел двух ротвейлеров, которых назвал Бринксом и Мэтом[32].

Затем детективы выяснили, что наводчиком был охранник по имени Тони Блэк. Блэк во всем признался и на опознании ткнул пальцем на Макэвоя, за что тот ударил его головой (это было до того, как опознания стали проводить, усадив свидетеля и подозреваемого по разные стороны одностороннего зеркала). Макэвою и Робинсону в итоге дали по двадцать пять лет. Золото найти оказалось гораздо сложнее. Лишь шестнадцать из двадцати шести миллионов удалось вернуть.

После ареста Мики Макэвой попросил своих друзей и подельников, Брайана Перри и Джорджа Фрэнсиса, присмотреть за своей долей, чтобы заполучить ее после выхода на свободу.

Перри ответил на это: «Когда тебя закроют в камере, что ты сможешь предложить?», подразумевая, что ни он, ни Фрэнсис не собирались никому давать деньги, чтобы помочь Макэвою выбраться из заключения.

Макэвой написал Перри письмо: «Ты подписал свой смертный приговор. Я не собираюсь просрать все свои деньги и при этом еще и отбыть весь срок здесь. Передай горячий привет своей семье, приятель. Не хворай. Всего хорошего, Мики».

Брайан Перри проигнорировал эту угрозу и открыл успешный строительный бизнес, вложив часть заработанных денег в дешевый пустырь в районе старых доков. Несколько лет спустя, в 1988 году, постройка Канэри-Уорф[33] сделала его мультимиллионером.

Тем временем полиция активно занималась розыском украденного золота, и у нее были подозрения, что часть его прошла через руки Брайана «Коротконожку» Клиффорда, развитой контрабандной сети которого не было равных.

Все это нас возвращает к проклятью Brink’s-Mat. С момента ограбления убили девятерых человек, которые были в нем замешаны, не считая Коротконожки.

Брайану Перри трижды выстрелили в затылок, в то время как мечту Джорджа Фрэнсиса, однажды сказавшего: «Я скорее предпочту быструю смерть от пули, чем медленное угасание в каком-нибудь пропахшем капустой доме престарелых», исполнили двое стрелков,

четыре раза выстреливших в него, когда тот открывал дверь своего «Ровера».

По сей день более десяти миллионов из украденных в 1983 году денег так и не удалось отыскать.

В своих мемуарах Безумный Фрэнк написал, что все в Южном Лондоне, кроме самого Коротконожки, знали: его очередь не за горами. И это подводит нас к воистину таинственным обстоятельствам его смерти.

Чтобы помочь профессорам и себе визуализировать место преступления и понять последовательность произошедших событий – и, следовательно, то, как именно произошло убийство, – я зачастую делаю набросок места преступления по описанию детектива. В этот раз он вызывал больше вопросов, чем ответов.

Как объяснил инспектор О’Коннор, около полуночи Коротконожка крепко спал у себя в кровати. Его жена вместе с парой приятелей выпивала на первом этаже, когда позвонили в дверь. Миссис Клиффорд открыла дверь и увидела перед собой мужчину в балаклаве с дробовиком в руках. Оттолкнув ее в сторону, он поднялся наверх и застрелил Клиффорда в затылок, после чего стремительно сбежал вниз по лестнице и скрылся в ночи.

Я сделал набросок места преступления, вычерчивая маршрут, проделанный убийцей в доме, и у меня возник один вопрос. Откуда убийца мог знать, где именно искать Коротконожку? Должно быть, он знал, что тот спит в своей спальне. Кто же ему об этом рассказал?

А затем мы узнали, что последние две недели полиция вела круглосуточную слежку за домом Клиффорда. В ночь его убийства полиции впервые за 14 дней не было на посту.

По сей день более десяти миллионов из украденных денег так и не удалось отыскать. За убийство Коротконожки так никого и не осудили. Причина его смерти не вызывала у нас никаких сомнений, однако для Скотланд-Ярда она стала еще лишь одним кусочком пазла Brink’s-Mat.

13. Стоквеллский душитель

Июнь 1986 года

3:00, 27 июня 1986 года

Жара, охватившая Лондон в последний месяц, была безжалостной, и по ночам температура редко опускалась ниже двадцати пяти градусов. Фред Прентис семидесяти трех лет ворочался в своей кровати, пытаясь уснуть, когда услышал в коридоре снаружи чьи-то шаги. Фред, невысокий жилистый мужчина, который ходил при помощи двух тростей, жил на первом этаже дома престарелых Бродмид на Сидар-Роуд, Клэпхем. Окно в его комнате выходило во внутренний двор, так что он без задней мысли оставлял его открытым. Кроме того, в доме престарелых круглосуточно трудился персонал. Повернув голову, мужчина увидел через матовое стекло двери прошмыгнувшую мимо тень, которая мгновение спустя вернулась и замерла. Он приподнялся. Дверь в его комнату начала открываться.

Фигура зашла в комнату. Фред потянулся, чтобы включить прикроватную лампу, но фигура запрыгнула на кровать, схватила его за плечи и с силой повалила на спину. Фред пытался закричать, но напавший зажал ему рукой рот и надавил коленями на грудь. С округлившимися от ужаса глазами Фред смотрел в скалящееся лицо молодого человека с темными волосами. Он приставил палец к губам, давая Фреду понять, чтобы тот вел себя тихо, а затем схватил его за горло. Фред дернулся и попытался заорать, но вскоре у него закружилась голова, после чего напавший ослабил хватку, растягивая свое удовольствие, в то время как Фред жадно хватал воздух ртом. Всматриваясь в глаза Фреда, человек снова и снова тихо повторял: «Убить, убить, убить». У Фреда, однако, еще остались силы, и, когда мужчина в очередной раз ослабил хватку, он резко извернулся и выставил вперед руку – на этот раз ему повезло попасть по тревожной копке прямо над головой. Шума сигнала тревоги и пронзительного звона телефона, предупреждающего смотрителя о возможном сердечном приступе, оказалось достаточно, чтобы спугнуть напавшего, который перед уходом схватил Фреда и швырнул о стену.

Всматриваясь в глаза жертвы, нападавший снова и снова тихо повторял: «Убить, убить, убить».

9:00, 28 июня 1986 года

Секционная со своими толстыми стенами и каменным полом была одним из немногих мест в Лондоне, где сохранялась приятная прохлада, по крайней мере, на какую-то часть дня. Профессор Хью Джонсон, облаченный в зеленый медицинский костюм, натягивал хирургические перчатки. Главный суперинтендант Грэм Мелвин, высокий мужчина с довольно заурядной внешностью, настоящий детектив старой школы, лишенный каких-либо эмоций, смотрел на два хрупких тела, лежащих перед ним на столах для вскрытия. В комнате присутствовали еще два безымянных детектива в простых повседневных костюмах, оба курили.

– Валентин Глейм, восемьдесят четыре года, бывший офицер британской армии, – тихо сказал Мелвин, показывая на тело слева, – и Збигнев Страбава, девяноста четырех лет, уроженец Польши.

Лежа на блестящих столах, они выглядели невероятно крошечными и хрупкими, особенно на фоне стоящих вокруг высоких мужчин.

– Они были соседями в доме престарелых, – продолжил Мелвин. Пэт принялся расставлять ведра на столах для вскрытия, в то время как я причесал жидкие волосы стариков, сделав обоим центральный пробор, чтобы подготовить к процедуре. – Дом Сомервилла Гастингса на Стоквелл Парк Кресент.

Я не мог не заметить, как один из детективов вздрогнул, когда мой скальпель проткнул кожу на черепе. Профессор Джонсон наклонился вперед, всматриваясь в синяки на груди у обоих мужчин, – он уже вовсю сканировал их тела своими проницательными глазами.

– Они жили в соседних комнатах и были лучшими друзьями. Обоих нашли в своих кроватях. Убийца проник внутрь через открытое окно. Медсестрам, дежурившим ночью, почудилось неладное около четырех утра, когда они услышали, как кто-то пользуется электробритвой, и увидели тень злоумышленника в коридоре. Они вызвали полицию, но к моменту ее приезда мужчины уже и след простыл.

– При чем тут электробритва? – спросил я. Посмотрев на меня, Мелвин пожал плечами и без каких-либо эмоций ответил:

– Потому что убийце нужно было побриться. Он еще и умылся. На раковине в ванной Страбавы нашли недавно использованное полотенце.

– У нас есть свидетель, – добавил он. – Убийца пытался проделать то же самое предыдущей ночью, однако жертва Фред Прентис смог нажать на тревожную кнопку. Описание мужчины, данное мистером Прентисом, совпадает с тем, что предоставили медсестры из Дома Сомервилла, хотя информации и не так много: двадцать с чем-то лет, темные волосы.

> Случаи убийства удушением довольно редки: это неэффективный и долгий способ, поэтому в процессе из-за всплеска адреналина жертва даже может дать отпор.

Мельком осмотрев рассеченную голову, профессор Джонсон приступил к полноценному вскрытию, начав с внешнего осмотра.

– Во всех случаях сдавливания шеи имеются характерные посмертные признаки, – сказал он, показав на точечные кровоизлияния: крошечные темные пятна размером с булавочную головку, которые, как правило, удается обнаружить за ушами, и обычный человек запросто может упустить их из виду. Продолжив вскрытие, профессор Джонсон указал на поломанную подъязычную кость у обоих тел. Подъязычная кость маленького размера и по форме напоминает стремя с двумя выступами, расположенными под нижней челюстью. Когда человека хватают за шею достаточно сильно, чтобы задушить, эти выступы неизбежно ломаются, позволяя поставить окончательный диагноз. По мере вскрытия мы выяснили – благодаря разрывам ануса, из которого извлекли образцы спермы, – что Глейм подвергся еще и сексуальному насилию.

– Большинство ребер у них сломаны, – отметил профессор Джонсон. – Скорее всего, убийца напал, когда они спали. Он встал на колени у них на груди, а по синякам вокруг рта я бы сказал, что он зажал им рот левой рукой, а в это время душил правой. Должно быть, они теряли сознание в течение тридцати секунд, а через две – три минуты умирали.

– Колотые раны и удары тупыми предметами я вижу каждую неделю, – продолжил профессор Джонсон, снимая хирургические перчатки. – Случаи удушения мне попадаются, может, раз в пять лет. Это неэффективный способ убийства. Занимает много времени, а когда человек начинает бороться за жизнь, у него порой происходит огромный прилив сил.

Профессор Джонсон замолчал на мгновение, бросив на меня взгляд, и по его глазам я уже знал, что он скажет дальше.

– И мы видели другой случай удушения пожилого человека всего две недели назад.

*** * ***

9 июля пара детективов прибыла в морг Саутуарка с обнаженным телом Джанет Кокетт шестидесяти семи лет. Недавно разведенная, Джанет была председателем своего жилищного товарищества. Кроме того, ее любили соседи, и, судя по рассказам, она вела очень активную жизнь. У нее было четверо детей от трех браков, а еще куча внуков. Она жила в квартире на первом этаже в Уорик-Хаус, малоэтажном муниципальном многоквартирном доме в Овертон-Роуд Эстейт, в Стоквелле.

– С первого взгляда все выглядело совершенно нормально, – сказал один из детективов. – Она лежала в кровати с натянутой до подбородка простыней. Но у миссис Кокетт в комнате были десятки рамок с фотографиями ее детей, внуков и мужей, – продолжил он. – Все они были отвернуты к стене либо уложены стеклом вниз. Ее ночная рубашка была аккуратно сложена на стуле рядом с кроватью. Подняв ее, я увидел, что она разорвана: очевидно, она была сорвана с ее тела.

Мне было ясно, что Джанет перенесла насильственную смерть. На ее груди и животе был ряд синяков. Наклонившись ближе, я смог разглядеть следы на горле и крошечные кровоподтеки за ушами – там, где убийца сдавливал кончиками пальцев ее кожу. Профессор Джонсон указал на эти травмы фотографу, а затем, когда мы водрузили ее на стол, сделал Y-образный разрез и отогнул мягкие ткани ее груди, обнажив сломанные ребра. Профессор продолжил разрезать мышцы и

другие ткани, а когда подобрался к лицу Джанет, подозвал фотографа, чтобы тот сделал еще один снимок.

– Поломанная подъязычная кость, – сообщил он, и Пэт сделал соответствующую пометку в отчете о вскрытии.

*** * ***

Услышав об этом, Мелвин молча кивнул, бросил взгляд на двух детективов, а затем сказал:

– Да, был еще один случай. Два месяца назад, в апреле. К вам она не попадала, так как ей занимались в Уондсуэрте. Бывшая школьная учительница Нэнси Эммс, семьдесят восемь лет. Никогда не была замужем. Жила одна в захудалой подвальной квартирке. Страдала от легкой деменции. Приходящая домработница нашла Нэнси мертвой в своей кровати с покрывалом, подоткнутым под подбородок. Казалось, Нэнси просто умерла во сне, и ее врачи зафиксировали естественную смерть. Затем, однако, было замечено, что из комнаты Нэнси пропал переносной телевизор. Признаки взлома отсутствовали, но окно было открыто. Она была задушена и подверглась сексуальному насилию.

– Есть какие-то улики по какому-нибудь из дел? – поинтересовался я.

– Волос на кровати Эммс и отпечаток ладони на окне Кокетт.

> Большинство жертв знают своих убийц – это один из факторов возникновения мотива.

На поиски совпадений по отпечаткам пальцев – если таковые вообще были – могло уйти очень много времени, так как сравнивать с базой из четырех миллионов отпечатков тогда приходилось вручную. Компьютеризация должна была начаться лишь в следующем году, так что отпечатки, как правило, оказывались полезными лишь после поимки подозреваемого. Как по мне, так даже с моим ограниченным опытом (и у меня никогда и в мыслях не было указывать детективам, как делать их работу, – во всяком случае, пока я намеревался сохранить свою) было очевидно, что мы имеем дело с серийным убийцей. Я знал, что убийства незнакомцев случаются крайне редко (большинство

жертв знают своих убийц), а что касается конкретного способа, то удушение, особенно голыми руками, случалось и того реже. Вероятность того, чтобы два разных человека убили двух пенсионеров, живших всего в пяти километрах друг от друга, примерно в одно и то же время ночью, одним и тем же способом, да еще и с сексуальным элементом (Джанет не была изнасилована, но с нее сняли ночную рубашку), была и правда запредельно мала. Теперь, когда у нас были и эти двое несчастных стариков, сомнений оставаться не могло.

Четыре случая удушения пожилых людей всего за одиннадцать недель с сокращающимся промежутком времени между нападениями. Это могло означать только одно – скоро он снова даст о себе знать, и жаркая погода предоставит ему достаточно возможностей.

– Ни слова прессе, – велел Мелвин. – Вскоре мы сделаем заявление, но пока постараемся не предавать это огласке, чтобы не спугнуть убийцу на другой конец страны.

К счастью для Мелвина, прессе тем летом и без того хватало громких новостей: похищения детей в Саффолке, чернобыльскую катастрофу и свадьбу принца Эндрю и Сары Фергюсон разделяли считаные недели.

Пока мы с Пэтом спорили по поводу того, насколько было бы полезно уведомить общественность, десятки полицейских в штатском были размещены в домах престарелых по всему Южному Лондону, и мы стали готовиться к поступлению следующей жертвы. Долго ждать не пришлось.

20 июля я смотрел на хрупкое тело лежащего передо мной очередного пенсионера. Душитель вернулся в Овертон Эстейт, где прежде убил Джанет Кокетт. На этот раз жертвой снова стал мужчина: Уильям Даунс, семидесяти четырех лет, который, по словам его соседей, был нелюдим и редко покидал свою квартиру-студию в малоэтажном доме. Его обнаружил сын: «Я говорил ему, предупреждал, чтобы он держал дверь и окна закрытыми, особенно по ночам, но было жарко, и, думаю, он оставил одно окно слегка приоткрытым, чтобы был доступ свежего воздуха».

Мелвин снова присоединился к нам в секционной, и когда профессор Джонсон подтвердил, что Даунс был задушен, вздохнул и направился к выходу:

– Сегодня вечером я поговорю с прессой, так что подготовьтесь к осаде. Не говорите с ними и не пускайте в морг никого, кто здесь не работает, ладно?

В газетах уже начали появляться различные статьи, в которых говорилось про Стоквеллского душителя, так как все убийства, кроме двух, произошли в этом районе. Мелвин устроил пресс-конференцию.

– Нам известно, что убийца нападает между часом и тремя ночи в малоэтажных многоквартирных домах, где живут пожилые люди.

– У вас есть подозреваемый? – спросил один из журналистов.

– Мы изучаем ряд зацепок и в настоящий момент разыскиваем молодого белого мужчину с короткими темными волосами и загорелым лицом, живущего в районе Стоквелл.

– Значит, у вас почти ничего нет!

Среди других зацепок, расследуемых полицией, была вероятность того, что душитель работал в этом районе почтальоном или разносчиком молока; что он был опытным взломщиком (хоть и со слабыми познаниями в криминалистике, так как в квартире Даунса были обнаружены еще два отпечатка ладони, совпавшие с теми, что удалось найти на месте первого убийства), у которого уже могли быть судимости. Поиск совпадений продолжался. Также рассматривалась вероятность того, что убийца мог состоять на учете в психиатрическом отделении и страдал редким расстройством под названием «геронтофилия» (сексуальное влечение к пожилым людям), и что поиск по медицинским картам может помочь установить его личность.

К делу подключили психолога, чтобы тот попытался составить психологический портрет убийцы. Он предположил, что убийства были проявлением любви, исходя из того, как именно напавший занимался сексом со своими жертвами и размещал их тела. Не считая того факта, что он с большой вероятностью находился на учете, и настораживающие признаки его поведения наблюдались месяцами, если не годами перед первым убийством, у полиции все равно было предельно мало информации для поисков.

Пенсионеры по понятным причинам были в ужасе, частично благодаря газете The Sun, описавшей «безликого монстра» и разместив на своих страницах лицо убийцы «в представлении художника». Благотворительная организация «Поможем пожилым» размещала рекламные объявления, в которых предлагала различные советы, а

также открыла горячую линию, в то время как детективы патрулировали улицы. Душитель был классическим серийным убийцей. Убийства происходили все чаще. У него был свой ритуал. Он выбирал жертв определенного типа.

> Специалист-психолог предположил, что стоквеллский душитель убивал и насиловал пожилых людей, проявляя таким образом свою любовь к ним.

23 июля вся страна наблюдала за королевской свадьбой принца Эндрю и Сары Фергюсон. На следующее утро, пролистав несколько страниц воскресных газет, после многочисленных свадебных фотографий я увидел, что Стоквеллский душитель нанес очередной удар. На этот раз в Патни, который выходил за пределы юрисдикции моего морга. Флоренс Тисдалл, восьмидесяти трех лет, с частичной слепотой и глухотой, которая передвигалась с помощью ходунков, оставила одно из окон своей подвальной квартиры открытым, чтобы три ее кошки могли свободно покидать по ночам квартиру и возвращаться домой. Убийца изнасиловал ее и, пока душил, сломал ребра. Чего в газете не упоминали по незнанию, так это того факта, что убийца раздел Флоренс – когда он на нее напал, она была еще полностью одетой, – а прежде чем укрыть ее тело в кровати, надел на нее ночную рубашку. Другое отличие заключалось в том, что он совершил нападение в более раннее время вечером, но ему помог шум дискотеки по случаю королевской свадьбы в пабе «Восемь колоколов» прямо напротив дома жертвы.

Несколько дней спустя неутомимым работникам из отдела отпечатков пальцев удалось наконец найти совпадение: это был Кеннет Эрскин, бомж-шизофреник. Проверка отделений биржи труда показала, что Эрскин приходил за своим пособием по безработице каждый второй понедельник в Кейворт-Хаус, расположенный совсем неподалеку от морга. Местные работники называли его шептуном, потому что разговаривал он очень тихо. Как и следовало ожидать, в следующий понедельник Эрскин появился вовремя и не стал оказывать сопротивления поджидавшим его детективам.

*** * ***

Кеннет Эрскин, старший из четырех детей Маргарет и Чарльза, родился в районе Хаммерсмит 1 июля 1962 года. Его родители развелись в середине семидесятых, и к этому времени Эрскин вместе с братьями уже провел несколько месяцев в приютах или временных приемных семьях. Соседи запомнили его как жизнерадостного пухлого мальчика, который часто читал Библию и утверждал, что верит в любовь и мир. После развода родителей он стал задирой, безо всякой причины нападал на детей помладше, иногда связывал их. Эрскина исключали из одной специализированной школы за другой за различные правонарушения. Он проткнул учителю ножницами ладонь; взял в заложники медсестру отделения психиатрии, приставив ножницы к ее горлу; вытолкнул другого ученика из движущегося автобуса и почти сжег одну из своих школ. Кроме того, он пытался утопить нескольких детей во время поездки в бассейн, удерживая их головы под водой, пока не вмешался персонал. Ни наказания, ни проявления нежности не помогали: Эрскин был известен тем, что в ответ начинал тереться о человека, который проявил к нему нежность, либо и вовсе занимался мастурбацией. Дома он дал своим младшим братьям марихуану и попытался их убить. Когда Эрскину было всего шестнадцать, мать выгнала его из дома. Он ютился по разным сквотам[34] в Брикстоне и Стоквелле, где начал пить и принимать тяжелые наркотики, деньги на которые «зарабатывал» кражами со взломом. Будучи неоднократно арестованным, Эрскин попал в тюрьму для малолетних преступников Фелтем, где коротал время с карандашами и красками. Его сокамерник, взломщик Джеймс Доел, вспоминал, что на рисунках Эрскина были изображены связанные старики с кляпом во рту, с ножевыми ранами, сожженные и обезглавленные. Вопреки рекомендации врачей, Эрскин был выпущен на свободу в 1982 году и вернулся к прежней жизни. Он не обзавелся друзьями, у него не было никакой собственности, и он никогда нигде надолго не задерживался.

Во время допроса в полиции Эрскин признался в проникновении в дома пожилых людей, однако утверждал, что каждый раз после его ухода приходил кто-то еще – он-то, должно быть, и расправлялся с пенсионерами. Затем он поменял свои показания, заявив, что не помнит, чтобы кого-либо убивал, однако мог сделать это неосознанно. Гисли Гудьонссона, кавалера ордена Британской империи, профессора

судебной психологии в Институте психиатрии Королевского колледжа Лондона, попросили оценить, достаточно ли Эрскин вменяем, чтобы предстать перед судом.

> Будущий стоквеллский душитель еще с детства отличался от остальных: он проткнул учителю ножницами ладонь, вытолкнул другого ученика из движущегося автобуса и почти сжег одну из своих школ.

– Он очень плохо шел на контакт, – сообщил Гудьонссон в своем заключении. – Он отрицал, что с ним что-то не так. Я подключил его к устройству, позволяющему отслеживать потоотделение, задал ряд деликатных вопросов, и реакции его вегетативной системы дали мне понять, что он понимает достаточно, чтобы предстать перед судом.

(Эрскина приговорили к пожизненному заключению в психиатрической лечебнице, но в 2009 году его врачи из Бродмура подали апелляцию, чтобы приговор за умышленное убийство сменили на неумышленное. Апелляция была удовлетворена, и в 2016 году Эрскина перевели в лечебницу с менее строгим режимом. Теперь ему под шестьдесят лет, и его могут в любой день выпустить на свободу.)

Незамысловатая концовка поисков, которые чуть не зашли в тупик. Тем не менее, как мне предстояло вскоре узнать, история душителя была далека от завершения. Несколько дней спустя я сидел у себя в кабинете, разбирая целую гору документов и раскладывая их по папкам. Я пытался расчистить место для работы, но случайно перевернул огромную стопку бумаг. Наклонившись, чтобы их поднять, я замер на месте. Одно-единственное слово бросилось мне в глаза: удушение. Джон Джордан, пятьдесят семь лет. Обнаружен мертвым в своей квартире в Брикстоне 4 февраля. Он был моложе остальных жертв Эрскина, однако мне стало любопытно. Я решил изучить документы на предмет других случаев удушения, и вскоре они начали мне попадаться.

Среди других недавних жертв оказался Чарльз Куоррелл, семидесяти трех лет, задушенный у себя дома в Саутуарке 6 мая, а также Уилфред Паркс, задушенный в своей спальне в Стоквелл-Парк Эстейт 28 мая. Хоть эти убийства и произошли на нашем участке, дела передали в другие морги, поскольку в те дни мы были перегружены. С

этими убийствами, а также подозрением на убийство семидесятипятилетнего Тревора Томаса, чье тело было обнаружено в сильно разложенном состоянии у него дома в Клэпхеме 12 июля, количество жертв душителя увеличивалось до одиннадцати. Возможно, эти дела были по-тихому закрыты, так как полиция была уверена, что нашла убийцу. Меня до сих пор преследуют мысли о том, что у душителя могли быть и другие жертвы за пределами Саутуарка.

14. Уборка

Июль – сентябрь 1986 года

Я пришел на работу немного встревоженным – в голове без конца крутились мысли о других возможных жертвах Стоквеллского душителя. Тем не менее стоило мне зайти в секционную, как я сразу же обо всем позабыл, увидев наше последнее поступление: скелет, который изучал профессор Джонсон.

– Такое у нас нечасто увидишь, – сказал я, нагнувшись, чтобы лучше рассмотреть. – Он даже не выглядит особо старым.

– Так и есть, – ответил профессор Джонсон. Он улыбался, что было для него необычно, тем более рано утром. – Кто-то нашел его в глубине автомобильной парковки Национального театра. Наверное, какой-то бродяга.

Он хихикал себе под нос, осматривая тело.

– А что смешного? – спросил я.

Еще сильнее захихикав и стараясь сдержать хохот, обычно мрачный судебно-медицинский эксперт наконец смог из себя выдавить:

– Национальный театр сразу же уволил охранника парковки!

Он продолжал хихикать на протяжении всего вскрытия, и мы с Пэтом невольно к нему присоединились. Смех в столь мрачные времена, какой бы зловещей ни была его причина, было невероятно приятно слышать.

Когда непривычно жизнерадостный профессор Джонсон ушел, Пэт закатил следующее тело, принадлежавшее мужчине тридцати с небольшим лет. Это было бесформенное месиво из плоти, нетронутой снаружи, из которого словно удалили все кости.

– Господи, что вообще с ним случилось? – недоумевающе спросил я.

– Он был каменщиком, который работал на крыше башни «Оксо», – пояснил Пэт. – Он сделал шаг назад, чтобы полюбоваться своей работой, и выпал через букву О.

Не знаю почему, но я с трудом сдержал кривую ухмылку.

*** * ***

С тех пор как я начал работать в морге, мне не давало покоя ужасное состояние его помещений. Пришло время наконец прибрать. Здание было грязным, а опасностей для здоровья здесь было больше, чем в гробнице из фильма «Индиана Джонс: В поисках утраченного ковчега». К счастью, лучиком солнца в туче судебных заседаний, в которых я участвовал два года назад, стало то, что совет согласился с проведением ремонта морга. Пришлось два года напоминать о нашем соглашении, прежде чем наконец были проведены организационные совещания и составлены чертежи. Со мной, однако, никто консультироваться не стал.

Были выставлены тендерные предложения, и мое начальство посетило ряд долгих обедов с потенциальными подрядчиками (казалось, запрет на неучтенные поощрения не распространялся на руководство). Когда мне, наконец, показали итоговые чертежи, я скептически их изучил. На бумаге планировки выглядели неплохо, но я понимал, что с точки зрения охраны труда и техники безопасности они были настоящей биологической западней. Я уведомил об этом совет, но меня решили проигнорировать, так что я задраил все люки, какие только мог, и стал ждать, пока ситуация не выйдет из-под контроля.

> Молодой человек в пылу ссоры ударил свою девушку, и та, упав, насмерть пробила голову. Парень четыре дня отказывался принимать случившееся и держал труп дома.

Прибыл электрик. Обычно он занимался электрогенераторами, но в этот раз ему поручили поменять проводку в секционной. Он протянул пятидесятиметровый кабель от соединительной коробки к настенным часам. А сняв часы со стены, обнаружил, что они на батарейках. Это был лишь первый из множества просчетов.

Ремонт – дело, конечно, хорошее, но совет не принял во внимание повседневную работу морга. Стоило ожидать, что строители, электрики, плотники и прочие рабочие вряд ли смогут заниматься своей работой, пока мы вскрываем трупы у них на глазах. В качестве решения проблемы совет предложил повесить простыни, которые никак не защищали от зловонного смрада «вонючек», запаха костной

пыли, от вида крови, растекающейся по полу, и от наших чудовищных описаний, не говоря уже про зловещие звуки пилы и сверл. Как бы то ни было, простыни хотя бы могли скрыть самые ужасные картины.

Большинство прибывших рабочих изо всех сил старались держаться храбро и демонстрировать отрешенный профессионализм, но ужасы смерти никого не могут оставить равнодушным, не говоря уже о тех, кто не жил с ней бок о бок годами. Я видел их нервные взгляды, когда мы с Пэтом и Салли ходили туда-обратно, перевозя накрытые тела между холодильниками и секционной.

Дополнительную проблему создал всплеск преступности, из-за которого мы с трудом находили место для всех потенциальных жертв убийств наряду с другими многочисленными трупами, прибывавшими каждый день. Точка кипения была достигнута в один из загруженных дней, когда мы приняли одного «вонючку» и жертву жуткого убийства. Разложившееся тело принадлежало женщине за тридцать. Она поцапалась со своим парнем, и тот ударил ее в лицо. Упав, она размозжила голову о камин и умерла. Парень отказался признавать случившееся и держал ее тело дома четыре дня. Каждый день он поднимал его с кровати, мыл и одевал. На пятый день она позеленела, и он все-таки вызвал полицию.

Даже я был вынужден сделать резкий вдох при виде трупа, поступившего сразу после зеленой дамы. Вид тела человека, чья жизнь оборвалась с особенной жестокостью, не оставит равнодушным никого, и мы с Пэтом, Салли и профессором Мантом не были исключением. Тело принадлежало мужчине тридцати с лишним лет, отцу троих детей. Мы могли только представить, через какую боль ему пришлось пройти. Когда мы начали вскрытие, детективы рассказали о случившемся – им приходилось перекрикивать шум, создаваемый рабочими.

> Мужчина схватил молоток и принялся гоняться за сыном по дому, пока тому не удалось ударить его в грудь кухонным ножом. Отец вытащил нож у себя из груди и загнал сына на задний двор.

– Поберегите свое сочувствие, – крикнул один из детективов, изучая тело, после чего описал бесчеловечное насилие, которому

убитый подвергал жену и детей. – Он пытался изнасиловать свою жену, – продолжил детектив, – после того как избил ее до посинения. Его сын-подросток, услышав ее крики, пришел на помощь и воткнул в него ножницы, однако этого оказалось недостаточно. Отец схватил молоток и принялся гоняться за сыном по всему дому, пока тому не удалось ударить его в грудь кухонным ножом.

Сын решил было, что его отцу пришел конец, но, к его ужасу, тот вытащил нож у себя из груди и загнал сына на задний двор.

– Тогда сын схватил мотыгу, – продолжил детектив, – и размозжил ею голову своему отцу, но и это его не остановило. Сын перепрыгнул через ограду, и только тогда его отец рухнул на землю. Чтобы тот больше наверняка не поднялся, сын бросил ему на голову бетонный блок.

В этот самый момент шнур, на котором висели окружавшие нас простыни, внезапно оборвался, и полдюжины побледневших рабочих увидели перед собой мужчину с множественными ранами, залитого кровью и с торчащими из груди ножницами. Лицо было раздроблено бетонным блоком, и мозг наполовину выглядывал из черепа. Рядом лежало зеленое и раздутое тело женщины, чьи глаза отказывались закрываться из-за натяжения.

Рабочие покинули здание и больше не возвращались.

Сына мужчины ждал суд за неумышленное убийство в Центральном уголовном суде Лондона, и ему дали условный срок. Как только процесс завершился, он вернулся домой к матери.

*** * ***

Ремонтные работы не пришлись особо по душе никому из судебных экспертов, а больше всего – профессору Джонсону. Он, казалось, был на грани нервного срыва. Звук сверления казался одинаково громким, независимо от того, в какой части здания ты находился, равно как и рабочих, ругавшихся из-за очередной неразберихи, неприглядного зрелища или запаха. Получив возмущения от всех участвующих сторон, совет наконец согласился разрешить нам закрыться на несколько недель и перенести свою деятельность в морг

Луишема, однако в Луишеме выдвинули одно строгое условие: чтобы моей ноги там не было!

Итак, я остался. По уши в бумажной работе, я наблюдал за тем, как проходил ремонт. Казалось, все складывалось весьма неплохо, пока в один прекрасный день не произошло нечто невероятное. Наш старый пол сняли, чтобы сделать новый из эпоксидной смолы. Жидкую смолу залили и оставили на ночь сушиться. Я включил охранную сигнализацию и запер здание, откуда был рад убраться из-за едких испарений. На следующее утро, придя на работу и открыв дверь морга, я увидел на застывшем эпоксидном полу отпечатки босых ног. Они вели по прямой, от первого холодильника морга к секционной, – расстояние было метров десять. Это не поддавалось никакому логическому объяснению: стены были высокими, никаких окон. Отпечатки вели только в одном направлении. Даже воздушному гимнасту не удалось бы вытворить нечто подобное без вспомогательного оборудования. Объяснить случившееся так и не удалось, и четверо рабочих, увидев это своими глазами, собрали инструменты и отказались возвращаться в здание.

> На время ремонта моргу пришлось перенести свою деятельность в другое место, но меня отказались пускать туда.

С того самого момента одна катастрофа сменяла другую. Стены коронерского суда были местами покрыты деревянными панелями в викторианском стиле, часть из которых рабочие случайно сожгли паяльной лампой. Вскоре после этого я сидел у себя в кабинете, как вдруг появился сам коронер, доктор Гордон Дэвис, – чрезвычайно редкий гость в морге.

– Что случилось? – спросил я.

– Эти уроды забрали из суда мою лампу!

И действительно, антикварную медную лампу, которая прекрасно работала более пятидесяти лет, убрали и заменили на новую, из дешевого пластика. По задумке производителя пластик должен был выглядеть как антикварная медь (однако на деле даже близко не был на нее похож). Вместе с другими работниками суда я запрыгнул в

мусорный контейнер и обыскивал его, пока мы не нашли старую лампу, которая тут же была возвращена на стол доктора Дэвиса.

Два месяца спустя совет объявил, что мы готовы вернуться к работе. Первым в отремонтированном здании мы вскрывали тело полуторамесячного ребенка – случай просто ужасный. Пассажир раннего утреннего поезда, прибывшего на вокзал «Лондонский мост», увидел, как молодая мама засовывает в рот своему маленькому ребенку салфетки. Сойдя с поезда, он позвал на помощь. Показавшийся поблизости полицейский, который в тот момент был не на дежурстве, схватил ребенка и побежал с ним до расположенного неподалеку отделения неотложной помощи больницы Гая, где по его прибытии врачи констатировали смерть ребенка.

Итак, у нас на столе лежал ребенок, а через какое-то время пол под нами оказался по щиколотку залит водой. Мы пытались продолжать вскрытие, но пол был скользким, словно покрытая жиром полированная сталь. Поскользнувшись, профессор Джонсон перевернул в воздухе поднос с инструментами для вскрытия, и мы все пригнулись. Я позвонил доктору Уэсту, в то время как насквозь промокший профессор Джонсон стремительно выбежал из секционной, чтобы переодеться. Строители каким-то образом умудрились напортачить с заливкой эпоксидной смолы, из-за чего через нее теперь просачивались грунтовые воды. Морг снова закрыли, пол поменяли, но после открытия, когда мы поместили тело жертвы убийства (женщине нанесли восемьдесят шесть ножевых ранений среди бела дня – убийцу так и не поймали) на пол, чтобы сделать снимки, физиологические жидкости тела вступили в реакцию со смолой, настолько сильно этот пол испачкав, что его пришлось менять в третий раз.

> Каждые семь с половиной минут воздух в секционной должен обновляться. К сожалению, установленная во время ремонта система успевала в два раза меньше.

Была установлена новая система освещения, но свет от нее оказался настолько тусклым, что нам с Пэтом пришлось бежать в магазин и покупать шесть напольных светильников, чтобы было видно хотя бы столы. Система отопления также оказалась сущим кошмаром,

не справлялась со своей задачей. Нам снова пришлось отправиться за покупками – на этот раз за нагревателями на сжиженном бутане. Тем не менее все это меркло на фоне дорогостоящей системы вентиляции.

Воздух в секционной должен был полностью обновляться восемь раз в час; новая система успевала сделать это только четыре раза. Таким образом, и без того серьезная проблема просачивания зловонного запаха в коронерский суд еще сильнее усугубилась. Совет пытался сделать вид, что это лишь временные проблемы; в конце концов, проект обошелся им в сотни тысяч фунтов, и никто не хотел отвечать на неудобные вопросы вышестоящего руководства. Я подавал своему начальству одну докладную записку за другой, однако ничего не менялось, поскольку начальники не хотели, чтобы кто-то узнал еще об их некомпетентности.

Тем временем нам пришлось открыться и вернуться к полной загрузке. Столько необъяснимых и подозрительных смертей Лондон не видал никогда, и наши коллеги в других моргах города с трудом справлялись с наплывом новых тел. Нам пришлось взяться за дело, даже если это и означало необходимость терпеть смрад в холодных и влажных помещениях. Нас сразу же попросили забрать тела из Ламбета и Уондсворта, где морги были гораздо меньше и с наступлением суровой зимы оказались завалены трупами. Руководство в Саутуарке еще и призывало другие районы отправлять нам свои тела – за каждого принятого покойника мы получали кругленькую сумму.

*** * ***

Стресс начинал давать о себе знать. Из-за недосыпания и отсутствия поддержки со стороны совета я постоянно был раздражительным. В то же самое время я был полностью помешан на работе и не позволял ничему помешать выполнению моих обязанностей, включая собственную семью.

Через несколько дней после открытия, едва я успел прилечь, как меня вместе с профессором Джонсоном вызвали в парк Далуич, где нашли утопленника. Детектив, прибывший на место, поначалу подумал, что это может быть убийство, но мужчина был раздет, и в ходе осмотра прилегающей территории с фонариками мы обнаружили

стопку аккуратно сложенной у ограды одежды. Профессор Джонсон заключил, что убийца вряд ли бы стал складывать одежду жертвы, – наиболее вероятной причиной смерти был суицид по невыясненным мотивам.

На следующее утро ни свет ни заря дверь в спальню наотмашь распахнулась, и мой возбужденный четырехлетний сын запрыгнул ко мне в кровать, смеясь от восторга.

– Ради всего святого, что ты делаешь?! – заорал я. – Проваливай!

Выйдя спустя какое-то время из спальни с мешками под глазами, в мятой пижаме и с растрепанными волосами, – выглядел я, словно оказался в центре урагана, – увидел заплаканного сына, сидящего за обеденным столом, на котором лежала открытка с подарком. После нескольких секунд раздумий до меня наконец дошло: это был мой день рождения!

Чего я не знал, так это того, что последние несколько дней Венди учила нашего сына петь для своего отца «С днем рождения тебя». В тот момент у меня опустилось сердце. Это было непростительно, и я никогда не смогу это исправить. Мой бедный сын увидел ужасную сторону своего отца.

*** * ***

На работе в тот день меня встретило очередное нелепое требование от совета. Поскольку большое число судебных вскрытий проводилось в нерабочие часы, мы неплохо получали за переработки. В случае срочного дела звонил судебно-медицинский эксперт с просьбой, чтобы я немедленно явился в морг, независимо от того, который был час. Так как убийства, требующие срочного расследования, могли произойти в любое время, мы были готовы к работе круглосуточно.

> Раньше вскрытия можно было проводить в любой момент, когда это было необходимо полиции. Но совет морга решил, что пора это менять, и постановил проводить вскрытия только с понедельника по пятницу с восьми утра до четырех дня.

Судмедэксперты даже предпочитали проводить вскрытия в нерабочее время, ведь в рабочие часы дел у них было по горло. Каждое утро мы занимались естественными смертями и давали показания в коронерском суде. Поспешно пообедав, я составлял отчеты и проверял, чтобы все необходимые образцы были отправлены в лабораторию, после чего направлялся в Королевский суд давать экспертные показания по делам об убийствах. Иногда мне приходилось еще и читать лекции студентам-медикам, а также разбирать почту и проводить исследования, на что обычно уходили вечера (если не было новых убийств). Не было ничего удивительного в том, что мы хотели сразу же проводить вскрытие жертв убийства, когда те приходились на нерабочее время, и полицию это прекрасно устраивало.

Теперь же совет решил, что пора положить этому конец, потому что мы и без того потратили на ремонт немалую часть своего бюджета. Мне был отдан приказ проводить все вскрытия исключительно с понедельника по пятницу с восьми утра до четырех дня. В случае убийства, случившегося ночью в пятницу, я должен был теперь говорить убойному отделу приходить в понедельник утром!

Помимо существенной задержки расследования, из-за которой подозреваемый мог бы теоретически успеть сбежать из страны, это вызывало и множество других проблем, таких как разложение следовых улик (физиологических жидкостей, например), а также увеличение вероятности перекрестного загрязнения (и даже если его не было, опытный барристер мог бы освободить своего клиента на основании задержки с проведением вскрытия, заявив, что за это продолжительное время перекрестное загрязнение и разрушение улик непременно должно было произойти).

Чтобы обсудить эту проблему, я встретился с коронером доктором Дэвисом и инспектором из Скотланд-Ярда. Инспектор предложил простое, но эффективное решение.

– Питер Эверетт, я арестовываю вас за препятствие работе полиции.

– Простите? – сказал я.

– Да ладно, Питер, ты арестован; в участке тебя ждет чашечка добротного чая. И если даже после этого совет не придет в себя, следующим я арестую профессора Джонсона.

– Удачи с этим, – сказал я, вставая.

Право на один звонок я использовал, чтобы позвонить в совет. Осознав свою ошибку, они пошли на попятную, и меня «отпустили».

*** * ***

Зима в тот год, казалось, и не думала заканчиваться. Возможно, это и было признаком предстоящего жаркого лета, однако на тот момент погода была суровой, и старики сыпались пачками. Холодильники вмещали сорок восемь тел, но места не хватало, и нам зачастую приходилось складывать тела друг на друга прямо на полу. Хоть я и был твердо убежден, что тело – это всего лишь сосуд, вид этих недавно опустошенных сосудов, лежащих друг на друге, был просто возмутительным. В какой-то момент в морге оказалось сразу семьдесят пять тел, и из-за ужасного ремонта условия, в которых они хранились, а также в которых проводились вскрытия (в темноте и сырости), были, мягко говоря, не самыми удачными.

> Холодильники могли вместить 48 тел, но места не хватало, и нам зачастую приходилось складывать тела друг на друга прямо на полу.

Косой, наш неумелый санитар/уборщик, своими стараниями делал все только хуже, и нам с Салли приходилось тратить драгоценное время, чтобы прибрать за ним.

Каждый раз, когда Косой предлагал что-то убрать, мы с Салли, если были рядом, мчались, чтобы его остановить и поручить что-то другое. Мне хотелось его уволить, но никого на примете, чтобы заменить, у меня не было, не говоря уже о времени, необходимом для собеседования. По крайней мере, Косой был в состоянии перевезти тело из точки А в точку Б.

Судебно-медицинским экспертам с их взрывным темпераментом наши условия казались невыносимыми, в том числе и потому, что им приходилось работать бок о бок со своими коллегами (они же соперники), так как мы были вынуждены одновременно проводить несколько вскрытий.

> Профессор Джеймс Кэмерон обнаружил в своем кабинете коробку с вещественными доказательствами по делу Джека-Потрошителя. Оказалось, он годами использовал ее в качестве подставки для ног.

Профессор Джонсон чуть было не психанул, когда ему пришлось работать рядом с профессором Джеймсом «Таффи»[35] Кэмероном. В отличие от Джонсона, Кэмерон всем нравился. Таффи был добрым и терпеливым со своими студентами, а к его услугам обращались полицейские управления со всего мира. Он проводил вскрытие бывшего заместителя фюрера Адольфа Гитлера, Рудольфа Гесса, который отбывал пожизненное заключение за «преступления против мира». Таффи, человек чрезвычайно эксцентричный, был также знаменит тем, что обнаружил в своем кабинете коробку с вещественными доказательствами по делу Джека-потрошителя. Он годами использовал коробку в качестве подставки для ног, пока не решил в нее заглянуть.

А профессор Джонсон ненавидел Таффи, прежде всего потому, что тот был его соперником, которого выбрали вместо него на должность главы отделения судебной медицины Лондонской больницы.

Я понимал, что, если не хочу выслушивать бесконечные разглагольствования и бредни профессора Джонсона, мне придется пойти и объяснить совету, в какой кавардак превратился морг. К моему облегчению, был запланирован новый ремонт. На этот раз со мной проконсультировались, так что я запросил определенные изменения, которые сделали бы морг более приятным местом для работы, включая более просторную и лучше освещенную смотровую для убойного отдела, а также столь необходимые дополнительные холодильники.

Радовался я, впрочем, недолго. Новая смотровая оказалась настоящей катастрофой. Строители почему-то решили, что голых стен из шлакоблоков будет достаточно, из-за чего помещение стало сущим кошмаром. Все эти проблемы вытекали из того факта, что в совете было слишком много старших руководителей и слишком мало денег. Никто из совета никогда не заправлял моргом, и никто из них ни разу не посещал здание, боясь увидеть труп.

Нам было нужно больше денег, однако совет сказал, что их попросту нет. Так что я решил пойти на крайние меры и пригрозил увольнением, составив доклад, в котором подробно изложил имеющиеся риски инфекционного заражения людей и перекрестного загрязнений улик, снабдив все фотографиями. Я объяснил, что передам прессе копии составленного доклада. К моему облегчению, блеф сработал: совет отказался принимать мое заявление об уходе, и чудесным образом у нас внезапно оказалось достаточно денег на все необходимое. Благодаря нечеловеческим усилиям строителей, судебно-медицинских экспертов и помощников, а также при содействии управляющих моргами по всей столице на этот раз они все сделали правильно – во всяком случае, пока…

*** * ***

Однажды утром у входа в морг меня остановил один из прорабов. Он был порядочным человеком и, подобно мне, натерпелся немало проблем с советом, пытаясь выполнить сложную работу в тяжелых условиях.

Тем не менее, уже сытый по горло жалким видом этого места, я не сдержался и выпалил «Что еще?», однако вскоре позабыл про свое раздражение, когда увидел, что он держит в руках человеческий череп.

– А это еще откуда? – спросил я.

– Лежало прямо на пороге, у входа.

Я взял череп и, порывшись в архиве, вспомнил, что морг был построен на кладбище тюрьмы Маршалси. После разговора с советом мы решили забыть про случившееся: просто не могли позволить себе дальнейший простой.

Несколько дней спустя рано утром мы с профессором Джонсоном прибыли вместе на работу, так как ему нужно было изучить случай подозрительной смерти, прежде чем отправиться в суд, где предстояло давать показания по делу об убийстве.

– Не знаю, Питер, – вздохнул он, раздраженно расхаживая по секционной, пока Пэт завозил тело. – Весь этот стресс меня прикончит!

Я пожал плечами и попытался его подбодрить. Хотя в здании по-прежнему творился бардак, мы думали, что худшее уже позади. К тому же профессор Джонсон постоянно делал такие громкие заявления.

Через два часа после того, как профессор отправился в Центральный уголовный суд – Пэт в это время убирал, – мне позвонили из администрации больницы Гая.

– Я звоню, чтобы сообщить, что профессор Джонсон больше не в состоянии выполнять свои обязанности. Вам следует найти кого-то другого для всех срочных случаев, которые были у него запланированы на сегодня.

– Что вы такое говорите? – спросил я, выпустив изо рта трубку. – Он был прямо здесь всего два часа назад.

– Боюсь, профессор Джонсон внезапно потерял сознание и умер в Центральном суде.

– Что? Не может быть!

– Боюсь, что это так. Сожалею. Его тело уже в морге больницы святого Варфоломея.

Поначалу, будучи в шоке, я принялся возражать, что это не могло произойти так быстро, но администратор напомнил мне, что Центральный суд был от нас всего в пяти минутах езды, в то время как больница святого Варфоломея располагалась прямо напротив него.

> В год так называемой СПИД-истерии об этой болезни было крайне мало что известно, а лечения не было. К больным относились словно к прокаженным и старались их избегать.

Я потерял дар речи. Трубка выскользнула у меня из рук и упала на пол.

Позже в тот день вскрытие показало, что профессор Джонсон скончался от обширного инфаркта. Несмотря на его грубый нрав, мы все были ошарашены этой новостью. Может, с ним и было непросто работать, однако профессор был непревзойденным судмедэкспертом и никогда не жалел своего времени. Хоть профессор Джонсон и находился в перманентном состоянии кипящей злости, я всегда мог положиться на него как на коллегу и друга. Мир судебной медицины лишился выдающегося специалиста. Как сказал шекспировский

Гамлет: «Он человек был, человек во всем; ему подобных мне уже не встретить»[36].

Это должно было стать зловещим предупреждением о последствиях стресса, но у меня едва ли было время на то, чтобы хорошенько обо всем подумать. Трупы поступали один за другим, и чем больше времени я проводил в морге Саутуарка, тем, казалось, больше у меня становилось обязанностей. Вскоре после смерти профессора Джонсона мы получили тело, которое поставило на уши весь район: это был случай подозрительной смерти мужчины со СПИДом. Случилось это в начале так называемого года СПИД-истерии, когда никто не знал, как лечить людей с этой страшной болезнью, и все относились к ним словно к больным чумой – возможно, передающейся одним только взглядом. Масла в огонь подлила член британского парламента и заместитель министра здравоохранения Эдвина Керри, публично заявившая, что «праведные христиане СПИДом не заболеют». Совет приказал нам не вскрывать тела, опасаясь инфекции. К счастью, нам нужен был только токсикологический отчет, так что я взял образец глазной жидкости, и этого оказалось достаточно.

Профессора Джонсона похоронили, с ремонтом теперь наконец было покончено, и я стал размышлять о том, как, пережив коррупционный скандал и заручившись поддержкой Пэта и Салли, а также судебно-медицинских экспертов вроде профессора Манта, я с их помощью, возможно, привел наш морг в XX век. Что было как нельзя кстати, ведь в последующие месяцы и годы ему предстояли невиданные прежде испытания.

15. Спрятанное под землей

Октябрь 1986 года

Первый удар после ремонта морга нанес мне Пэт, который подал заявление на увольнение.

– Ты уверен? – спросил я.

Пэт кивнул. Этот немногословный человек никогда не менял принятых им решений. Я попытался уговорить его остаться, но Пэт был кочевником по жизни. Он не задерживался на одной работе больше двух лет, после этого им овладевало желание двигаться дальше.

Я был опустошен. Пэт был одним из тех людей, которым я полностью доверял.

Поиск замены оказался практически невыполнимой задачей. Никому не хотелось быть заместителем человека, из-за которого практически всем, кто работал в моргах, пришлось раскошелиться на целое состояние, чтобы оплатить задолженность по налогам. И, несмотря на все мои старания, за Саутуарком так и сохранилась репутация места, где проворачиваются грязные делишки.

Я был в отчаянии – и меры, на которые пришлось пойти, тоже были отчаянными. Прежде в качестве санитара морга для прохождения практики к нам присоединилась юная дама по имени Мэри. Подготовку она уже закончила, так что я решил, хоть это и было чрезвычайно рано для ее карьеры, что из нее выйдет добротный заместитель.

На всех, кто когда-либо встречал ее, Мэри производила неизгладимое впечатление. Она была красивой и, прежде чем устроиться в морг Саутуарка, работала моделью, частенько появляясь на страницах глянцевых журналов облаченной во что угодно, от купальника до вечернего платья. Я не знал, чем ее привлекала работа в морге (она шутила, что мертвые хотя бы не пытаются ее облапать), хотя, как показали дальнейшие события, морги – во всяком случае, в те времена – привлекали людей с разными странностями.

Тогда же единственным, что я мог бы назвать в ней странным, была любовь к бранным словечкам (в этом она могла дать фору даже самым сквернословящим детективам), а также склонность курить одну сигарету за другой. Если не считать этого, все говорили про Мэри только хорошее (причем мужчины зачастую делали это с задумчивым взглядом). Кроме того, она привела вместе с собой Марджори, свою мать, которую все обожали. Мардж, настоящая уроженка Ист-Энда, не только работала в коронерском суде уборщицей, но еще взяла на себя инициативу готовить всем чай. В разгар обсуждения очередного случая с убойным отделом в секционной приходила Мардж с чаем, кексом и множеством грубых шуток, и внезапно создавалось ощущение, что мы все были гостями у нее дома.

*** * ***

Итак, одна проблема была решена, но оставалась другая: Косой, уборщик. Я даже не осознавал, сколько всего делал Пэт, чтобы покрывать некомпетентность Косого. Однажды, спустившись в морг после обеда, я обнаружил, что весь пол в розовых разводах. Я пошел проверять холодильники и, когда открыл один из них, почувствовал такую вонь, словно мне по лицу врезали тухлой рыбиной. Пэт прежде поддерживал морг в идеальной чистоте, каждый день проводя двухчасовую уборку. У Косого же она теперь занимала шесть часов, и после него все оставалось грязным, как и он сам, так как его личная гигиена тоже оставляла желать лучшего. Словно этого было мало, я начал получать жалобы от ритуальных агентов, которым доставались немытые тела. Хуже того, один ритуальный агент прибыл в морг, чтобы вернуть тело, выданное ему Косым по ошибке. Принеся глубочайшие извинения, я исправил оплошность.

Я писал докладные записки своему непосредственному начальству, но каждый раз получал один и тот же ответ: «Запишите все подробно в рабочий журнал». Косой получил три устных предупреждения, но, согласно правилам совета, нужно было три письменных предупреждения, чтобы проблемой занялись всерьез, а мое руководство, не желая показывать, в каком ужасном состоянии был морг (тем самым признав бы свою некомпетентность), не

передавало мои доклады наверх. Я был в тупике – во всяком случае, на тот момент.

Как следствие, в конце каждого рабочего дня мне приходилось убирать за Косым. Мне помогала Мэри, если удавалось ее уговорить, что получалось не очень часто. Получив повышение, Мэри начала поздно приходить и рано уходить, оправдывая это наличием маленького сына – что было, конечно, уважительной причиной, однако на собеседовании она почему-то упомянуть о нем забыла. Из-за сложившейся ситуации мне постоянно приходилось задерживаться допоздна, прибирая и решая административные вопросы. Тем временем профессор Мант и доктор Уэст жаловались, что из-за халатности Косого и отсутствия Мэри их постоянно встречали неподготовленные для вскрытия тела, а ассистировать было некому.

Нарастающий стресс бил по моей семейной жизни: в те редкие случаи, когда Венди и наш сын не спали, пока я находился дома, я был уставшим и чрезвычайно раздражительным. Я никогда не брал больничных и смотрел на тех, кто это делал, с подозрением (то есть на Косого), однако недовольство жены и мое собственное изнеможение все-таки убедили меня взять несколько дней отпуска, оставив Мэри за главную. Когда я вернулся в морг, мне сообщили, что с одного из тел пропало кольцо.

Путаница случается. Порой к нам может поступить одновременно четыре тела, в то время как два нужно отдать похоронному бюро, и когда-нибудь кто-нибудь да поместит какой-то предмет не на то тело. Вместе с тем, проверив систему приема вместе с коронерами и администраторами, я понял, что произошло нечто куда более серьезное.

После того, как предметы снимались с тела, проводилась их опись, они заворачивались в пластиковые пакеты, а затем помещались в шкаф у стойки администрации, пока оформлялись остальные тела. Затем пакеты убирались в сейф, который, как я вскоре обнаружил, не был самым надежным местом. Согласно правилам, доступ к этому сейфу должен быть только у помощников коронера, однако, будучи «занятыми», они оставляли ключи на стойке администратора, чтобы тот, кто работал в тот день, мог без задержки вернуть вещи скорбящим родственникам. Либо подобный небрежный подход привел к потере

кольца, либо – о чем я боялся даже думать – у нас в морге завелся новый вор.

> Я никогда не брал больничных и смотрел на тех, кто это делал, с подозрением.

Вскоре после происшествия с потерянным кольцом начальник пригласил меня на чашку кофе. Поначалу я обрадовался, подумав, что он наконец осознал необходимость принятия срочных мер, чтобы привести морг в порядок. Вместо этого он вручил мне письменное предупреждение. Пока я был в отпуске, он решил в кои-то веки заглянуть в морг и обнаружил лежащие на стойке администратора ключи от сейфа. Отвечать за это должна была Мэри, так как я был в сотнях милях от города, но письменное предупреждение получил именно я. Несмотря ни на что, начальник не стал слушать мои настойчивые просьбы о помощи. Причина допускаемых мной ошибок, того, что все было далеко от идеала, заключалась в том, что я находился на грани нервного срыва. Короткий отпуск привел лишь к новым проблемам. Я стремительно несся к пропасти и ничего не мог с этим поделать.

Слухи о полученном мной письменном предупреждении быстро разнеслись. Косой и без того несказанно радовался тому факту, что я не могу его уволить, а теперь еще и знал, что я не нравлюсь собственному начальству. В результате он стал вести себя еще более развязно и чаще брать больничный. В итоге зачастую в морге никого, кроме меня, не было. Мне приходилось собственноручно проводить вскрытия, восстанавливать тела и убирать морг. Помимо этого, мне нужно было еще и писать отчеты, отвечать на все телефонные звонки по любому связанному с работой морга вопросу, а также разбираться с ритуальными агентами и детективами убойного отдела.

> Однажды у нас прямо в морге украли кошелек у судебного эксперта, пока тот проводил вскрытие.

Произошедшая в полиции встряска привела к тому, что в морге стали работать новые помощники коронеров, однако, осознав, что им не перед кем отчитываться – здесь не было вышестоящего по званию сотрудника полиции, – новые констебли решили особо не напрягаться.

Всю свою бумажную работу они делали по утрам, а затем, ближе к обеду, их офисы превращались в казино «Рояль». Виски лилось рекой, и в клубах сигаретного дыма они играли в покер на деньги.

На следующей неделе, прочитав ежеквартальную лекцию по судебным вскрытиям в техникуме лондонской пожарной бригады, я вернулся в морг, где обнаружил заплаканную Мэри, в то время как Брайан, помощник коронера, протирал тряпкой пол, при этом хмурясь и что-то бормоча себе под нос. Хоть он и делал это медленно, застать его за подобным занятием было крайне неожиданно. У одного из судебно-медицинских экспертов украли кошелек, пока он занимался вскрытием жертвы убийства в морге. Кража была совершена в нескольких метрах от детективов убойного отдела, и детектив-суперинтендант попросил разрешения обыскать Мэри и Косого, чтобы снять с них все подозрения. Согласно протоколу, он должен был вызвать женщину-полицейского, чтобы та обыскала Мэри, но так как они вместе уже работали какое-то время, девушка не стала возражать. При них ничего обнаружено не было, откуда был сделан вывод, что, воспользовавшись подвернувшейся возможностью, какой-то вор проник в морг через незапертую дверь. Тем не менее вскоре после обыска Мэри связалась со своим профсоюзом, заявив, будто полицейский ее домогался.

По словам всех остальных свидетелей, включая Косого, полицейских и судебно-медицинских экспертов, детектив-суперинтендант просто проверил ее карманы. Он не заставлял ее раздеваться и не ощупывал. Но на следующий день человек из профсоюза, с которым связалась Мэри, начал угрожать забастовкой. В головном офисе провели экстренное совещание. Ситуация усугубилась с прибытием старшего офицера полиции из Скотланд-Ярда. Были взяты новые показания, и детективу-суперинтенданту, который провел обыск, грозило отстранение. В конечном счете его вина не подтвердилась, и он избежал наказания, но жертва кражи – нет. Судебно-медицинского эксперта обвинили в том, что он сообщил о пропаже присутствовавшим полицейским вместо того, чтобы воспользоваться служебными инстанциями (какими бы они ни были). Профсоюз с присущей ему мудростью принял решение запретить этому несчастному работать в морге Саутуарка полтора месяца.

*** * ***

Тем временем смерти продолжались. Я сидел в своем холодном и продуваемым сквозняком кабинете, разбирая огромную кипу бумаг, когда зазвонил телефон. Под больницей Гая обнаружили тысячи скелетов, и мне было поручено заняться эксгумацией.

Лондон – город, построенный на костях. Сменявшие друг друга эпохи добавляли новые слои в археологический торт метров десять высотой. Останки живших в былые времена людей сейчас покоятся под самыми известными историческими зданиями Лондона, включая собор Святого Павла. Сэра Кристофера Рена особо не волновали древнеримские руины, найденные в то время, когда выкапывали фундамент, однако, к счастью для нас, они не оставили равнодушным местного антиквара Джона Коньерса, который провел одну из первых в мире, как теперь считается, археологических раскопок. С тех пор лондонская археология стала важнейшей частью постоянной перестройки города. Чем больше мы строим, тем больше узнаем о собственном городе и людях, живших здесь до нас.

Вплоть до полученного мной звонка считалось, что двумя самыми большими лондонскими захоронениями были те, что находились рядом с вокзалом «Ливерпуль-стрит» – так называемым Новым погостом (первое муниципальное кладбище Лондона, основанное еще в Средние века), и кладбище Бедлам (так называли Бетлемскую королевскую больницу, первую в Лондоне психиатрическую лечебницу). В общей сложности там были захоронены тела двадцати пяти тысяч жителей Лондона, многие из которых пали жертвами Великой эпидемии чумы 1665 года, убившей порядка ста тысяч человек – каждого пятого жителя столицы.

Впоследствии из обнаруженного рядом с больницей Гая захоронения, на месте строительства нового высотного здания была извлечена двадцать одна тысяча тел. После получения от МВД лицензии на эксгумацию меня связали с отделением археологии Лондонского музея. Вместе мы составили план по извлечению тел и их перезахоронению на Новом кладбище Камберуэлла, площадью шестьдесят восемь акров, в окрестностях Восточного Лондона, где хватало свободного места. Владельцы кладбища, поняв, что похоронный бизнес пошел в гору, приобрели землю по бросовой цене

в начале XX века, однако столкнулись с жесткой конкуренцией других частных кладбищ, в результате чего места оставалось предостаточно.

По правилам лицензии МВД на эксгумацию, рабочий участок должен надежно охраняться и быть скрыт от взора горожан. С охраной проблем не было, но прибыв на место, я понял, что сделать процесс эксгумации невидимым для людей будет не так-то просто. Окна основного здания больницы выходили прямо на место захоронения, и пациенты с высоты могли наблюдать, как археологи откапывают скелеты. В конечном счете мне удалось найти компанию, которая смогла соорудить и установить высокие ограждения из брезента вокруг участка проведения раскопок, – они стояли под таким наклоном, чтобы сокрыть происходящее из поля зрения всех, за исключением голубей.

Работа протекала медленно. К счастью, я находился поблизости и должен был приходить с проверкой всего раз в день, поэтому мне удавалось параллельно выполнять свои обязанности и в морге. У меня было предельно мало времени, чтобы наблюдать за самыми крупными на тот момент археологическими раскопками в Лондоне, проведением которых подрядчики остались крайне недовольны. Подобные находки – дорогостоящая головная боль для всех заинтересованных сторон: во-первых, строительные работы приходится останавливать до завершения раскопок, а во-вторых, приходится оплачивать подрядчикам археологические работы.

С другой стороны, остеологи (специалисты по костям) из Лондонского музея погрузились в свою стихию. Для них каждый день из шести месяцев раскопок был настоящим праздником. Окруженные экскаваторами, способными за считаные минуты перенести тонны земли, они штурмовали влажную глинистую почву ложками и щетками, обнажая один скелет за другим. Каждая кость записывалась в журнал. Все ценности, такие как кольца или религиозные артефакты, описывались и перевозились в специализированные хранилища лондонских музеев.

Три недели спустя мы выяснили, что всего там было три разных захоронения и все они принадлежали Георгианской эпохе (1714–1830 годы). Внешнее кольцо предназначалось для самых бедных (тела плотно складывали без надгробий), следующее – для среднего класса (больше расстояния между могилами, над которыми порой ставились

памятники) и, наконец, за тем, что осталось от высокой железной ограды, располагалась святая святых – закрытый участок, на котором хоронили высшие классы.

Мне посчастливилось присутствовать на раскопках в тот день, когда вскрыли один из самых крупных склепов. Он был размером примерно с дом смотрителя кладбища – места было достаточно для большой семьи. Внутри располагался деревянный гроб, украшенный медным орнаментом. Когда гроб вскрыли, перед нами предстало идеально сохранившееся тело генерала армии, облаченное в униформу, которую дополняли меч и медали. Состояние тела было настолько хорошим, что мне на секунду подумалось, будто кто-то решил надо мной подшутить, и этот генерал сейчас встанет и покажет на меня пальцем, а все вокруг повалятся от смеха. Остеолог, однако, объяснил, что в знаменитой лондонской сырости прекрасно сохранялись ткань, кожа, дерево и металл, которые гнили и ржавели в городах с сухим климатом.

Кости были детально исследованы в лаборатории Лондонского музея, что позволило показать, насколько тяжко приходилось людям в те времена. Помимо того факта, что у каждого без исключения были ужасные проблемы с зубами – в частности, абсцессы, – анализ показал высокое распространение истощения, равно как искривления позвоночника и конечностей (из-за тяжелой физической работы), хронических инфекций (главным образом, сифилиса) и насилия (судя по количеству людей, чьи черепа были пробиты тупым предметом и на чьих костях были следы пронзившего их тело лезвия). Самым же, пожалуй, удивительным было огромное количество детей – порядка 40 % всех трупов, – что отражало запредельно высокий уровень детской смертности. К моменту завершения эксгумации была перезахоронена двадцать одна тысяча скелетов, а Лондонский музей обзавелся сотнями новых экспонатов.

> Однажды нас вызвали к церкви в районе Бермондси, потому что кто-то заметил, как местные дети играли в футбол человеческим черепом.

Пару недель спустя мне позвонил санитарный врач, чтобы сообщить еще об одной находке. Рабочие, рывшие землю под одной из

бесчисленных железнодорожных арок викторианской эпохи рядом с Лондонским мостом, были шокированы, наткнувшись на ряд человеческих черепов. В результате тщательных археологических раскопок было обнаружено, что все эти скелеты – всего их было две сотни – были похоронены в вертикальном положении. Не нашли ни гробов, ни саванов, ни могильных плит, ни каких-либо личных вещей. Остеологи Лондонского музея были в замешательстве. Хоть на некоторых костях и обнаружились следы, указывающие на проведенное после смерти вскрытие, в архивах не было никаких записей о кладбищах или других захоронениях в этом районе. Углеродный анализ показал, что тела были захоронены в начале XVIII века, что исключало смерть от чумы. Эта находка до сих пор остается одной из многочисленных исторических загадок Лондона.

Подобные события всегда случаются по три подряд, и, как можно было ожидать, через несколько недель после случая на Лондонском мосту меня вызывали к церкви в Бермондси – полиция получила жалобы на то, что местные дети играют в футбол человеческим черепом. Местом проведения этого жуткого матча была территория церкви святого Георгия в Уэллс-Вэй. Одна из многочисленных церквей Ватерлоо, построенных в 1824 году в честь победы Артура Уэлсли над Наполеоном в 1815-м в битве при Ватерлоо. Церковь святого Георгия видала и лучшие времена. Когда-то это историческое здание возвышалось посреди лесопарковой зоны, а теперь, оказавшись в тени многоквартирных муниципальных домов, церковь числилась в списке руин второго уровня значимости[37]. Крыша была уничтожена пожаром, а сыплющиеся стены исписаны граффити. Помимо этого, кто-то украл выразительную бронзовую статую Христа – один из бесчисленных мемориалов павшим в Первой мировой, поставленных в 1919 году. Владельцы церкви – нигерийская Небесная церковь Христова – недавно сделали публичное обращение, призвав вернуть статую. Пока я изучал развалины, аккуратно пробираясь через здание, заросшее внутри молодыми деревьями, травой и кустами ежевики, наткнулся на дыру в стене, в которую можно было пролезть. Оказалось, что это склеп. К счастью, я взял с собой рабочую сумку, в которой был фонарик. Осторожно забравшись внутрь, я оказался посреди чрезвычайно странной и невероятно жуткой сцены. В склепе было полно гробов, часть из которых оказалась вскрыта. В грудь

одного из неудачливых обитателей был вбит кол, в то время как другие тела (в том числе двух детей) отсутствовали. Пробираясь вглубь, я прошел через узкий тоннель, что вел к частному семейному склепу дворян Викторианской эпохи. Он был защищен от мародеров коваными железными прутьями. На выцветшей медной табличке можно было разглядеть имя одного из владельцев: это был «Артур Роллс, эсквайр дворянского поместья», а его гроб был обит синим фетром.

В общей сложности я насчитал сто двадцать семь гробов, девятнадцать из которых были взломаны. Больше всего вызывали беспокойство с точки зрения санитарии два совсем недавно вскрытых гроба, которые до сих пор были наполнены кровью. Благодаря тому, что дубовые гробы были обиты свинцом, а также из-за сырого воздуха жидкость сохранилась, а это означало, что с Викторианской эпохи могли сохраниться и различные болезнетворные бактерии, возможно, даже возбудители оспы.

Повертев вокруг фонариком, я чуть не выронил его от неожиданности, заметив нечто явно не из той эпохи: открытые консервные банки с печеной фасолью, покрывала, спички, сигаретные окурки и следы недавно потушенного костра. Здесь жили бездомные. Это уж точно было поводом для беспокойства: если какие-то микроорганизмы и выжили, то люди запросто могли их подхватить.

Я немедленно связался с санитарно-эпидемиологической станцией и районной инженерной службой, сотрудники которой тут же запечатали склеп. Я рекомендовал снести церковь и засыпать склеп щебнем, чтобы исключить малейшую вероятность распространения болезни.

> За последние годы при реализации практически каждого крупного строительного проекта обнаруживали остатки древних поселений.

Меня не послушались. Запечатанные гробы, включая принадлежавший Артуру Роллсу, вывезли и похоронили на кладбище в Нанхеде, в то время как открытые все-таки уничтожили. Вскоре после этого Небесная церковь Христова нашла желающего приобрести полуразрушенное здание, и теперь им владеет жилищно-строительное

товарищество, которое перестроило руины, соорудив ряд однокомнатных квартир. Даже бронзовая статуя Христа вернулась на свое почетное место, когда нашлась на свалке в Брикстоне.

*** * ***

Нас ожидает еще немало невероятных открытий. За последние годы при реализации практически каждого крупного строительного проекта обнаруживали нечто чрезвычайно важное: поселения эпохи неолита римлян и саксов под пятым терминалом аэропорта Хитроу; порт возрастом шесть тысяч лет напротив здания Службы внешней разведки в Воксхолле, а также древний храм, возведенный в 240 г. н. э. в честь римского бога солнца и правосудия Митры, на месте строительства новой европейской штаб-квартиры агентства «Блумберг» в Лондоне. Археологи прозвали это место Северными Помпеями из-за невероятной сохранности обнаруженных монет, амулетов, оловянных тарелок, керамических ламп, двухсот пятидесяти ботинок и сандалий, а также более девятисот коробок с глиняной посудой. Тем временем на Ливерпуль-стрит археологи добрались до римского слоя, где обнаружили человеческие останки, хранившиеся в старых кастрюлях, рядом с которыми лежали сорок человеческих черепов – возможно, принадлежавших жертвам массовой казни.

Другие могилы, датируемые эпохой неолита, были найдены в Стратфорде, в Восточном Лондоне, когда строили Олимпийский парк, а также в Ковент-Гарден, когда сооружали пристройку к Королевскому оперному театру (тело знатной саксонской женщины). В настоящий момент все взоры направлены на многомиллиардный проект Кроссрейл – строительство подземной линии пассажирской железной дороги. Это не только крупнейший строительный проект в Европе, но и самые масштабные археологические раскопки. Люди не понимают, почему строительство так затянулось. Что ж, за процессом рытья туннеля в десяти метрах под землей внимательно следят археологи, готовые в любой момент остановить работу. Общее число и типы находок – жутких, любопытных или не представляющих особого интереса – еще предстоит узнать, однако уже известно, что были обнаружены артефакты возрастом до семидесяти тысяч лет – неплохое

отрезвляющее напоминание о том, что каждый из нас играет свою крошечную роль в огромной, нескончаемой истории.

16. Судмедэксперт поневоле

Ноябрь 1986 года

Профессор Мант застонал. Мы находились в помещении для разложившихся трупов, и перед нами лежало тело мужчины в сильной стадии разложения. Он был обнаружен в муниципальной квартире в микрорайоне Северный Пекхэм: соседи снизу вызвали полицию, когда личинки прогрызли пол и начали сыпаться с потолка на их кровать.

Профессор Мант, однако, застонал не из-за вони.

– Моя спина! – воскликнул он, согнувшись пополам. – Мне не справиться еще с одним.

Это было типичное загруженное утро в морге, и уже были проведены три вскрытия.

Усадив профессора на стул, я принялся смывать личинок с тела, поливая его теплой водой из шланга.

Присев, профессор вздохнул.

– Придется тебе сделать все самому, Питер. Я проконтролирую отсюда. Ты справишься, – добавил он, увидев мою нерешительность. – Я ненадолго прилягу в комнате для родных. Можешь позвать меня, когда тело будет готово на столе.

Провести вскрытие для меня было честью, но я был измотан и гадал, сколько еще продержусь в одиночку. Я уже и не помнил, когда в последний раз не валился с ног от усталости. День заканчивался каждый раз одинаково: вернувшись поздно вечером домой, я, шатаясь, переступал через порог квартиры и, если был в состоянии, останавливался на кухне, чтобы немного перекусить – у меня едва хватало сил, чтобы жевать, не говоря уже о том, чтобы рассказать Венди о прошедшем дне (в конце концов, у меня не было особого желания снова все вспоминать, да и в любом случае я предпочитал избавлять ее от лишних подробностей), – после чего падал камнем в кровать. Когда на следующее утро звонил будильник (если мне посчастливилось проспать всю ночь, непотревоженным телефонным звонком или маленьким сыном), мне казалось, будто я только сомкнул

глаза. По крайней мере, ночные кошмары меня не беспокоили – я спал мертвым сном.

> В одном из домов Северного Пекхэма жильцы вызвали полицию, когда личинки прогрызли пол квартиры сверху и начали сыпаться с потолка на их кровать.

В то утро за завтраком, когда я таращился в чашку с чаем, словно это был колодец печали, Венди повторила вопрос, который частенько в отчаянии задавала: «Господи, Питер, почему ты не уволишься? Большую часть времени ты подавлен. Эта работа загонит тебя в могилу!»

Она была права. Дома я был словно зомби, и когда у меня все же проявлялись эмоции, чаще всего это было чувство безысходности, которое периодически на меня накатывало. Каждые несколько недель я брал себя в руки и твердил, что все будет хорошо, что этот кошмар закончится, что это было следствием загруженной работы с массой обязанностей вкупе с жизнью с маленьким ребенком в самом большом городе мира. Но этот кошмар так никуда и не девался. В то время я и понятия не имел, что со мной творится и чем это все грозит закончиться, если я не предприму решительных мер. Тем не менее, благодаря Венди я все-таки понимал, что основная причина была в работе. Таким образом, в то утро я прислушался к ее совету и набросал черновик заявления на увольнение. Я пошел на работу, и конверт, словно налитый свинцом, тяготил внутренний карман моего пиджака. Прежде чем я успел бросить письмо в почтовый ящик морга, меня ждало очередное убийство, и, как это обычно бывает с убийствами, нельзя было терять ни минуты.

*** * ***

Казалось, тем летом в воздухе витало что-то особенное, и я не имею в виду радиоактивные осадки из Чернобыля. Насильственные смерти следовали одна за другой, и с каждым днем жизнь в морге становилась все безумнее. В тот месяц мы исследовали еще тридцать

три случая подозрительной гибели, девятнадцать из которых оказались убийствами.

Жертвой первого дела в то утро был мужчина по имени Вахид Аташзай, его личность раскрыл мне и профессору Манту старший инспектор Дэвид Оукли. Тело Аташзая доставили в морг связанным и с кляпом во рту. Его рот был заклеен черной изолентой.

– Мистер Аташзай работал в ресторане KFC на Норвуд-Роуд, – объяснил старший инспектор Оукли. – Он был менеджером, и сотрудники обнаружили его сегодня утром, когда пришли на работу. Там обчистили сейф.

Мы узнали, что тридцатилетний Вахид, стройный и красивый, родился в Иране, где выучился на инженера-электрика. В Англии ему не удалось найти работу по специальности, но мужчина черпал вдохновение в своей работе в KFC, где был образцовым сотрудником, порой работая по шестнадцать часов в день. Все знакомые слышали о его мечте открыть собственный ресторан, и все были уверены, что его ждет большой успех.

– Воры вломились в KFC, затаились в ожидании мистера Аташзая и напали на него утром из засады, – продолжил Оукли. – Они связали его, забрали ключи от сейфа и свалили, согласно бухгалтерской книге, с двумя тысячами фунтов.

– Судя по всему, изолента перекрыла ему ноздри, – заметил профессор Мант. – Так что, вероятно, причиной смерти стало удушение, или «беркинг», как это раньше называли.

> Уильям Берк и Уильям Хэр специально убивали людей, чтобы продавать их тела медикам для изучения человеческой анатомии по 10 фунтов за штуку.

В случае убийства некоторые эксперты до сих пор временами ссылаются на способ удушения, получивший название «беркинг» в честь печально известных убийств, совершенных Берком и Хэром. В то время (1828 год) единственным законным источником трупов для изучения медиками были казненные заключенные. Спрос был настолько большим, что некоторые врачи щедро платили, не задавая лишних вопросов, практически за любой труп, который к ним привозили. Обнаружив такой рыночный дефицит, Берк и Хэр, выбирая

жертв среди безнадежно пьяных людей, душили их (так на телах не оставалось видимых следов и их можно было продавать в «нетронутом» виде) и продавали до десяти фунтов за штуку. Им удалось продать дюжину трупов, прежде чем их поймали, казнили, и они оказались на секционном столе медицинской школы Эдинбурга.

В каком-то смысле за полтора с лишним столетия мы не особо далеко ушли. Хоть методы теперь и были другими и людей не убивали с единственной целью продать медикам, все равно существовал черный рынок частей тела. После завершения вскрытия некоторые судмедэксперты соглашались отдавать мозги медицинским школам для того, чтобы их изучали студенты. В то время это было совершенно законно (закон о человеческих тканях, принятый в 2004 году, положил конец подобной практике). Вместе с тем санитары порой продавали различные части тела, такие как мозги, глаза и кости, на медицинские исследования, производителям и университетам. Все это было крайне противозаконно, и мое разоблачение коррупции в морге мало способствовало прекращению подобной деятельности по всей стране, как я обнаружил впоследствии.

В процессе вскрытия стало ясно, что, хоть Вахид и мог вдыхать немного воздуха ноздрями, этого оказалось недостаточно, чтобы выжить, и он постепенно задыхался – безоговорочно ужасная смерть. Простое ограбление из-за участвовавших в нем идиотов обернулось убийством. У Вахида была молодая жена, которая пришла в морг вместе с четырехмесячным сыном Адамом. Обычно мне не составляет особого труда отделять эмоции от работы, но этот случай был очень непростым. Вида этой матери с ребенком вкупе со связанным телом, которое мы фотографировали на полу в морге, было достаточно, чтобы выбить слезу у любого.

Пожалуй, неудивительно – с учетом того, как неумело связали Вахида, – что оперативная группа старшего инспектора Оукли быстро нашла грабителей, проматывавших свою добычу. Эндрю Чангу не было и двадцати, а Энтони Таллу был двадцать один год. Возник вопрос, предъявлять ли им обвинение в умышленном или неумышленном убийстве, однако Королевская уголовная прокуратура согласилась, что, хоть грабители и были бездушными, они оказались еще и неумелыми. Они не собирались убивать свою жертву: хотели,

чтобы Вахид им не мешал и не поднял тревогу, когда уйдут. Обоих приговорили к двенадцати годам в тюрьме.

Вскоре у меня случилось дежавю, поскольку следующий случай убийства, с которым я столкнулся, также касался связанного тела с кляпом во рту. Жертвой оказался бывший дворник шестидесяти пяти лет по имени Дэвид Сандалл. Увидев распахнутой заднюю дверь в доме Дэвида, сосед, предположив ограбление, вызывал полицию. Констебль обнаружил связанного Дэвида с кляпом во рту на лестнице первого этажа.

Годом ранее Дэвид досрочно вышел на пенсию, получив наличными семь тысяч фунтов, так что, вероятно, грабители знали об этом и надеялись найти часть денег у него дома. Будучи вдовцом, последние полгода Дэвид жил в своем двухэтажном домике один, с тех пор как его квартирант и сын съехали.

Достав изо рта жертвы кусок ткани, мы обнаружили засунутый внутрь носок. Именно он и препятствовал попаданию воздуха из носа в легкие. Запястья и лодыжки были перевязаны электропроводом. Дом перевернули вверх дном, однако деньги Дэвида надежно хранились на его банковском счете. Поначалу считалось, что на Дэвида могла напасть все та же незадачливая парочка, что обчистила KFC, так как оба адреса располагались неподалеку друг от друга, но как потом выяснилось, убийц из KFC уже арестовали к тому времени, как был убит Дэвид. К несчастью, его убийца так и не был пойман.

*** * ***

И теперь нам нужно было разобраться с «вонючкой». По всему телу ползали личинки, и я постарался убить как можно больше раствором формальдегида.

Когда я принес тело в секционную, появилась Мэри с сигаретой в руке. Как обычно, на ней была дизайнерская одежда, которая, как я полагал, была куплена на заработанные в качестве модели деньги. Ее вид в тот момент явно не соответствовал обстановке.

– Мать вашу, Питер, – сказала она, разрушив свой утонченный образ акцентом кокни. – У нас что, нет гребаного освежителя воздуха?

Я покачал головой.

– Сожалею, но нет. В любом случае, толку от него было бы немного. Да и вытяжные вентиляторы у нас сейчас мощнее некуда, так что, боюсь, нам просто придется стиснуть зубы и смириться с этим.

Я вынужден был согласиться, что это было запредельно отвратительно: вонь была настолько сильной, что прошибал пот.

> В процессе разложения гниющие мягкие ткани отделяются, и на коже появляются огромные дыры.

Предыдущим летом Мэри взяла в привычку в обеденный перерыв загорать на крыше вместе с Салли, что произвело фурор в морге и коронерском суде, поскольку практически каждый мужчина старался запланировать свой обед или продолжительный перекур так, чтобы успеть на них поглазеть. Мэри без конца поступали приглашения на свидания и обещания хорошо провести время, и хотя она с удовольствием обменивалась шутками с ритуальными агентами и помощниками коронера, все же всегда напоминала им о том, что состоит в счастливом браке.

– Я ждала возможности извиниться перед вами, Питер, – продолжила она, держась на расстоянии с зажатым рукой носом.

Я принялся внимательно изучать нашего «вонючку». В процессе разложения, когда тело раздувается от газов, гниющие мягкие ткани отделяются, и на коже появляются огромные дыры. Через эти отверстия должны проходить полоски ткани, появляющиеся в результате растяжения разлагающихся мягких тканей, – примерно так ведет себя незастывший клей. Я проверял, так ли это, потому что любые отверстия без таких полос указывали бы на колотую рану. Подняв голову, я с удивлением посмотрел на Мэри. Я уже махнул на нее рукой, поскольку она появлялась на работе один день из пяти, и вместо этого стал больше полагаться на юную Салли.

Неужели Мэри собиралась пообещать измениться к лучшему? Я посмотрел на ее с надеждой во взгляде.

– Это все мой муж Том, – сказала она. – Понимаете, мне непросто об этом говорить, но он в тюрьме.

– Ох, жаль это слышать, – ответил я, не придумав ничего получше в ответ.

– Он всегда был немного негодяем, – продолжила она, – но он пытается, правда.

– Я думал, он работает в мясной лавке.

– Да, работает, точнее, работал. Он пытался вести порядочную жизнь, но его приятели плохо на него влияют, понимаете. И порой он бывает агрессивным. Он уже отсидел полтора года за тяжкие телесные. Мы с Джеком живем в постоянном страхе.

Джеком звали ее сына.

– Почему же ты от него не уйдешь?

– Это не так просто. Он найдет меня всюду, куда бы я ни делась. С этой работой я хоть смогла немного вздохнуть спокойно, но он скоро выходит, и я напугана. Понимаете, я ему изменяю.

– Серьезно? Я его знаю?

– На самом деле, да. Это Бен Кларк.

От удивления у меня отвисла челюсть.

– Неужели сержант Бен Кларк с Лондонского моста?

Бен был строгим, но справедливым детективом убойного отдела, который частенько бывал у нас в Саутуарке, и я был уверен, что он женат. Я даже и подумать не мог.

– Что ж, у тебя определенно интересная жизнь, – добавил я, снова не придумав ничего лучше. – Спасибо, что рассказала, однако не могла бы ты постараться бывать здесь почаще, чем в последнее время?

– Я буду, босс, обещаю.

– Отлично. В таком случае не могла бы ты подготовить стол для вскрытия, а затем позвать профессора Манта из комнаты для родственников? Я собираюсь получше изучить этого товарища.

Пока Мэри гремела, собирая различные инструменты и контейнеры, я нагнулся, чтобы внимательней осмотреть одно из отверстий. Оно располагалось прямо над сердцем, и поперек него не проходили полоски тканей. Взяв увеличительное стекло, я изучил полость и обнаружил на окружающих тканях кровоподтеки. Колотая рана. Я знал, как это бывает в теории, но на практике видел впервые.

Под руководством профессора Манта я проводил первое в жизни вскрытие жертвы убийства вместе со своим облаченным в дизайнерскую одежду ассистентом и осознал, насколько сильно во мне нуждаются. Я понял, что никто из подходящих для этой работы людей за нее в жизни не возьмется из-за плохой репутации нашего морга.

Профессор Мант больше не сможет никого попросить помочь, когда его будет подводить спина, ведь он никому не доверял так, как мне.

Я был нужен моргу.

Я был нужен мертвым.

Я вернулся домой с так и не отправленным заявлением на увольнение в кармане пиджака.

– А что мне еще делать? – сказал я отчаявшейся Венди. – Ни в один другой морг меня теперь не возьмут, а больше я ничего не умею. Мы лишимся этой квартиры и не сможем оплачивать аренду без постоянного заработка. Мне придется остаться и надеяться, что все образуется.

17. Проблема с Пекхэмом

Декабрь 1986 года

Обычно рассвет в Пекхэме – этот не тот вид, что будоражит душу, и сегодняшний день не был исключением. К мрачной серости бетона микрорайона Северный Пекхэм[38], с его темными лестничными клетками и коридорами, граффити с орфографическими ошибками, огромными переполненными мусорными контейнерами, неприятными запахами и катастрофической нехваткой зелени, добавился вид констебля, срыгивающего в какие-то тщедушные кусты, увядавшие у входа в пятиэтажку.

Мы с профессором Мантом регулярно бывали на местах преступлений в пределах так называемого Бермондского треугольника, который простирается от Лондонского моста до Пекхэма и идет обратно по Олд-Кент-Роуд к Бермондси. Это место назвали в честь Бермудского треугольника из-за большого количества необъяснимых пропаж имущества и людей в его границах.

Исторически сложилось, что криминал в Саутуарке был развит примерно так же, как политика в Вестминстере. Этот район славился своей преступностью еще со времен, когда Генрих VIII запретил проституцию в 1546 году, вынудив развитую секс-индустрию Саутуарка XVI века уйти в подполье.

С тех самых пор Саутуарк и Ламбет считались позорными придатками Серверного Лондона, привлекавшими самых отъявленных негодяев. К моменту наступления викторианской эпохи Южный Лондон стал пристанищем для самых гадких индустрий: кожевенных заводов, клееварен, свалок, психиатрических лечебниц и тюрем, а также, что было неудивительно, для преступности.

Саутуарк остается «рудным» боро[39] для лондонской полиции и по сей день, однако в 1980-х он был сродни Дикому Западу. Как однажды сказал эксперт с четвертой радиостанции: «В Северном Лондоне мы ставим синие таблички, чтобы чтить память когда-то живших в этих зданиях великих людей. В Южном же Лондоне вместо них висят эти желтые доски – ну вы знаете, про убийства,

поножовщины, изнасилования, призывы к свидетелям преступлений, в общем, подобные штуки».

Чаще всего, пожалуй, меня вызывали на место убийства именно в микрорайон Северный Пекхэм и его окрестности.

Северный Пекхэм был одним из самых бедных районов во всей Западной Европе. Будучи крупнейшим из пяти микрорайонов муниципальной застройки Пекхэма, он состоял из 65 пятиэтажек более чем на 40 акрах земли, в которых располагалось почти полторы тысячи квартир. Когда он был построен в середине 1960-х, его провозгласили видением будущего, первоклассным примером «улиц в небе». Якобы это экономичный способ использования пространства, идеальная среда для лондонских бедняков. Разумеется, такое видение осталось исключительно в мечтах архитекторов и проектировщиков, и в 1980-х местные жители регулярно становились жертвами поджогов, краж со взломом и уличных ограблений. Всего за одну неделю в 1987 году полиция зафиксировала 70 случаев разбоя.

> Район Лондона, в котором находился наш морг, был известен своей преступностью еще с середины XVI века.

В то время уровень безработицы в Пекхэме составлял 31 процент (самый высокий в Лондоне), тогда как для жителей в возрасте от шестнадцати до девятнадцати лет он достигал умопомрачительных шестидесяти двух процентов. Как сказала местный советник по вопросам занятости Мэри Эллери: «Безработица выбила из людей все дерьмо. Консультанты по профориентации приходили с плохими новостями в школу, когда детям было четырнадцать, и с того момента они знали, что смысла стараться нет. Нужно лишь научиться писать свое имя да знать, как получить пособие. Если ты старше сорока, то ты в полном дерьме».

В этом контексте кражи, на которых можно было зарабатывать сотни фунтов в неделю (обычный рабочий или сотрудник магазина получал в неделю фунтов 40–50), были заманчивой возможностью, равно как и ограбления банков или инкассаторов. Кроме того, относительно недавно расцвела торговля тяжелыми наркотиками, на которой можно было сколотить целое состояние. Помимо марихуаны, амфетамина и героина, в середине 1980-х в Англию начал поступать

новый дешевый и вызывающий сильную зависимость наркотик под названием крэк. Так как жители Северного Пекхэма при первой возможности оттуда съезжали, в домах селились сквоттеры (которые зачастую были наркоторговцами). Вскоре на крэк подсели многие местные, и, нуждаясь в огромном количестве денег на удовлетворение своих ежедневных потребностей (в день на крэк у одного наркомана могло уходить от ста до трехсот фунтов), наркоманы вовсю занялись кражами и разбоем.

В ответ на всплеск преступности городской совет установил решетки на окнах первых этажей, а также обеспечил жителей бронированными дверями. Подобные меры, может, и помогли в предотвращении краж со взломом, но придали этому месту еще более зловещий вид, а в некоторых случаях помогли торговцам крэка укрепить свои логова. К середине 1980-х многие жители считали, что единственным решением был полный снос, однако, поскольку в очереди на жилье в Саутуарке стояло двадцать четыре тысячи человек, это посчитали невозможным – не стоит к тому же забывать, что в то время муниципалитет был почти банкротом (у районных властей не было денег даже на то, чтобы выселить сквоттеров). В 1979 году бюджет Саутуарка на содержание тридцати шести тысяч домов составлял шестьдесят миллионов фунтов. В 1980-х премьер-министр Маргарет Тэтчер запустила программу жесткой экономии, в результате которой бюджет Саутуарка урезали до двадцати восьми миллионов. В довершение ко всему, благодаря упраздненному по указу Маргарет Тэтчер Совету Большого Лондона, Саутуарку пришлось взять на себя заботу еще о двадцати шести тысячах зданий.

*** * ***

Нас встретил старший инспектор Мелвин, и вместе мы забрались по темной лестнице (лифты не работали) на третий этаж, остановившись у первой квартиры слева. На лестничной клетке с недовольным видом стояли жители дома: место преступления преграждало им проход в собственные квартиры.

– Соседи вызвали нас, когда увидели выбитую входную дверь, – сообщил Мелвин, закуривая сигарету. – Она была закрыта, но висела

под странным углом. Констебли думали, что это очередная кража, но в ванной обнаружили тело. Видок не из приятных.

– Мы так и подумали по реакции вашего коллеги, – сказал профессор Мант.

Мелвин повел нас внутрь, и, следуя за ним, я обратил внимание, что находившаяся слева от нас кухня была пустой, не считая всякого барахла на столе, наверняка использовавшегося для расфасовки наркотиков: электронных весов, ножа, полиэтиленовой пленки, а также нескольких разбросанных на полу монет. Единственными следами пищи были две коробки из-под фастфуда – вероятно, это был последний ужин жертвы. Когда мы прошли дальше по коридору, я увидел кровавые разводы на стене. Застеленный ковром пол был весь испачканный и в пятнах. Далее располагалась гостиная. Она была темной и грязной, с сильным запахом сырости и гниющего ковра. Я увидел банки из-под пива на полу, а еще принадлежности для расфасовки наркотиков на импровизированном столике, представлявшем собой деревянный поддон с лежащей поверх него половиной двери.

– У жильцов его смерть особого сочувствия не вызвала, – заметил Мелвин, ведя нас вверх по лестнице. – Известный наркоторговец. Судя по всему, он подсадил на крэк немало людей. Местные были от него в ужасе.

Когда мы дошли до двери в ванную, Мелвин отошел в сторону.

> Я заглянул в ванну: два небольших бело-розовых шарика плавали на поверхности воды между ног жертвы. Это были его яички, отрезанные от мошонки.

Ванная комната была небольшой: меньше двух метров в ширину и чуть больше двух в длину. Я увидел руку жертвы, перевешенную через край ванны, в которой он лежал. Поднявшись на цыпочки, чтобы заглянуть через плечо профессору Манту, я обнаружил розовую от крови, но совершенно прозрачную воду. Два небольших бело-розовых шарика плавали на поверхности воды между ног жертвы. Это были его яички, отрезанные от мошонки. Профессор Мант с трудом наклонился, неуклюже перегнувшись через край ванны.

– Не против, если я спущу воду? – спросил он.

– Безусловно.

Когда розовая вода стекла, травмы мужчины стали отчетливо видны.

– Его многократно ударили ножом в область сердца, – сказал профессор Мант. – Безо всякого сомнения, убийца хотел его прикончить. Судя по количеству крови, я бы сказал, что кастрировали его уже после смерти.

– Мы думаем, что это дело рук другого торговца наркотиками, его конкурента, – сообщил Мелвин. – Торговля крэком сейчас процветает. Этот парень с Ямайки, и на родине его разыскивала полиция. Самую большую опасность представляем не мы, а конкуренты. Я никогда ничего подобного не видел: они без задней мысли стреляют, режут и избивают друг друга до смерти.

Жертва убийства был ярди[40] и уже скрывался от американской и ямайской полиции. Они начали прибывать в Англию пачками, готовые прилично заработать на крэке, – тогда еще новинке в нашей стране. Ямайка была перевалочным пунктом для кокаина, направлявшегося из Южной в Северную Америку. С появлением легко производимого крэка, который вызывает сильную зависимость и стоит дешевле остальных тяжелых наркотиков, ярди, оставшиеся в Англии без семейных связей, увидели возможность по-быстрому разбогатеть. Кроме того, им нравился тот факт, что английские полицейские не носили оружие.

Когда профессор Мант закончил осмотр, я сделал набросок места преступления и провел некоторые измерения. С нашей точки зрения, дело было довольно однозначным, но Мелвину предстояло изрядно попотеть, чтобы поймать убийцу.

– То, что ему отрезали яйца, было явным предупреждением, – сказал он, в то время как полицейский в штатском принялся снимать заградительную ленту, чтобы пропустить жителей. – Если кто-то вздумает перейти этому парню дорогу, его ждет подобная участь. Найти свидетелей, не говоря уже о тех, кто согласится дать показания, будет задачей не из легких.

Мы пожелали ему удачи и пошли по своим делам. Спускаясь по лестнице, мы прошли мимо женщины на площадке второго этажа. У нее была коляска с ребенком.

– Не поможете? – спросила она. – Лифт снова сломался.

Извинившись за больную спину профессора Манта, я взялся за коляску с одной стороны и помог юной даме ее спустить.

– Раньше это было приятное место, – сказала она. – В смысле, здесь всегда были свои проблемы, но за последние два года оно превратилось в сущий кошмар. Иглы в коридоре. Дети, писающие на лестничной клетке. Кражи и разбои. Мне уже приходилось ранее переступать через отрубившихся прямо на этой лестнице торчков.

Я ощутил едкий запах застоявшейся мочи и крепкого пива, в то время как смотрел в глаза этому невинному дитя, сидевшему передо мной в коляске. Разве можно было в подобном месте растить ребенка? Какое будущее его ожидало? Одновременно меня поразило осознание того, что мы с Венди растили собственного сына примерно того же возраста всего в десяти минутах езды отсюда.

Я почувствовал нарастающую тревогу. Конечно, тогда я этого не знал, но приближался к нервному срыву. Вскоре после того как увидел этого ребенка в коляске, я ощутил, как внутри меня что-то надломилось, словно образовалась очередная трещина в плотине, которую неизбежно должно было прорвать. Меня накрыла колоссальная тревога. Сказать об этом, однако, я никому не мог. Во-первых, я не знал, что именно со мной происходит, и уж точно не хотел лишний раз волновать Венди. Мне только и оставалось, что изображать спокойствие и продолжать делать свое дело. И не то чтобы у меня не было возможности сосредоточиться на своих чувствах: они всегда были здесь, в этой разрушающейся плотине, трещины в которой все расширялись с каждым новым трупом.

Внизу лестничного пролета мы попрощались, и, когда женщина ушла, натолкнулись на детектива-констебля, которого стошнило при нашем прибытии.

– Ты в порядке? – поинтересовался я. – Скверный случай попался, конечно.

Все еще бледный, он, однако, уже был в состоянии разговаривать.

– Никому не пожелал бы подобной смерти, – сказал он. – Но видели бы вы всех тех жертв грабежей и разбоев, с которыми я сталкиваюсь каждый день. Видели бы вы, что это делает с человеческой уверенностью. Это их меняет. Конечно, подобный способ мне не особо по душе, однако я рад, что хоть одним торговцем наркотиками сегодня стало меньше.

Что касается того, поймал ли Мелвин убийцу, это было одно из тех дел, результаты которого остались мне неизвестны попросту потому, что нам не всегда все рассказывали. Порой мы узнавали обо всем, когда одного из профессоров вызывали на суд давать экспертные показания, либо попросту пересекались с кем-то из детективов и спрашивали: «Так что случилось с тем-то старым делом?» В противном случае мы часто оставались в неведении.

*** * ***

Два дня спустя нас с профессором снова вызвали в тот же самый микрорайон Пекхэма. Еще одной довольно странной особенностью жизни в таких микрорайонах было то, что практически невозможно было (по крайней мере, в те дни) защитить место преступления от посторонних глаз, а в некоторых случаях и от проникновения, поскольку соседи располагались совсем рядом и люди жили друг над другом.

Когда мы прибыли, казалось, будто там проходит какой-то фестиваль. Люди высовывались из окон пятиэтажки П-образной формы. Причиной тому был труп, который лежал за стенкой около метра высотой, ограждающей окна квартир на первом этаже от внутреннего двора. Полицейских почти не было – лишь два констебля и детектив-инспектор Пемери, – но пожарная бригада присутствовала в полном составе – они только закончили тушить пожар в квартире жертвы.

Пемери извинился за отсутствие оцепления, объяснив это нахлынувшей на Саутуарк волной преступности, из-за которой полицейские были рассредоточены по всему боро. Два констебля, вероятно, понимая бесполезность своих попыток, практически никак не старались запретить людям подглядывать, так что за нашими с профессором действиями пристально наблюдали пятьдесят доморощенных детективов, куривших и обсуждавших происходящее неподалеку от нас, в то время как мы занимались осмотром тела.

Мы обычно узнавали, чем закончилось дело, только если одного из профессоров вызывали в суд для экспертных

показаний или вообще случайно, Но часто просто ничего не знали.

Жертва была женщиной двадцати с лишним лет, она была раздета и сильно обгорела. Кожа местами была обуглена дочерна, а кое-где слезала с тела. Тело было неуклюже согнуто, и осматривать его в узком проходе между невысокой оградой и стеной пятиэтажки было неудобно. Наклонившись, чтобы рассмотреть получше, профессор Мант схватился за спину.

– Давай, Квинси! – закричал кто-то сверху, ссылаясь на популярный в то время американский сериал про детектива-судмедэксперта. – Расскажи же нам, кто это сделал!

Не обращая внимания на смех, профессор Мант продолжил осмотр, а я сделал набросок места преступления и провел измерения. Обернувшись, чтобы осмотреть окружение, я увидел маленького мальчика лет пяти – шести, который отделился от компании друзей и бежал в нашу сторону. Перепрыгнув через стену, он со смехом приземлился рядом со мной, быстро забрался обратно и снова убежал.

Его родители (во всяком случае, я решил, что это были они), высунувшись из окна прямо над нами, закричали ему с улыбками на лицах: «Майкл, перестань!», в то время как он повторял свою проделку снова и снова под равнодушные взгляды двух констеблей.

– Похоже, причина смерти – асфиксия в результате удушения, – в конечном счете сказал профессор Мант, жестом подозвав инспектора Пемери, который все это время находился в квартире. Профессор Мант указал на красный шарф, обмотанный вокруг шеи женщины.

– Сначала она получила ожоги. Судя по их размерам и форме, ее, вероятно, пытали утюгом.

– Полагаю, убийца устроил поджог, чтобы уничтожить улики, – ответил Пемери. – Но как тогда тело оказалось здесь на всеобщем обозрении?

– Этого я сказать не могу, – ответил профессор Мант. Это так и осталось загадкой, хотя убийцу – парня женщины, за которым числилось немало насильственных преступлений, – вскоре поймали при попытке пересечь границу с Францией.

*** * ***

Еще более загадочное происшествие случилось в Пекхэме вскоре после этого, и снова в его расследовании принял участие профессор Мант. Мы прибыли к сборному дому с верандой 1950-х годов постройки, обнаружив последствия пожара. В этом ничего необычного не было, но то, что ожидало нас внутри, стало для меня полной неожиданностью.

Проведя нас внутрь, детектив сказал:

– Нам хотелось бы знать, могло ли это быть убийством или попыткой скрыть его следы, однако, думаю, вам придется изрядно попотеть.

Сгорело только кресло посреди гостиной, от которого остался лишь каркас, в то время как у его основания находились две бедренные кости и обугленные останки двух ступней в резиновых шлепанцах. Подойдя ближе, чтобы лучше все рассмотреть, мы обнаружили горстку сального человеческого пепла и фрагменты костей, находившиеся в пределах каркаса сиденья.

Мы с профессором Мантом обменялись ошеломленными взглядами. Могло ли это быть настоящим случаем спонтанного самовозгорания человека (ССЧ)?

> Совершенно не удивительно, что практически все жертвы так называемого спонтанного самовозгорания человека были курильщиками, и многие употребляли алкоголь.

Согласно этой странной и, пожалуй, псевдонаучной гипотезе, огонь может зарождаться в человеческом теле. Это явление подробно обсуждалось в одной статье «Британского медицинского журнала» в 1938 году. По словам авторов, для всех случаев самопроизвольного возгорания человека были характерны определенные особенности:

• жертвы были хроническими пьяницами;

• как правило, они были пожилыми женщинами;

• тело не сгорало самопроизвольно – с ним в контакт вступало некое зажженное вещество;

• кисти рук и ступни, как правило, отваливались;

• огонь практически не наносил вреда подверженным горению предметам, которые контактировали с телом;

• после возгорания тела оставался жирный и ужасно пахучий пепел[41].

В 1984 году ученый-исследователь Джо Никелл совместно с криминалистом Джоном Фишером запустил двухлетний исследовательский проект по изучению тридцати предполагаемых случаев самопроизвольного возгорания людей. Опубликованное в журнале Международной ассоциации расследований поджогов, их исследование показало, что жертвы якобы самопроизвольного возгорания находились неподалеку от потенциального источника огня, такого как свеча, лампа или камин. Они обнаружили, что свидетели порой «забывали» упомянуть об их наличии, чтобы иметь возможность поделиться загадочной историей, либо так им хотелось верить в ССЧ.

Изучив место, я обнаружил в каждой комнате по переполненной пепельнице, а в мусорном ведре на кухне валялось несколько бутылок дешевого скотча. Наша потенциальная жертва ССЧ был заядлым пьяницей и курильщиком.

– Вполне вероятно, что у него случился приступ, когда он курил, – сказал профессор Мант, – и от этого он и умер. От сигареты у него загорелась одежда, в то время как набивка кресла послужила топливом.

В те времена, в 1980-х, примерно каждая четвертая смерть в результате пожара была следствием оброненной сигареты.

– Я удивлен, что пламя не распространилось дальше, – подумал я вслух, пораженный этой незабываемой сценой. Обугленные остатки уничтоженного кресла стояли посреди в остальном нетронутой – не считая повреждений от дыма, от которого почернели стены, а на каждой поверхности осталось немного гари – гостиной.

– Мне доводилось об этом читать, – сказал профессор Мант, – однако собственными глазами никогда не видел.

Пока он говорил, я взял свой фотоаппарат и принялся делать снимки.

– Это называется «эффект фитиля». По мере сгорания тела жир плавится и впитывается окружающими материалами, такими как набивка кресла, которые затем медленно и равномерно сгорают в направленном вверх пламени, из-за чего растапливается еще больше телесного жира, и процесс продолжается, пока не остается вот это.

Можно ведь сидеть вплотную у костра и при этом не обжечься. Что ж, тут примерно то же самое.

Погибший мужчина жил один и поставил свое любимое кресло посредине гостиной, напротив телевизора. Больше рядом ничего, что могло бы сгореть, не было. Датчики дыма отсутствовали, его сборный дом стоял в уединении, скрытый от глаз заросшим садом, поэтому соседи не увидели исходящее от него странное, должно быть, сияние.

Эти сборные дома заводского изготовления были возведены здесь в конце 1940-х годов и предполагались лишь как временное жилище – экстренная мера по преодолению жилищного кризиса после Второй мировой войны. Более ста пятидесяти шести тысяч таких домов были выделены муниципалитетам по всей стране, и к концу 1950-х их уже должны были снести. Когда же план по сносу попытались реализовать в 1960-х, жители сплотились и успешно отстояли свои жилища. Некоторые из домов все еще стояли в начале XXI века, а последний оставшийся сборный дом, когда-то стоявший на одной улице с нашим человеком-свечой, был продан застройщику в 2015-м году за девятьсот пятьдесят тысяч фунтов.

Только мы покинули место происшествия, как профессору Манту, обладателю редкой на то время роскоши – телефона в машине, установленного для профессиональных целей, – позвонили. Шестнадцатилетнего подростка зарезали в ресторане «Макдоналдс» на Пекхэм-Рай.

Когда мы туда прибыли, начался пятничный час пик. Улица со множеством магазинов кишела людьми. У оцепления собралась большая толпа – настолько большая, что нам с профессором Мантом пришлось протискиваться, прежде чем заметивший нас детектив проводил к месту преступления.

Рядом с телом парня, скорчившимся в луже собственной крови, стоял инспектор Джон Каннинг, поприветствовавший нас кивком.

– Вы двое уже как мои постоянные партнеры, – сказал он, доставая сигарету.

Тело выглядело крошечным, словно принадлежало ребенку.

– Сколько ему? – спросил профессор Мант.

– Шестнадцать. Он жил с родителями в микрорайоне Консорт неподалеку.

– Маловат для своего возраста, – заметил профессор Мант, нагнувшись, чтобы рассмотреть тело ближе, и тут же сморщился от боли.

– У нас полно свидетелей, так что, думаю, все и так понятно. Он убирал после загруженного обеденного перерыва, когда в ресторан зашел какой-то мужчина и напал на него. Сначала коллеги подумали, что он бьет парня кулаками, но потом увидели кровь и поняли, что у нападавшего нож.

– Четыре ножевых ранения, – сказал профессор Мант, – и все в спину.

– Мы же в Пекхэме и коллеги жертвы не побоялись ножа. Они навалились на нападавшего и удерживали его до нашего приезда. К тому времени парень был уже мертв.

– Судя по всему, один из ударов ножа прошел между лопаткой и грудной клеткой, пронзив сердце. Скажу точно после вскрытия, однако, судя по группированию ударов, я бы сказал, что убийство было умышленным.

> Никогда нельзя делать поспешных выводов о причинах убийства. Но всегда хочется считать, что у убийцы был давний мотив.

Хоть опыт и научил нас не делать скоропалительных выводов, когда дело касалось убийства, подозреваю, каждый из нас думал, что у убийцы должен быть на свою жертву зуб – может быть, из-за девушки, наркотиков или денег. Когда же инспектор Каннинг разузнал об убийце из Пекхэма больше, на деле все оказалось иначе. Он, молодой человек двадцати с небольшим лет, страдал от психического расстройства и ранее провел четыре года в лечебнице Бродмур за нападение с консервным ножом на женщину (именно туда отправили Кеннета Эрскина сразу же после суда).

Хуже того, как выяснилось, обвиняемый ранее заявлял, что его не следует выпускать, и психиатры из больницы Модсли в Камберуэлле, где он проходил лечение после освобождения, согласились с ним и рекомендовали вернуть его в Бродмур. Там, однако, решили, что он принесет больше пользы обществу на свободе.

Тогда убийца решил взять все в свои руки. Он покинул свой дом в Пекхэме с целью кого-нибудь убить, чтобы его вернули в Бродмур. Свою жертву – тихого, вежливого и трудолюбивого шестнадцатилетнего парня – он выбрал потому, что тот был маленьким и вряд ли бы дал какой-то отпор.

В тот период, несмотря на жилищный кризис, в микрорайонах Пекхэма начался массовый отъезд людей. Условия ухудшились настолько, что все, у кого была возможность убраться оттуда, воспользовались ею. За год сменились владельцы примерно 20–25 процентов квартир, и до 70 процентов жителей подали заявку на переселение в другой район. Из-за того, что дома были свободными и в них заселились сквоттеры (еще больше способствуя упадку районов), а находить арендаторов становилось все сложнее, многими новыми жителями оказались бывшие обитатели больницы Модсли и других психиатрических лечебниц в рамках программы реабилитации (которая на деле была лишь уловкой правительства с целью сэкономить деньги).

Как и следовало ожидать, убийцу, признанного судом виновным в неумышленном убийстве на основании ограниченной вменяемости, оставили в заключении на неопределенный срок. Желаемого возвращения в Бродмур, однако, он так и не добился, потому что лечебница была переполнена, и его отправили куда-то еще.

Убитый горем отец парня сказал журналистам: «Будь моя воля, я бы этого человека повесил… Если через десять лет я увижу его на улицах Пекхэма, прикончу. Может, меня и упрячут за это в тюрьму, но мне будет намного легче от мысли, что человек, забравший у меня сына, мертв».

*** * ***

В непростой ситуации, сложившейся в этих микрорайонах, многие винили правительство, которое хотело сэкономить, сократив финансирование социальных служб, обеспечивавших поддержку бедных и уязвимых слоев населения. Хоть микрорайон Северный Пекхэм и был возрожден (с переменным успехом) в начале 2000-х, для многих людей было уже слишком поздно. Пожалуй, наиболее печально

известным из них стал десятилетний Дамилола Тэйлор. В ноябре 2000 года на Дамилолу на темной лестничной клетке в Северном Пекхэме напали грабители. Он упал на битое стекло, повредившее его бедренную артерию. Нападавшие, которые были ненамного старше жертвы, оставили Дамилолу истекать кровью, и тот в итоге скончался. Понадобилось шесть лет и три судебных процесса, чтобы установить личности напавших и признать виновными в неумышленном убийстве.

В настоящее время мы наблюдаем повторение роста насильственной преступности и социального вырождения благодаря так называемой политике строгой экономии, призванной помочь коалиционному, а затем и консервативному правительству с выплатой долгов английских банков, которые настолько плохо управляли деньгами своих клиентов, что те едва не разорились. Правительство решило выделить банкам восемьсот пятьдесят миллиардов фунтов и, вместо того чтобы потребовать вернуть их с процентами, решило сэкономить за счет сокращения бюджета социальных служб: от здравоохранения до образования; от социальных проектов до жилищной сферы. Это решение стоило жизни многим людям и привело к еще более страшной ситуации, чем в Пекхэме 1980-х.

> Убийцу, признанного судом виновным в неумышленном убийстве на основании ограниченной вменяемости, оставили в заключении на неопределенный срок.

Так, например, в 2019 году межпартийная парламентская группа по преступлениям с применением холодного оружия опубликовала результаты исследования, которое показало, что в четырех регионах страны, где сокращение расходов на молодежь урезали больше всего (вплоть до 91 %), в период с 2014 по 2018 год наблюдался самый большой рост таких преступлений.

Как сказала член парламента Сара Джонс, возглавляющая эту межпартийную парламентскую группу, состоящую из членов парламента и палаты лордов: «Социальная помощь молодежи – это не просто приятное дополнение… Нам не стоит надеяться остановить эпидемию преступлений с применением огнестрельного оружия, если мы не начнем вкладываться в нашу молодежь. Каждый раз, когда я разговариваю с молодыми людьми, они говорят одно и то же: им

нужно больше позитивной деятельности, больше безопасных мест, чтобы проводить время с друзьями, а также программы, которые помогали бы расти и развиваться».

В течение изученного периода полиция Уэст-Мидлендс зафиксировала 87 %-ный рост преступлений с применением холодного оружия; в Лондоне этот рост составил 47 %, в Кембриджшире – 95 %, а в Долине Темзы – 99 %. В общей сложности в Великобритании в 2018 году в результате ножевых ранений были убиты 732 человека, а в 2017-м – 655 – это самые высокие показатели с 2007 года. Деньги, может, и удалось сэкономить, закрыв общественные центры и программы помощи молодежи, однако потребовалось в разы больше денег, чтобы провести все дела о преступлениях через систему, отдать преступников под суд, отправить в тюрьму, а затем на попечение службы условно-досрочного освобождения.

> Юношу зарезали прямо на улице, на выходе из китайской забегаловки. Напавшим не были нужны деньги: они позарились на еду, которую юноша купил навынос.

Одновременно с этим значительные сокращения финансирования происходят и в полиции. Разумеется, подробный анализ выходит за рамки этой книги, но чтобы понять, с какими серьезными проблемами мы столкнулись, достаточно взять в руки выпуск газеты «Новости Саутуарка», как это сделал я однажды в июле 2018 года, прочитав о зарезанной семнадцатилетней девушке по имени Катрина Макунова; о двух случаях поножовщины, случившихся в нескольких кварталах друг от друга за один день в Пекхэме; а также о марше, устроенном местными жителями района Ротерхит, чтобы «вернуть» его себе после того, как одну мать, гулявшую вместе с детьми, убили, во время ограбления приставив нож к горлу.

Согласно моим документам, в следующий раз в тот год меня вызвали в Пекхэм на место убийства юноши, зарезанного прямо на улице, на выходе из китайской забегаловки. Подросткам, напавшим на него, не были нужны деньги: они позарились на еду, которую юноша купил навынос. Завязалась драка, и в итоге он умер от потери крови прямо на асфальте.

Если я что-то и усвоил за годы работы заведующим моргом, так это следующее: как только правительство начинает урезать финансирование жизненно важных государственных служб, тела начинают поступать чаще.

18. Опасная бесчувственность

Январь – июль 1987 года

– А я думал, что уже видел все, – сказал старший суперинтендант Грэм Мелвин, когда мы собрались вокруг тела убитого пенсионера. – От Стоквеллского душителя до терактов ИРА и детоубийств. Но это… – его голос оборвался.

– После войны меня больше уже ничего не удивляет, – тихо сказал профессор Мант.

Разумеется, профессор Мант видел все. Недавно я побывал на одной из его лекций (на которых он порой радует студентов, демонстрируя настоящие орудия убийства), посвященной работе по разоблачению бесчеловечных экспериментов нацистов. Эксгумируя останки и опрашивая выживших и подозреваемых, Мант доказал, что (помимо бесчисленных других немыслимо жестоких экспериментов) офицеры СС стреляли в ноги детям, после чего позволяли распространиться в ранах инфекции, чтобы изучить развитие гангрены и попытаться выработать новые методы ее лечения.

С первого взгляда с лежащим перед нами телом не было ничего необычного. Мужчина из Пекхэма по имени Гарри Джонсон, семидесяти трех лет, скорее всего, убитый одиночным ножевым ранением в живот. Экстраординарным в этом преступлении был убийца, ожидавший в тот момент допроса в полицейском участке Саутуарка.

Ему было всего десять лет.

> Даже в случаях очевидной причины смерти необходимо делать вскрытие: у жертвы, например, мог случиться сердечный приступ, который и оказался настоящей причиной смерти.

Мальчик, оказавшийся опытным вором-форточником, проник в дом мистера Джонсона в предрассветные часы прошлой ночью, забравшись по водосточной трубе на заднем дворе и проскользнув внутрь через открытое окно. Тогда-то жена Гарри, Бернис,

шестидесяти восьми лет (они прожили вместе сорок лет), и услышала какой-то шум. Когда она пошла проверить, в чем дело, мальчик побежал на первый этаж, где его попытался остановить мистер Джонсон. Мальчишка достал нож и ударил им мистера Джонсона в живот. Мистер Джонсон умер от потери крови в машине скорой помощи по дороге в больницу Гая – все это время Бернис держала его за руку. В подобных случаях всегда требовалось проведение вскрытия: у мистера Джонсона вполне мог случиться сердечный приступ, который его и убил, и адвокат защиты тогда бы заявил, что жертва могла бы и пережить ножевое ранение, тем самым переквалифицировав умышленное убийство в неумышленное.

Тем не менее профессор Мант подтвердил, что в данном случае причиной смерти стало кровоизлияние из-за колотой раны в поперечной ободочной кишке. В свои десять лет мальчик только достиг возраста наступления уголовной ответственности, и после признания вины его приговорили к неопределенному сроку в колонии для несовершеннолетних, продолжительность которого должны были определить психиатры.

*** * ***

Мое собственное психическое состояние тем временем становилось все более опасным. Казалось, стараясь со всем справиться, мой мозг попросту отключил центры, отвечающие за эмоции, и с каждым днем я становился все более черствым. Со стороны все выглядело так, будто я прекрасно справляюсь: я приезжал на вызовы и задерживался допоздна в морге, чтобы убрать. Я вовремя заполнял все бумаги и иногда даже находил время на чтение лекций по работе морга больничным медсестрам и экстренным службам.

> Мне действительно нравилась моя работа: это было единственное, чем я когда-либо хотел заниматься, и единственное, что увлекало меня по-настоящему. До нервного срыва.

Среди всех боро Великобритании морг Саутуарка был одним из самых – если не самым – сложных в управлении, однако, несмотря на нехватку персонала, и уж определенно нехватку компетентного персонала, морг каким-то чудом держался – едва-едва, – и я старался производить впечатление, будто наслаждаюсь своей жизнью в процессе.

После смерти профессора Джонсона мы с профессором Мантом стали регулярно работать вместе. Профессор Мант, со своими аккуратно подстриженными усиками поверх поджатой верхней губы, решительным голосом – во рту у него часто можно было увидеть одну из его фирменных сигар – и неограниченными знаниями вкупе с любовью к работе (которой он продолжал заниматься, несмотря на мучительные боли в спине), был подлинным источником вдохновения.

Я всячески старался соответствовать его уровню. И мне действительно нравилась моя работа: это было единственное, чем я когда-либо хотел заниматься, и единственное, что увлекало меня по-настоящему: между тем, теперь от моего увлечения ничего не осталось.

Внутри я превратился в изнуренного робота, подобно маниакально-депрессивному роботу Марвину из «Автостопом по галактике» Дугласа Адамса, который говорил: «Жизнь. Ее можно либо презирать, либо игнорировать. Она не может нравиться». Я не понимал, что со мной не так. На самом деле, со мной все было в порядке. У меня не было никаких зависимостей, никаких особых слабостей и уж точно никаких физических недугов, и я довольно неплохо – как мне казалось – справлялся с нескончаемым потоком людских трагедий и травм. Тем не менее я чувствовал, что что-то не так, хоть и не осмеливался себе тогда в этом признаться. Я словно переживал бесконечное падение сквозь прожитые дни, кувыркаясь от одного дела к другому, подобно бочке в открытом море, все продолжая выполнять свою работу, потому что только она у меня и была, несмотря на усталость и растущую нагрузку.

*** * ***

Тело семидесятидвухлетнего мужчины по имени Джон Эйрс поступило к нам в морг как случай естественной смерти, однако, осматривая тело перед вскрытием, я обнаружил на голове впадину. Перелом черепа, и, как следствие, возможное убийство.

В тот день дежурным судебно-медицинским экспертом был доктор Стивен Корднер, и вместе мы приехали на место смерти – работный дом в Камберуэлле, прозванный Клином: это было огромное здание в викторианском стиле 1850-х годов постройки. Изначально оно было предназначено для размещения целых семей, оказавшихся без работы и жилья.

Теперь же Клин служил столь необходимым приютом для лондонских бездомных. Никто не знал точного происхождения прозвища, полученного зданием, но кто-то предположил, что оно было связано с названием инструмента, использовавшегося для дробления камней, – именно так жители Клина отрабатывали право там находиться.

Клин был известен в Лондоне тем, что там всегда можно было найти ночлег. В тридцати двух общих комнатах, в каждой из которых стояло по тридцать узких кроватей, могло расположиться до тысячи человек. Было здесь крыло и для гостей на длительный срок, или резидентов, – они оставались там, пока выполняли порученные им обязанности. В другом крыле размещались бродяги, выстраивавшиеся в очередь у ворот каждый вечер, чтобы помыться, поесть и переночевать. Многие из них были пьяницами либо страдали от психических расстройств, в то время как другие были инвалидами или болели эпилепсией или туберкулезом. Для людей, которые прибывали в Клин, болезни, грязь и запахи были не столь важны, как тот факт, что их предоставляли самим себе.

Это внушительное здание, заполненное таким большим количеством обитателей, было пугающим местом. Тело мистера Эйрса, который был одним из регулярных посетителей Клина, обнаружили в прачечной. Вместе с доктором Корднером мы осмотрели место смерти, но не обнаружили ничего, что показалось бы подозрительным. Тем не менее, следуя своей привычке, я сделал подробный набросок всего увиденного, начиная от расположения труб и раковин и заканчивая каждым валяющимся на полу полотенцем.

Во время осмотра места преступления я всегда делаю зарисовки, стараясь не упустить никаких деталей. И вот, в 1987 году благодаря этому наконец был пойман убийца.

Как можно было ожидать, вскрытие показало, что причиной смерти мистера Эйрса стала черепно-мозговая травма, и после того как извечно осторожный доктор Корднер посоветовался с профессором Мантом, было сделано заключение о совершенном убийстве. К моменту, когда на место преступления прибыла полиция для проведения расследования, в прачечной помыли полы и убрали, удалив все следовые улики. И все же вскоре удалось установить подозреваемого – им оказался Джон Келли, пятидесяти восьми лет, которого персонал видел входившим в уборную вместе с мистером Эйрсом. Тот все отрицал, да и никаких доказательств его вины не было.

Ведущий дело детектив, старший инспектор Коллинс, позвонил в морг, и, узнав, что мы были на месте происшествия и сделали его набросок, попросил показать рисунок, на котором увидел лежавшее на полу полотенце. Обыскав койку Келли, полиция изъяла его полотенце и отправила на анализ в полицейскую лабораторию Ламбета, где криминалисты обнаружили на нем следы крови мистера Эйрса. Келли отрицал, что это полотенце находилось в уборной на момент убийства, но когда полиция показала ему мой набросок, он внезапно сознался в убийстве Эйрса и еще двоих людей, которые также были совершены в Клине. Тем не менее ему были предъявлены обвинения только в убийстве Эйрса.

Вскоре Келли пожалел о своем признании.

– Мне нравилось в Клине, – сказал он детективам. – Мне не хотелось его покидать. Там просто позволяют делать то, что захочешь.

Келли приговорили к пожизненному заключению.

Клин был закрыт вскоре после убийства Эйрса, а его обитателей расселили по психиатрическим больницам и общежитиям поменьше.

Это дело должно было стать поводом для празднования. Благодаря моему наброску был пойман и отправлен за решетку убийца – возможно, даже серийный. Тем не менее в ту ночь, после нескольких бокалов в «Диккенс Инн» и последующего карри в «Хайбер Пасс» с горсткой детективов и доктором Уэстом, я поплелся домой в

бесчувственном ступоре. Венди, как всегда, с пониманием отнеслась к моей рабочей нагрузке и потребности временами отводить душу, напиваясь с ребятами, но мое странное поведение оказывало влияние и на нее, и на нашего сына. Пока ступор не позволял мне осознать, что со мной не так, Венди переживала за нас всех.

А они все продолжали поступать – бесконечные вереницы лондонских мертвецов. Женщина сорока четырех лет, годами переносившая побои своего жестокого партнера, купила ему в перерыве между избиениями рождественскую открытку, с надписью «Моему дорогому мужу». Открытка была первым, что я увидел, прибыв на место преступления, – она лежала рядом с телом. Преисполненное любви послание своему убийце, пропитанное собственной кровью жертвы.

Трансвестит тридцати семи лет, обнаруженный полностью одетым лицом вниз в ванне своей квартиры в Северном Пекхэме. Колотая рана за левым ухом казалась самым подходящим кандидатом на причину смерти, но вскрытие показало, что его задушили. Как оказалось, в деле были замешаны наркотики – два молодых человека позарились на выручку погибшего от их продажи. Получили по шесть лет за неумышленное убийство.

Ирландский рабочий двадцати семи лет, обнаруженный под строительными лесами в саду, граничившем с местом, куда он носил кирпичи. Упал ли он или его толкнули? Накануне вечером жертва получила зарплату, однако карманы оказались пустыми. Изрядно напившись, мужчина поссорился из-за женщины с двумя коллегами. Когда они покинули паб, все еще продолжая словесную перепалку, убийцы схватили фрагмент лесов и ударили ирландца по голове, а потом забрали его зарплату, чтобы было похоже на ограбление. Оба получили пожизненное.

Мужчина сорока одного года, решивший подкатить к жене одного из своих друзей, при этом все были в стельку пьяны. Когда муж застукал жену с другом в разгаре порыва страсти, он схватил первый попавшийся под руку предмет, декоративную стеклянную рыбу, и размозжил ею голову своего бывшего друга. Тот подскочил и выбежал из дома (как они думали), и парочка помирилась. Его обнаружили лишь на следующее утро в ванне умершим от потери крови. Десять лет за неумышленное убийство.

Бездомный мужчина за тридцать, найденный среди кустов в парке Кеннингтон, был забит до смерти – его лицо превратилось в месиво с запекшейся кровью. Его убийцу так и не нашли, и даже его собственную личность опознать не удалось.

> Через меня прошло более 11 000 тел, я контролировал эксгумацию останков 21 000 человек, участвовал в расследовании 400 случаев подозрительной смерти.

А затем, на День святого Валентина, произошло одно экстраординарное убийство в совершенно нормальном с виду доме блочной застройки в Пекхэме. Хоть на месте преступления и кипела работа – здесь было полно констеблей, детективов и криминалистов, – вокруг царила мрачная тишина, характерная для особенно скверного дела, которая не нарушалась даже черным юмором полицейских. Тела матери и ее двух дочерей-подростков лежали каждое на своей кровати. В гостиной сидел отец, и половина его головы была размазана по стенке. Он застрелил всю свою семью и уложил тела в кровати, после чего застрелился сам.

*** * ***

К июлю 1987 года я был измотан физически и эмоционально. Через меня прошло более одиннадцати тысяч тел, я контролировал эксгумацию останков двадцати одной тысячи человек, участвовал в расследовании четырехсот случаев подозрительной смерти и держал курс на серьезный нервный срыв.

Косого не было уже несколько дней, и я особо из-за этого не переживал: на самом деле, он доставлял больше проблем, когда был на работе. Недавно он перепутал личности двух тел – жертвы суицида и «вонючки» – и семье покончившего собой, пожелавшей увидеть своего родственника, ошибочно сказали, будто тело находится в сильной стадии разложения, тем самым еще больше усилив их и без того большое горе, прежде чем мне удалось прояснить ситуацию.

Проведя долгое напряженное утро в секционной, мы с Мэри присели отдохнуть в служебном помещении, как вдруг зазвонил

телефон. Звонивший, оказавшийся врачом, сообщил, что Косого поместили под карантин.

– Карантин? А что у него?

– Туберкулез, – ответил голос.

На мгновение я потерял дар речи, однако, вспомнив о проблемах Косого с гигиеной, как профессиональной, так и личной, понял, что это было вполне закономерно. В лондонском воздухе полно разных бактерий, в том числе и палочек Коха, возбудителей туберкулеза, – бактериальной инфекции, заражение которой происходит путем вдыхания крошечных капелек, образующихся при чихании или кашле больного человека. Инфекция поражает легкие[42] и при отсутствии надлежащего лечения может привести к смерти.

До появления лекарств в 1950-х, Стрептомицина[43] и Изониазида, все работники морга были подвержены высокому риску заражения туберкулезом, потому что зачастую имели дело с погибшими от этой болезни: людьми, которые жили и умерли в нищете, в перенаселенных трущобах, тюрьмах, больницах и общежитиях для условно досрочно освобожденных заключенных.

К 1980 году большинство решило, что туберкулез побежден, хотя бактерии по-прежнему витали в воздухе и продолжают по сей день. И сегодня, хоть случаев заражения и стало меньше со времен внезапного всплеска в начале 2000-х, Лондон считается туберкулезной столицей Европы – каждый год болезнь диагностируют примерно у пяти тысяч человек.

Туберкулез не так-то просто подхватить, и нужно провести много часов в тесном контакте с больным, у которого открытая форма туберкулеза, чтобы оказаться под риском заражения. Хоть Косой (якобы) и работал в морге, я здесь его почти не видел, так что предполагал, что риск заражения у меня и остальных сотрудников оставался невысоким. Тем не менее головной офис совершенно резонно решил подстраховаться. Биологи разместили в морге культуральный планшет[44], за которым наблюдали в течение многих недель. Все результаты оказались отрицательными, и меня похвалили за чистоту в морге.

До сих пор Лондон считается туберкулезной столицей Европы, несмотря на то, что с момента пика заболеваемости

прошло уже несколько лет.

Светлая сторона заключалась в том, что на лечение туберкулеза требуется полгода. Как следствие, Косой остался не удел – более того, головной офис поручил мне нанять санитара-стажера. Наконец-то Косой убрался – по крайней мере, на какое-то время, – и, к своему огромному удивлению, мне посчастливилось сорвать джекпот в виде Роберта Томпсона, высокого темноволосого мужчины в очках, возрастом около тридцати лет, который оказался одновременно и умным, и расторопным. Хоть прежде ему и не доводилось работать в морге, он все схватывал на лету. Я нисколько не удивился, узнав многие годы спустя, что Роберт встал у руля в морге Хаммерсмита и Фулема, а также ассистировал на вскрытии принцессы Дианы. Роберт настолько облегчил нам жизнь, что у меня появилась надежда все-таки остаться во главе морга Саутуарка до конца своей карьеры.

Первое дело Роберта оказалось неожиданно эффектным. Он вызвал меня из кабинета, чтобы я осмотрел последнее поступление – разложившееся тело бродяги. Мэри и Роберт начали раздевать мужчину, которому на вид было за пятьдесят, но остановились, когда начали стягивать штаны.

Он был довольно грязным, поэтому я не сразу понял, что было привязано веревкой к его ногам.

– Боже мой! – воскликнул я с округлившимися глазами. – Это то, что я думаю?

Роберт и Мэри закивали.

К ногам мужчины были привязаны свернутые пачки пятидесятифунтовых банкнот. Поблагодарив судьбу за то, что времена изменились (меня бы привязали к столу для вскрытия, если бы я попытался помешать Джорджу поделить добычу), я сразу же приказал одному из помощников коронера явиться в качестве свидетеля.

Мы осторожно развернули испачканные банкноты. Они были засаленными от накопленной за годы грязи и невыносимо воняли, однако, если их вытереть, выглядели совершенно приемлемо.

Сняв все банкноты, мы их пересчитали. В общей сложности оказалось почти пятнадцать тысяч фунтов.

Хоть у нас и имелся надежный сейф, я решил не рисковать и вызвал казначея боро, который, зажав нос, взял под свою

ответственность деньги в пластиковом пакете и отправился прямиком в Английский банк, который согласился выполнить свои гарантийные обязательства, несмотря на вонь. Подозреваю, что эти деньги немедленно сожгли сразу же после того, как они были «внесены на счет».

У бродяги не нашлось родных, так что его похоронили за государственный счет.

*** * ***

Мои надежды на устойчивое плавание оказались недолговечными и быстро разбились о камни судьбы в тот вечер, когда ко мне в кабинет зашла заплаканная Мэри.

– Это все Эрик, – завыла она, когда я велел ей присесть. – Он в бегах!

– В бегах? Я думал, он в тюрьме.

– Его отпустили две недели назад, а он снова связался с какими-то грабителями, и теперь его разыскивает полиция.

В этом не было ничего удивительного, но потом Мэри сообщила, что, пока ее муж был в заключении, она порвала со своим парнем-детективом и начала встречаться с сантехником по имени Дэйв, который, судя по рассказам, был славным парнем.

– Вся его родня угрожает нас укокошить. Я уже была в социальной службе, и они мне выделили квартиру в Ислингтоне, но мне нужно как можно скорее убраться из своего прежнего дома. Не могли бы вы помочь мне сегодня вечером с переездом?

– Но что насчет Дэйва?

– Он сейчас занят по работе. Он присоединится к нам, как только сможет, но он не может уйти прямо сейчас, иначе его уволят. Пожалуйста, мне неудобно просить, но я в полном отчаянии.

Я вздохнул. Я просто не мог оставить Мэри на волю судьбы.

В тот вечер после захода солнца мы пришли в ее квартиру на одиннадцатом этаже высотки в Южном Лондоне, чтобы собрать вещи. Нащупав в сумочке ключи, Мэри открыла дверь. Первым делом я ощутил резкий запах краски, а секунду спустя увидел ужасную правду. Вандализм. Блестящая красная краска покрывала мебель и ковры, в то

время как оставшаяся со времен работы моделью дизайнерская одежда была изорвана в клочья. Семейка ее мужа, оказавшись не в состоянии отомстить физически самой Мэри, расправилась с ее вещами. Взяв туфлю, Мэри попыталась стереть краску остатками разорванного платья.

> Блестящая красная краска покрывала мебель и ковры моей коллеги, дизайнерская одежда была изорвана в клочья. Семейка мужа, не в состоянии отомстить физически самой девушке, расправилась с ее вещами.

Я огляделся вокруг, почувствовав себя неловко. Мне здесь было не место – я стал свидетелем чего-то слишком личного. Я не знал, что сказать или сделать. Увидев, насколько хрупким был мир Мэри, я внезапно забеспокоился и за свой собственный, словно он может в любую секунду развалиться на части. Я посмотрел в окно балкона на заходящее солнце, и у меня возникло ужасное предчувствие своего приближающегося конца. Я не знал, в каком виде или форме он придет, но почувствовал себя обреченным.

Его вероятная форма дала о себе знать секунды спустя вместе с визгом шин, когда оранжевый «Форд Капри» резко затормозил на парковке. Мэри вскрикнула.

– Братья Эрика! Они нас прикончат!

Трое крепких мужчин пробежали через парк в сторону дома. Один остался охранять лестницу, а двое других зашли в лифт. Схватив Мэри за руку, я вытащил ее из квартиры и бегом поднялся вместе с ней на семнадцатый этаж. Наверное, не самое удачное решение, но в тот момент ничего лучшего я не придумал. Я принялся стучаться в двери. Никто не отвечал. Мы были обречены. Я загородил собой Мэри, подумав, что могу попытаться их утихомирить, объяснив, кто я такой, но затем до меня дошло: они попросту примут меня за ее нового парня и скинут с балкона. Я решил, что нам следует спуститься на этаж ниже и попытаться постучаться в квартиры там, но прежде чем я успел пошевелиться, перед нами появились двое мужчин с самыми гадкими и озлобленными мордами, которые я когда-либо видел. Я сглотнул, представив свое разбитое тело, лежащее на том самом столе, где я провел бесчисленные вскрытия таких же несчастных душ, как меня

разрезает профессор Мант, чтобы проверить, не случился ли у меня сердечный приступ, прежде чем меня успели избить до посинения.

А затем послышался благословенный вой полицейских сирен. Никогда в жизни я не испытывал такого облегчения. Этот звук подействовал на двух бугаев словно электрошок – они мгновенно развернулись и убежали.

Парень Мэри вернулся с работы, увидел машину братьев и сразу же вызвал из телефонной будки полицию.

Я ошибочно решил, будто на этом все закончилось, но все три брата забаррикадировались в квартире Мэри. Мы быстро спустились и с парковки, где чувствовали себя в относительной безопасности, наблюдали за двумя приехавшими фургонами спецназа. В шлемах, вооруженные щитами и дубинками, полицейские быстро поднялись на одиннадцатый этаж. Мне пришлось сдержаться, чтобы не начать их подбадривать. Полиция ошибочно решила, будто в квартире находился Эрик, занимавший первую строчку в их списке разыскиваемых преступников, поэтому пошла ва-банк.

Тем не менее, как оказалось, опасность не миновала, потому что рядом с нами притормозила еще одна машина, из которой выскочили пожилые мужчина и женщина. Это были родители Эрика, и, прежде чем кто-то успел вмешаться, женщина с размаху ударила Мэри по лицу. Встав на ее защиту, я сразу же получил череду ударов по голове, прежде чем с помощью двух полицейских нам удалось усадить Мэри в полицейскую машину, а родителей Эрика арестовали.

Тем временем в квартире Мэри началась заварушка – послышались крики, которые сменили вопли, как только полиция взяла верх над жуткой троицей. Вскоре всех троих, в наручниках, собственной крови и синяках, погрузили в полицейский фургон.

Мы с Мэри дали показания, а когда обсудили ситуацию с полицейским инспектором, тот согласился помочь на следующий день с переездом, даже организовав блокпост, чтобы никто не мог сесть на хвост грузовика с оставшимися вещами Мэри. Благодаря этому доброму инспектору переезд прошел без каких-либо проблем.

*** * ***

На следующее утро, измотанный, я вернулся в морг и сел за свой стол.

– Думаю, Мэри еще нескоро здесь появится, – сообщил я Роберту, рассказав про события предыдущего вечера. – Боюсь, следующие несколько недель будут тяжелыми.

Словно случившегося было мало, весь следующий день муж Мэри названивал в морг чуть ли не каждый час, требуя дать трубку его жене и сообщить ее новый адрес. Каждый раз я отвечал отказом и каждый раз выслушивал череду невероятно мерзких оскорблений, за которыми следовали угрозы в мой адрес.

В конце недели позвонила Мэри. Она попала в больницу, но не по вине своего мужа или его родителей: она подхватила туберкулез!

Совет немедленно принял меры. В морге снова были взяты все необходимые биологические пробы, а также анализы у нас с Робертом, у помощников коронера, матери Мэри и у всех, кто в последнее время контактировал с девушкой.

> Когда заболела моя коллега Мэри, в морге осталось только два человека, и мне пришлось каждую ночь дежурить в одиночку.

Оставшись вдвоем, мы с Робертом изо всех сил старались поддерживать морг на плаву. Поскольку Роберт жил на самом севере Лондона, мне не оставалось ничего, кроме как каждую ночь дежурить по вызову. Помимо этого, возникли новые проблемы с оборудованием. Очередное долгое жаркое лето было в самом разгаре, и короткое замыкание, источник которого невозможно было обнаружить, привело к постоянным сбоям в работе вентиляции и холодильников, из-за чего мы оказались в духовке с гниющей плотью.

Примерно в то же время один мой приятель, работавший старшим санитарным инспектором в районном совете Саутуарка, попросил меня об одолжении. Его невеста хотела стать полицейским фотографом и сделать для резюме фотографии вскрытия. Хоть это и была не совсем обычная просьба, я не видел в ней никаких проблем при условии, что по снимкам нельзя будет установить личность покойника. Фотосъемка состоялась, и больше я о ней не вспоминал.

Примерно месяц спустя, когда мы с Робертом, перегревшиеся, были, как всегда, на пределе, я получил очередной поздний звонок от мужа Мэри.

– Я имею право знать, где моя жена! – потребовал он.

– Ты же знаешь мой ответ, Эрик. Я ничего тебе не скажу.

– Ты гребаный идиот, Эверетт! Неужели ты не понимаешь, что эта паршивая сучка обвела тебя вокруг пальца?

Я вздохнул.

– А это ты о чем еще?

– Она месяцами обкрадывала морг. Подумай сам. Часы, наличка: все пропадало только в ее смену!

Повесив трубку, поначалу я списал обвинения Эрика на бред ревнивого мужа. Мэри, хоть и появлялась на работе когда попало, а также заставила меня изрядно понервничать, всем нравилась, как правило, хорошо справлялась со своими обязанностями и неплохо получала. Тем не менее эта мысль все не давала мне покоя, и, поразмыслив, я понял, что Эрик может быть прав. Как однажды сказал Шерлок Холмс: «Когда исключено все невозможное, то, что осталось, каким бы невероятным оно ни было, и должно быть правдой».

Я был настолько погружен в свой мир тяжелой работы в невыносимой духоте при отсутствии какой-либо поддержки со стороны совета, что не видел творившегося у себя прямо под носом. После бессонной ночи я позвонил Мэри и потребовал сказать, крала ли она когда-либо что-то из морга. К моему удивлению, она даже не попыталась отнекиваться и спокойно и хладнокровно во всем созналась.

Ее уже выписали из больницы, а карантин сняли, поэтому я попросил ее прийти ко мне в кабинет. На этот раз, помня о том, с какой готовностью совет покрывал Джорджа, позволив ему еще больше развивать свое преступное дело, я собирался направиться прямиком в полицию.

Когда пришла Мэри, мы с Робертом заканчивали заполнять бумаги на прибывшие в тот день тела. Ее одежда была растрепанной, и она выглядела сильно постаревшей. Перенесенные в последнее время муки оставили свой след на ее мертвенно-бледном лице. Придя ко мне в кабинет, она обо всем рассказала, сознавшись в ряде крупных краж.

– Дело в том, Мэри, – растерянно сказал я, – что я не понимаю, зачем тебе это. Ты хорошо получала, и у тебя не было никаких причин, чтобы красть, так зачем ты этим занималась?

– Я делала это ради Эрика. Я хотела подарить ему что-нибудь, когда он выйдет из тюрьмы.

– Тебя ведь Эрик подговорил, не так ли? Он прознал про прежние кражи и решил, что так сможет неплохо подзаработать?

Мэри пожала плечами и ничего не ответила. Несмотря на все мои призывы, она отказалась вмешивать Эрика, и я предложил ей самостоятельно сдаться полиции. Мы прошлись до полицейского участка, и вскоре после этого детективы из Скотланд-Ярда уже обыскивали ее дом. Они ничего не нашли: Эрик уже давно забрал награбленное, включая часы «Ролекс», и скрылся. Мэри посадили в камеру, и я вернулся в морг, где написал краткий доклад о случившемся, который лично вручил директору службы, потребовавшему объяснить, почему я сначала не обратился к нему. Он бы разобрался со всем по-тихому, а теперь ему грозил скандал.

– Потому что вы ничего бы не сделали, – ответил я и поспешил удалиться.

Несколько дней спустя рано утром на пороге моего кабинета появился Роберт. По его обеспокоенному лицу я понял, что дело плохо.

– Что случилось? – спросил я.

– Один ритуальный агент только что мне звонил, ему сказали, чтобы в будущем все трупы направлялись в морг Вестминстера, и он хочет знать, в чем дело.

– Я тоже хочу, – ответил я и открыл служебную записку, в которой мне было велено на следующее утро явиться в головной офис с представителем профсоюза.

На следующий день ранним утром я пришел в головной офис совета, и меня провели в переговорную, где ожидала женщина тридцати с небольшим лет. Она выглядела изящной и бледной и сообщила мне дрожащим голосом, что представляет профсоюз. За всю встречу она не проронила ни слова, и толку от нее было, как от козла молока.

Несколько минут спустя к нам присоединились старший административный сотрудник Саутуарка и директор по персоналу. Казалось, они нервничали больше меня и какое-то время говорили про

морг и его проблемы, при этом ни в чем меня не обвиняя. Они упомянули фотографии вскрытия, сделанные невестой моего приятеля, как нечто неразрешенное и даже неэтичное, но лишь вскользь. Наконец, я решил, что с меня хватит, и заговорил о неизбежности коррупции при отсутствии какой-либо поддержки совета, добавив, что не видел ее со своего самого первого дня. Когда я закончил, они попросили меня подождать и пошли поговорить с начальником службы и его заместителем. В этот момент дама из профсоюза решила мне объяснить, что, как ей сказали, совет хочет закрыть морг. Я отнесся к ее словам с долей сомнения: директор не раз угрожал нас закрыть то из-за ветхого здания, то из-за краж, отсутствия персонала либо всех этих факторов, вместе взятых. Проблема была в том, что Саутуарку морг был необходим.

> Я до последнего отказывался верить в то, что меня отстранили от работы в морге после всего, что я сделал для этого места.

Полчаса спустя я начал чувствовать себя виновным подсудимым, ожидающим вердикта присяжных. В итоге они вернулись. Меня было решено отстранить с полным сохранением оклада на время проведения расследования.

– Отстранить? – переспросил я, не веря собственным ушам. – Но почему? Я не сделал ничего плохого.

– Было бы неуместно говорить об этом сейчас, – сказал директор по персоналу. – Сдайте свой пропуск. Мои коллеги проводят вас в морг, чтобы забрать ключи. Морг закроют – по крайней мере, на какое-то время.

Я был в шоке. Я до последнего отказывался верить в происходящее. Знай я, что меня ждет, очистил бы здание от своих личных вещей, включая документы и дневники. В итоге мне так и не предоставили возможности что-либо забрать (включая мои часы «Омега», авторучку «Монт Бланк», несколько трубок и коробок с личными бумагами и редкими книгами, которые я хранил в морге из-за нехватки места дома). Ничего из этого мне так никогда и не вернули.

Старший сотрудник администрации подвез меня к моей квартире над моргом, чтобы забрать мои ключи и пропуска. Внезапно до меня

дошло, что в следующий раз я попаду в морг только ногами вперед. Я застыл на месте, ошарашенный этой мыслью, посреди коридора у себя дома, постепенно осознавая реальность происходящего. Старшее руководство морга решило свалить вину за все проблемы, которые были у морга с момента моего появления, на меня.

Мой сын, которому уже было пять, весело играл со своими игрушками в гостиной, в то время как Венди готовила ужин, напевая жизнерадостную песню. Это была идеальная картинка семейного счастья, но я был охвачен чувством отчаяния. Я больше не мог. Стресс, накапливавшийся во мне последние несколько лет, вышел наружу ужасным, леденящим кровь в жилах воем.

19. Теряя рассудок

Июль 1987 года

Я продолжил выть, в то время как Венди набрала нашего участкового врача, который, осознав, что у меня нервный срыв и, скорее всего, в этом состоянии я представляю опасность для себя, сразу же к нам пришел.

– Питер, – громко и отчетливо сказал он, пытаясь прорваться через мои рыдания, – ты позволишь мне отвести тебя в больницу Гая?

Он вывел меня на улицу, проводив до расположенной неподалеку больницы, словно потерявшегося ребенка. Психиатры отвели меня в отдельную комнату, где в перерывах между продолжительными приступами плача, приложив большие усилия, мне удалось ответить на часть их вопросов. Решив, что я представляю для себя угрозу, меня с моего согласия поместили в психиатрическое отделение.

На самом деле, я наполовину осознавал свое бедственное состояние. Часть меня наблюдала, не в состоянии что-либо поделать, как бы со стороны за тем, как я разваливаюсь на части, и я искренне боялся того, что могу натворить, если меня предоставить самому себе, особенно если придется вернуться домой, в здание, где располагался морг. В конце концов, я слишком часто видел последствия нервного срыва, причем не только самоубийства, но и другие ужасные поступки людей, которых сломал невыносимый стресс: отца, застрелившего свою жену и двух дочерей на День святого Валентина, к примеру. Или мужчину, случайно убившего свою жену ударом по лицу, который отказывался поверить в случившееся и четыре дня хранил ее тело, моя и одевая каждое утро, пока погибшая не позеленела. Был еще и другой мужчина, который, вернувшись домой после того, как его уволили, ударил свою жену по голове кочергой, тем самым убив ее. Он вскрыл себе вены на запястьях, а когда это не сработало, попытался повеситься. Веревка порвалась, и, будучи в полном отчаянии, он воткнул себе в сердце нож.

Не то чтобы мне когда-либо вообще могло прийти в голову навредить собственной семье или себе, но в тот момент я потерял

всяческий контроль над своим разумом. Что-то внутри меня сломалось, и я толком ничего не соображал и был напуган. Мой разум был неуправляем, его бросало, словно на штормовых волнах, и беспорядочные мысли сыпались обильным неконтролируемым потоком. По крайней мере, находясь в психиатрическом отделении, я смог полностью предоставить себя врачам и медсестрам, не беспокоясь о внешнем мире.

Так получилось, что как раз в это время Венди работала медсестрой родильного отделения в больнице Гая. Каждое утро по дороге на работу она махала мне в окно палаты на одиннадцатом этаже. Я видел, как она машет, но не отвечал. Не потому, что не хотел: просто в тот момент я «отсутствовал». Все казалось настолько отдаленным, будто я смотрел на мир через перевернутый бинокль. Единственным, на что я реагировал, была крыша морга, видимая вдалеке, которая, как только я ее узнал, спровоцировала у меня состояние паники. Психиатр объяснил, что меня поместили в палату с целью держать подальше от дома, где располагался и морг – источник психологической травмы, – и это происшествие подтвердило его правоту.

> Я знал много страшных случаев об уволенных людях. Например, один мужчина убил свою жену и несколько раз безуспешно пытался покончить с собой: вскрыл вены, попытался повеситься, а когда веревка порвалась, закололся ножом.

Я даже не отдавал себе отчета, насколько мужественной была Венди. Она сохраняла и терпение, и спокойствие, когда я был по уши втянут в операцию под прикрытием. Она позволяла мне срываться с места в любое время дня и ночи, по выходным и праздникам, пропуская семейные мероприятия, ведь вскрытие очередного трупа не могло ждать. Будучи акушеркой, она сталкивалась с немалыми переживаниями и в собственной работе. Постепенно проводя все больше времени вдали от морга, я начал понимать, насколько тяжело ей из-за меня приходилось, не говоря уже о моем маленьком сыне, который только пошел в школу. Я столько всего пропустил из его детства, что теперь меня передергивало от мысли, что я мог стать для

него каким-то помешанным на смерти, зловещим незнакомцем. На самом деле, как потом рассказала мне Венди, я уже напугал его, когда он впервые пришел ко мне в больницу и увидел, как я расхаживал туда-сюда, словно зомби, с широко раскрытыми глазами и отсутствующим взглядом. Я даже не мог сосредоточиться на попытках Венди меня разговорить: был не состоянии связать все воедино. Она приняла мудрое решение больше не брать сына с собой в больницу, чтобы мое состояние не врезалось ему в память настолько, чтобы он боялся меня до конца своих дней.

Врачи все твердили мне, что я поправлюсь, но одна мысль о том, чтобы покинуть больницу, вызывала у меня панику, и я возвращался в свою кровать, где пялился на стену, пытаясь освободить разум от мыслей. Это оказалось невозможным: мысли о моей жизни и морге бурлили в голове, словно бумажные кораблики во время шторма. Мне хотелось объяснить, через что я прохожу, но было чрезвычайно сложно описать это человеку, который никогда не ощущал на себе, каково это – потерять контроль над своим разумом, сохранив при этом небольшую рациональную часть себя, способную наблюдать за происходящим в мучительном бессилии.

Врачи просто предоставили меня самому себе. Они не давали никаких лекарств, не проводили сеансов психотерапии – они просто дали мне время прийти в себя. А мне только и оставалось, что собраться с силами и держаться в надежде, что этот план сработает.

Когда минула первая неделя, я взял в привычку смотреть в окно, а когда было уже невмоготу, смотрел в стену, прерываясь только на еду. На второй неделе начали возвращаться эмоции: чувство вины и стыда за то, что не справился со своей работой, бывшей для меня моей сущностью, а также за то, что подвел свою семью, и за свою слабость, из-за которой поддался нервному срыву. Не так давно я прекрасно со всем справлялся и получал удовольствие от безумной загрузки на работе, ответственности и трудностей, которые мне подкидывал каждый день. Теперь же я не мог себе даже представить простого похода в супермаркет.

Наряду с этим появилась и злость на своего работодателя, на огромную несправедливость по отношению ко мне, и, думаю, именно это снова привело меня в движение. На десятый день я взял в руки ручку, нашел бумагу и принялся делать подробные заметки о

проведенном в морге Саутуарка времени, собирая материалы, чтобы подать в суд против моего отстранения. Каждую заполненную страницу я крепил булавкой к стене у моей кровати, пока та не оказалась завешена от пола до потолка. Зашедший в палату врач сделал какие-то заметки, но трогать ничего не стал.

> Один констебль из-за нервного срыва просто зашел в Темзу и утонул.

Пока я вспоминал последние шесть лет своей жизни, начали всплывать воспоминания, связанные с моим текущим состоянием. Порой я слышал от детективов истории про коллег, у которых случился нервный срыв, ставший смертельным. Один констебль зашел в Темзу и утонул, а инспектор уголовной полиции оставил на двери записку своей семье со словами: «Простите. Не заходите внутрь. Вызовите полицию». Он повесился прямо в гостиной. Старший инспектор вскрыл себе вены, когда его жена (с которой он разводился) подала на него ложное обвинение в домашнем насилии. Он выжил, но потерял работу. В то время я не обращал на эти истории особого внимания, ведь считал, что они про людей, которые недостаточно сильные, чтобы справиться с трудностями.

Я еще вспомнил, что у полиции был почетный список, в котором были увековечены имена офицеров, погибших при исполнении. На этот раз мне пришла в голову мысль, что, должно быть, многих погибших из-за своей работы полицейских в этом списке не было – тех, кого не стало не при исполнении.

Каждый из нас порой ошибочно считал себя неуязвимым, способным справиться со всем, в то время как, разумеется, на это не способен никто.

Лишь спустя годы, даже десятилетия, я осознал, что, скорее всего, страдал от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), которое вызывается тяжелыми событиями и приводит к постоянному психическому и эмоциональному стрессу. Оно выражается, помимо прочего, в подавленности и тревоге наряду с чувством изоляции, раздражительности и вины, а также приводит к таким физическим симптомам, как головные боли, головокружения, боли в груди и животе. И со всем этим я столкнулся в последние месяцы. Один из

ключевых симптомов ПТСР – состояние постоянного перевозбуждения, своего рода режим боевой готовности, в который переходит мозг во времена опасности. Это выматывает физически и эмоционально, разрушая способность человека концентрироваться, и очень уж часто приводит к нервным срывам и самоубийствам.

> В 2010 году среди погибших американских солдат было больше тех, кто покончил с собой, чем убитых на войне в Ираке и Афганистане.

В то время исследований ПТСР в Великобритании практически не проводилось. Британская армия, десятилетиями считавшая страдания проявлением слабости, а ночные кошмары – признаком трусости, лишь в последние годы признала серьезную проблему, начав предоставлять служащим лечение. В 2010 году с собой покончило больше американских солдат (как проходящих службу мужчин и женщин, так и ветеранов), чем погибло на войне в Ираке и Афганистане. Двадцать четыре британских солдата погибли на войне в Персидском заливе, а в 2010 году Министерство обороны объявило, что сто шестьдесят девять ветеранов этой войны скончались из-за «преднамеренно нанесенного себе вреда» либо в результате обстоятельств, которые не позволили установить точную причину смерти. Аналогично, по современным оценкам, двести шестьдесят четыре ветерана Фолклендской войны совершили самоубийство после ее окончания, в то время как на поле боя пало двести пятьдесят пять солдат. Ветеранам в среднем требуется четырнадцать лет, чтобы обратиться за помощью из-за ПТСР. Многие страдают молча, зачастую вынашивая суицидальные мысли, потому что не хотят признаться в собственной слабости.

Разумеется, у солдат гораздо более опасная работа, чем у полицейских, чья деятельность, в свою очередь, опаснее, чем у заведующих моргами. Вместе с тем, если большинство полицейских могут увидеть труп раза три – четыре за год, а жертв убийства и того реже, передо мной проходила бесконечная вереница трупов, начиная от убитых детей и младенцев и заканчивая страшно изуродованными из-за несчастного случая или разложения людьми. Хоть меня и обучили всему необходимому, чтобы иметь дело с покойниками, никто не готовил справляться с последствиями. Кроме того, я был вынужден

столкнуться со стрессом, связанным с управлением моргом, погрязшим в коррупции и испытывающим острую нехватку персонала, без какой-либо поддержки со стороны начальства.

> Большинство полицейских могут увидеть труп раза три – четыре за год. Передо мной же проходила бесконечная вереница трупов: убитых детей, младенцев, изуродованных из-за разложения людей.

Официально диагноз ПТСР мне не поставили, однако именно он более всего соответствовал моему состоянию. Я определенно был неспособен отключиться и непосредственно перед нервным срывом лишился своего обычно крепкого сна от усталости. Я просто лежал по ночам в кровати, а в голове проносилось одно дело за другим – вскрытия, во время которых мы могли что-то упустить (были ли поступившие в тот день тела правильно маркированы, хранилось ли должным образом принадлежавшее им имущество, были ли заполнены все необходимые документы, очищены холодильники, а образцы тканей отправлены в лабораторию?) – вкупе с переживаниями о том, какие проблемы могут мне принести Косой и Мэри: Косой – из-за своей некомпетентности, Мэри – из-за бурной личной жизни. Затем, когда начинало светать, я решал, что смысла пытаться уснуть больше нет и лучше пораньше прийти в морг, чтобы проверить все вышеперечисленное, а также узнать, не предстоит ли ничего срочного.

Хотя у меня и было множество сожалений, мне посчастливилось работать со многими светлыми умами – многочисленными судебно-медицинскими экспертами и детективами. Но они приходили и уходили – каждый в свою больницу или полицейский участок. Морг был моим королевством, а я одновременно был его королем и смотрителем. Я изо всех сил стремился соответствовать уровню людей вроде профессора Манта, несмотря на все недостатки морга и практически без какой-либо поддержки со стороны.

Никакие оправдания, однако, не облегчили мне жизнь с осознанием того факта, что моя неудача получила большую общественную огласку. О закрытии морга трубили в новостях без каких-либо вразумительных объяснений от совета. Журналисты, многие из которых помнили национальный коррупционный скандал,

получивший свое начало в морге Саутуарка, когда Джордж попал под суд, уже начали рыскать вокруг в поисках эксклюзивного материала.

Проведя две недели в больнице Гая, я уже чувствовал себя готовым вернуться домой и выписался. Я был невероятно благодарен этому пристанищу, каким бы странным ни был для меня весь этот опыт. Мое душевное состояние сразу же было испытано, когда до меня дошли слухи о моем отстранении из-за кражи. Поначалу я не придал этому особого значения, приняв за типичную в мире похоронных услуг сплетню, но когда об этом написали в South London Press, я был вынужден что-то предпринять. Я подал на газету в суд, и они немедленно напечатали опровержение, заплатив мне за моральный ущерб. Вскоре после этого в Private Eye напечатали на всю страницу статью о моем отстранении, обвинив в закрытии морга совет, задаваясь вопросом: «Теперь, когда Эверетту заткнули рот, кто осмелится его открыть?»

Возвращение в нашу квартиру прямо над моргом стало непростым шагом, но я справился и даже смог рассмешить в первый же вечер своего настороженного сына. Я был решительно настроен показать ему, что его отец вернулся и теперь всегда будет рядом. Несколько дней спустя друзья предложили вместе с ними отдохнуть две недели в их семейном домике в Саффолке, и мы с радостью согласились.

Открытое небо Саффолка оказалось идеальным местом для продолжения моего выздоровления.

– Хоть мы и давали клятву любить друг друга в горе и радости, – сказал я Венди во время одной из наших долгих загородных прогулок, – подозреваю, ты не думала, что все будет настолько плохо.

– Ты всегда был очень непростым, – ответила Венди с улыбкой, – но это, помимо прочего, меня в тебе и привлекало.

Во время того отдыха мы снова обрели друг друга как муж и жена, как мать и отец. Долгие прогулки, горячие ванны, валяния в постели, забавные фильмы, семейные вылазки на побережье и как можно меньше разговоров о работе. Не то чтобы я пытался вытеснить из головы работу, просто начал понимать, что есть нечто ценное и за пределами морга. Я все еще был уставшим и порой впадал в некий ступор, но мое настроение улучшилось, и вернулся интерес к жизни. Впервые на своей памяти я по-настоящему отдохнул. Постепенно

водоворот мыслей утих, и к моменту нашего возвращения в Лондон я уже был готов двигаться дальше.

*** * ***

Два месяца спустя, когда я так и не получил от совета конкретной причины своего отстранения, адвокат порекомендовал подать в суд за принудительное увольнение, но у меня не было никакого желания воевать в суде. Имевшихся у меня сбережений хватило бы на какое-то время, и мне было не по себе от одной только мысли о затянувшемся судебном разбирательстве. К тому же, моя карьера была разрушена. Из-за отстранения вкупе со слухами меня бы не взяли ни в один морг (да и большинство работников моргов так и не простили меня за вскрытую коррупцию, которая стоила им целого состояния в виде уплаченной налоговой задолженности). Да и потом, я не имел никакого желания снова быть заведующим какого бы то ни было морга.

Мое заявление об отставке поспешно приняли, и совет, обрадовавшись тому, что я решил уйти по-тихому, выплатил мне трехмесячную зарплату и предоставил квартиру в муниципальном микрорайоне Далвича в Южном Лондоне.

Несколько недель спустя детективам Скотланд-Ярда удалось поймать Эрика. Вместе с Мэри они признались в совершенной краже и были приговорены к девяти месяцам тюрьмы.

> Меня отстранили от работы в морге просто для того, чтобы повесить на меня все проблемы, с которыми я боролся, в то время как управляющий и не думал их решать.

В конечном счете один друг из совета рассказал мне реальную причину моего отстранения. Руководство совета боялось снова просить деньги на морг, на новых сотрудников и необходимые для соответствия стандартам ремонтные работы. Сделай они это, казначей совета непременно захотел бы узнать судьбу сотен тысяч фунтов, выделенных незадолго до этого. Обвинив меня в плохом управлении и возвращении коррупции, совет снял с себя все претензии и даже сэкономил на выплатах в связи с моим увольнением.

Благодаря финансовой поддержке моей семьи мы отправили нашего сына в школу Айленна в Далвиче, но местные дети, увидев на районе «мажора» в красивой школьной форме, однажды подкараулили его по дороге домой и избили. Перед Рождеством нашу квартиру обокрали и унесли все рождественские подарки моего сына. Вскоре мы покинули ту квартиру, арендовав дом в Далвиче.

*** * ***

В то время мне постоянно снился морг: это не были ночные кошмары, но по ночам я разбирался с воображаемыми делами об убийстве. Тем не менее, к этому времени я уже планировал свою дальнейшую жизнь, и после нескольких недель отдыха получил невероятный и совершенно неожиданный звонок от Майка Морли, продюсера телепередачи «Отчет Кука».

Он рассказал, что Роджер Кук пытается для своей передачи разоблачить торговлю человеческими органами.

Куки, как называла его команда, славился своими журналистскими расследованиями нового типа. Сначала он разоблачал подпольную деятельность преступников и мошенников либо проколы судебной системы и некомпетентность официальных органов, после чего лично встречался с главными героями с камерой и микрофоном.

– Мне кажется, что ты подходишь для этой работы, – сказал Морли.

– Мне нужно будет подумать, – ответил я. Очевидно, эта деятельность была близка моему сердцу, но не слишком ли мало времени прошло после нервного срыва? Не разбередит ли это старые раны? Хватит ли у меня сил?

– Я вижу, что тебе этого хочется, – сказала Венди, когда в тот вечер я рассказал ей об этом телефонном разговоре.

Я улыбнулся.

– Думаю, да.

Итак, следующие три месяца я договаривался с врачами по всей стране о покупке глаз, почек, сердец и мозгов.

Организовать все у меня получилось с пугающей легкостью. Сделав несколько телефонных звонков, я нашел двух профессоров,

готовых приобрести у меня мозги, консультанта[45] с Харли-стрит[46], желающего купить глаза, а также трех санитаров, готовых поставлять органы за деньги (разговор со всеми был записан на пленку).

Это дело было мне по душе. В штате у Куки числилась огромная команда из невероятно преданных своему делу журналистов, которые трудились по всей стране, разоблачая откровенные ужасы и ошибки судебной системы. Кульминационный момент передачи всегда наступал тогда, когда Куки вместе со съемочной бригадой лично встречался с «героями» своего расследования, которые ругались, а порой и пускали в ход кулаки, пытаясь сбежать. В СМИ Куки называли помесью Мита Лоуфа[47] и Уравнителя[48], самым отважным/чаще всего избиваемым журналистом в Великобритании, а также крестоносцем с диктофоном. Передачу «Отчет Кука» смотрели миллионы, а один из выпусков посмотрели двенадцать миллионов человек. Кроме того, она завоевала множество наград, включая награду Британской академии кино и телевидения за «двадцать пять лет журналистских расследований выдающегося качества».

Я продолжал сотрудничество с командой Кука в течение года, работая и над другими сюжетами, один из которых был посвящен сатанинским ритуалам и надругательствам, а в перерыве между сезонами мне предложили самому заняться журналистскими расследованиями для центральной прессы. Вскоре я полюбил жизнь лондонской Флит-стрит, где редакторы целиком поддерживали своих журналистов и чувствовался настоящий дух товарищества. Я мог сам выбирать, когда работать, и у меня оставалось предостаточно времени на семью. Больше от меня не пахло смертью, больше я не ложился спать, гадая, вызовут ли меня посреди ночи на очередное убийство.

Наконец-то я открыл для себя жизнь.

Эпилог

Конец, который ждет каждого

Когда я начал свой путь в мире смерти, устроившись в качестве стажера в морг при больнице Университетского колледжа, мне нужно было найти вторую работу. Я трудился добровольно, и, соответственно, мне не платили, поэтому вскоре мои сбережения подошли к концу. Однажды в морг пришел ритуальный агент, объявивший, что уволил помощника, пойманного на краже кольца с трупа. Я сделал шаг вперед, предложив занять его должность, и в следующий понедельник начал работать в качестве помощника ритуального агента.

Мой новый начальник, Виктор, был директором небольшой фирмы в Северном Лондоне, и здание, в котором она располагалась, словно сошло со страниц романов Чарльза Диккенса. В подвале, служившем и комнатой отдыха, и мастерской, и хранилищем гробов, в зимние месяцы все время горел камин. Компания состояла всего из трех человек. Первым был сам Виктор, мужчина средних лет, с черными волосами и в безупречном костюме с галстуком, который всегда был на нем, за исключением похорон: на подобные мероприятия он надевал другой костюм – траурный черный. Вторым был водитель Терри, мужчина тридцати с небольшим лет, с бледной кожей, который говорил с акцентом кокни и постоянно носил с собой мясные рулетики. Третьим был я.

У нас был один катафалк. По мере необходимости нанимались люди, чтобы нести гроб, и дополнительные машины. Моим первым заданием было сходить в мастерскую местного плотника и забрать два мешка опилок, которые использовались для внутренней обивки гробов. Список обязанностей мне выдали немаленький, первостепенной из них была установка «начинки» гробов: я засыпал корпус опилками, закреплял скобами по бокам шелк с оборками сверху, после чего набивал теми же опилками наволочку. Затем с помощью воска полировал до блеска дерево и прикручивал ручки: медные – для похорон, пластиковые – для кремации. Когда с этим было

покончено, я использовал специальный аппарат, чтобы выгравировать имя покойного, даты рождения и смерти на табличке (опять-таки, медной – для похорон, пластиковой – для кремации). Мне нравилось подготавливать гробы в сиянии камина, в то время как Виктор или Терри потчевали меня историями о своих приключениях в похоронном бизнесе.

> Я устроился помощником ритуального агента в небольшую фирму, состоявшую, кроме меня, всего из двух человек.

Вскоре у меня появились и собственные истории, связанные с перипетиями повседневной работы в похоронном бюро. Однажды по дороге в крематорий в Голдерс-Грин у нас сломался катафалк. Времени ждать помощи не было, и нам с Виктором пришлось выйти из машины и толкать ее. Холм был настолько крутой, а крематорий был так далеко, что нам пришлось привлечь самых крепких ребят из похоронной процессии. Виктор сделал им скидку.

В другой раз мы доставляли тело на похороны, проходившие на кладбище Грейт-Нотерн (сейчас оно называется кладбищем Нью-Саут-Гейта). Разразилась гроза, и проливной дождь превратил местность в непроходимое болото. Пока мы несли тело от катафалка до могилы, в то время как собравшиеся на похороны ожидали под зонтами, Терри потерял в липкой грязи ботинок, но мужественно продолжил нести гроб нетвердой походкой. Наконец мы донесли гроб до могилы, поместили его на две доски, лежавшие поверх ямы, и приготовились его опустить. В этот самый момент одна из досок треснула пополам, и несчастный Виктор со всплеском исчез вместе с гробом в могиле, залитой водой. Когда мы его достали, он напоминал Болотную тварь.

В целом, однако, за время моей работы помощником ритуального агента особых происшествий почти не было, хоть я и многое узнал. Так, я с удивлением обнаружил, что одной из наших главных обязанностей был вывоз тел из дома. Я предполагал, что этим занимался кто-то другой, а мы должны были лишь подготовить тела и провести похороны, однако вывоз тел оказался ключевой составляющей нашей работы. Мы занимались этим по два – три раза в день.

Однажды нас вызвали забрать тело старушки, которая умерла во сне в муниципальной квартире Камдена. Снаружи собралась толпа людей: ее все любили и хотели проводить в последний путь. Снова и снова я слышал, как люди выражают сожаление по поводу ее смерти; говорят, какой она была чудесной, что никогда никого не оставляла в беде, безустанно трудилась на благо общества, помогала старикам, переживающим тяжелые времена, всегда пекла пироги для церковной лотереи и ухаживала за общественными садами. Лицо покойной дамы было воплощением спокойствия и счастья, и тогда я понял, что свою жизнь она прожила достойно.

Сразу же после этого нас вызвали на Бишопс-авеню в Хампстеде. Это авеню совершенно обоснованно называли улицей миллионеров (сейчас название сменилось на «улицу миллиардеров»). Дома здесь стоят десятки миллионов фунтов, а населяют их в том числе шейхи, принцы и президенты. Нас вызвали в дом, который был размером с греко-римский дворец и в соответствующем стиле, и вслед за высоким дворецким с мрачным лицом мы поднялись по мраморной лестнице в спальню хозяина дома, минуя картины на стенах, статуи, урны и мозаики.

> Я заметил, что часто больше всего стараются, устраивая похороны своих близких, самые бедные семьи.

Покойный жил, подобно маленькой старушке, один (не считая прислуги) и скончался в своей кровати. Его лицо, однако, было осунувшимся, с глубокими морщинами, которые загибались у рта. Помимо дворецкого, которому, казалось, не терпелось уйти, присутствовали сын и дочь покойного, оба средних лет. Они были похожи на своего отца – у обоих были такие же опущенные уголки рта. Они обсуждали состояние отца, а именно то, как вскоре встретятся со своим адвокатом, чтобы организовать оглашение завещания. Спустив хрупкое тело по лестнице, мы поместили его в катафалк. Вдруг Виктор вспомнил, что забыл бумажник на прикроватном столике. Он достал его, чтобы вручить детям покойного свою визитку. Я побежал обратно наверх, чтобы забрать бумажник, но, услышав доносящиеся из спальни голоса, замешкался. Только я поднял руку, чтобы постучаться, как услышал слова его сына: «Жалкий старый ублюдок». Судя по

всему, хоть покойный и преуспел с материальной точки зрения, его жизнь была не такой богатой, как у той маленькой старушки.

С такой работой невольно задумываешься, с какой вообще стати люди всю свою жизнь осознанно проводят за определенными занятиями, в особенности в погоне за деньгами. Эта мысль особенно часто приходила мне в голову, когда я работал в морге, размещая в холодильнике, например, тело восьмидесятипятилетнего бывшего дворника рядом с сорокапятилетним биржевым брокером, которые оба скончались от сердечного приступа. Богатый ты или бедный, всех нас ждет один и тот же конец, и все оказываются в одном и том же холодильнике морга. Точно так же в крематории (мы работали с крематорием Голдерс-Грин, который по иронии судьбы принадлежал табачной компании) и богатые, и бедные превращались в пепел.

Работая с Виктором и Терри, я обратил внимание, что самые «счастливые» похороны чаще всего устраивают самые бедные семьи. Было прекрасно наблюдать, как родственники искренне стараются устроить близким самые лучшие похороны, даже если из-за этого им самим придется столкнуться с финансовыми трудностями. Это были настоящие торжества жизни, и, хоть мы и видели, что семья, друзья и соседи и без того изрядно потратились, мне в руку непременно всовывали пятифунтовую банкноту, чтобы мы с коллегами помянули покойного.

Похороны богачей бывают весьма зрелищными, с дюжиной машин, усеянным цветами катафалком и гробом в стеклянной карете с четырьмя запряженными вороными конями. Но проходят все неизменно скучно – кажется, люди приходят просто для галочки. Богачи чаевых никогда не оставляли.

Я не хочу сказать, что погоня за деньгами была источником всех бед, но по своему горькому опыту знаю, что одни проводят свое крайне ограниченное время на этой земле лучше, чем другие. Слишком часто в погоне за деньгами, властью или успехом люди сломя голову несутся в ими же самими сотворенный водоворот. Поверьте мне, жизнь может оборваться, не успеете вы и глазом моргнуть. Стоит периодически останавливаться и оглядываться по сторонам, чтобы понять, куда вы направляетесь. Из-за всего стресса, с которым я столкнулся в морге Саутуарка, я устремлялся прямиком в

преждевременную могилу. К счастью, мне удалось преобразить свою жизнь, и если раньше она меня пугала, то теперь я ее полюбил.

С тем же, что в жизни «лучше», боюсь, я помочь не смогу.

Сложно представить кого-либо, кто вел бы более продуктивную и приятную жизнь, чем профессор Кейт Мант. Он умер естественной смертью в своем доме, в городе Уолтон-на-Темзе, 11 октября 2000 года, в восемьдесят один год. Профессор любил людей (живых и мертвых) и каждый год приглашал студентов провести Рождество вместе с ним в его фамильном доме, где устраивал настоящее зрелище, ловко препарируя индейку, чем приводил в ужас свою горячо любимую жену Хезер. Он повстречал ее в оккупированной Германии, где преподавал в школе британской армии. У них родилось трое детей, и их брак продолжался сорок два года, вплоть до смерти Хезер в 1989 году. Уйдя на покой вскоре после моего нервного срыва, профессор продолжил читать лекции и временами участвовал в независимых комиссиях в качестве судебно-медицинского эксперта. Кроме того, он получил возможность больше времени проводить со своими орхидеями (он завоевывал призы на цветочных выставках) и за ловлей форели.

Доктор Иэн Уэст очень многое успел сделать за свою жизнь, прожитую с огромной энергией и энтузиазмом. Умер он, однако, куда более молодым, в пятьдесят семь лет, в 2001 году, к этому времени став, пожалуй, ведущим судебно-медицинским экспертом Великобритании. Кроме того, он стал следующим после профессора Манта заведующим отделением судебной патологии больницы Гая. У него было множество достижений: его избрали президентом Британской ассоциации судебной медицины, он был активным членом консультативного комитета МВД по судебной медицине. На мой взгляд, привычка Уэста брать от жизни все и сразу (много работать, пить, курить и веселиться до поздней ночи) значительно сократила его жизнь: он умер от рака легких. Доктор Уэст оставил после себя жену (его коллегу-судмедэксперта) и двоих детей от двух браков. За несколько лет до смерти он приобрел особняк в графстве Сассекс и с той же решимостью, с которой работал, взялся за восстановление огромного сада, параллельно увлекшись ружьями и охотой на диких кабанов.

Вот две выдающиеся жизни, прожитые по полной двумя крайне разными людьми, сильно отличающиеся по продолжительности. Но

кто бы смог в этом случае рассудить, была ли жизнь одного из них лучше той, которую прожил другой? Если бы доктор Уэст так много не работал и не гулял, он, возможно, прожил бы дольше, но тогда он был бы другим человеком, и, как результат, не таким счастливым. Ему определенно удалось очень многое успеть всего за пятьдесят семь лет.

> Мне стоило уволиться из морга Саутуарка намного раньше.

С другой стороны, был еще и профессор Хью Джонсон, который скончался в Центральном уголовном суде Лондона от обширного сердечного приступа в том же возрасте, что и доктор Уэст, – всего в пятьдесят семь. Он прожил свою жизнь – во всяком случае, насколько я мог об этом судить, – в состоянии постоянного бешеного возбуждения. В его биографии было полно выдающихся достижений, и он, вне всякого сомнения, был одним из величайших в стране судебно-медицинских экспертов, однако, казалось, никогда не получал особого удовольствия от процесса. Джонсон так никогда и не смирился с тем, что проиграл борьбу за пост главы отделения судебной медицины Таффи Камерону. Казалось, он вечно был злым или чем-то недовольным. Хоть вскрытие и показало, что профессор Джонсон умер от внезапного сердечного приступа из-за атеросклероза коронарной артерии, я бы предположил, что реальной причиной его смерти стал стресс, которому он себя подвергал.

Когда я задумываюсь о собственной странной маленькой жизни, то спрашиваю себя: знай я то, что знаю сейчас, что бы сделал иначе? Что бы я изменил, будь у меня такая возможность? Очевидный ответ: мне следовало уволиться из морга Саутуарка намного раньше, но задним числом говорить всегда легко. Когда ты погряз в стрессе, замешательстве и тревоге, сложно увидеть картину более широко и понять, что, как бы все ни было плохо в настоящий момент, любую ситуацию можно изменить. Пройдет совсем немного времени, и то, что вызывало такой невыносимый стресс, останется в прошлом.

> Отличный способ понять, куда вы движетесь, – это попробовать написать собственный некролог.

Подобно профессору Манту, профессору Джонсону и доктору Уэсту, я любил патологию. Мне нравилось работать с мертвыми, и я бы снова выбрал этот путь – на этот раз, разумеется, сделав все немного иначе. Тем не менее, как бы странно это ни прозвучало, я благодарен судьбе за свой нервный срыв, ведь он научил меня останавливаться, оглядываться вокруг и проводить оценку траектории своей жизни. И это лучший совет, который я могу вам дать, – выделять время на то, чтобы в полной мере понять, куда вы движетесь. Отличный способ это сделать – набросать собственный некролог. Опишите свою жизнь вплоть до настоящего момента, а затем добавьте то, что вам хотелось бы сделать в своей жизни от настоящего момента и до того дня, когда ваше тело занесут в морг.

Мой нервный срыв еще научил меня понимать, когда подкрадывается полная усталость. Если это случается, я думаю о том времени, когда приходил в себя в Саффолке, прогуливаясь с Венди и нашим сыном под тем высоким и безмятежным небом. Затем я вспоминаю, что для меня важнее всего, и отступаю от пропасти. Этот подход, каким бы простым ни показался, принес мне тридцать два года счастливой жизни (пока что).

*** * ***

Наконец, как бы вас ни встревожили мои мрачные истории о жизни в морге, вы можете расслабиться. Теперь ваше тело попадет в надежные руки. Английские морги отныне размещаются в современных, хорошо освещенных зданиях, где поддерживается постоянная температура, имеются полноценные секционные, а квалифицированный и опытный персонал работает, облачившись в костюмы полной защиты. Кражи и путаница стали огромной редкостью. В 2017 году телеканал Аль-Джазира поручил мне установить, по-прежнему ли в Великобритании у трупов забирают органы. Несмотря на все усилия, я могу с радостью сообщить, что мне не удалось обнаружить ни одного факта коррупции. Мертвые наконец покоятся с миром.

Далвич

2019

Благодарности

Все писатели полагаются на поддержку родных и друзей, и я не исключение. Создание этой книги, от идеи до публикации, заняло восемь лет, и она никогда не была бы опубликована без помощи и воодушевления следующих людей. Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить своего потрясающего соавтора Криса Холлингтона, который безустанно работал, чтобы подготовить мою историю к печати. Мой агент Эндрю Лоуни и выпускающий редактор издательства Icon Кьера Джемисон заслужили мою вечную благодарность за свою веру в этот проект и его самоотверженную реализацию, равно как и редактор Эллен Конлон, сотрудник издательства Эндрю Фарлоу, публицист Рут Киллик и менеджер по маркетингу Люси Купер. Надеюсь, мои постоянные письма и звонки не вызвали у вас переизбыток стресса!

Наконец, мне хотелось бы выразить особую благодарность своим четырем верным друзьям, которые постоянно загоняли меня за клавиатуру и читали и перечитывали первые черновики: Тайле Гудман и Эрине Кармайкл, поддерживавшим мой здравый рассудок на протяжении всего проекта, а также Джону Боулеру и Джорджу Уолкеру, познакомившим меня с секретным источником вдохновения писателя – первоклассным вином в ресторане «Сэвайл». Спасибо вам всем, и будем надеяться, если старуха с косой позволит, я еще вернусь с продолжением!

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

notes

Примечания

1

В некоторых странах это специальный эксперт, расследующий смерти с необычными обстоятельствами или произошедшие внезапно и объявляющий причину смерти.

2

Тип малоэтажной жилой застройки, при котором расположенные в ряд однотипные жилые дома блокируются друг с другом боковыми стенами. Каждый из таких домов имеет отдельный вход, небольшой палисадник и иногда гараж.

3

Административная должность в англоязычных странах (конная полиция по-современному; как правило, в правоохранительных органах).

4

Американская писательница, известная серией детективных романов о судебно-медицинском эксперте Кей Скарпетта.

5

Уи́льям Хо́гарт (1697–1764) – английский художник-реалист. Здесь речь о гравюре, иллюстрирующей «Потерянный рай» Мильтона Джона, – барочное видение художником Дворца Пандемониума (столицы ада), воздвигнутого дьяволами в аду.

6

Семейство ночных бабочек.

7

Англоязычный учебник анатомии человека, признанный классическим.

8

Район южного Лондона.

9

Горбун Игорь (часто произносится как «Игор») – стереотипный персонаж готических ужасов или темного фэнтези, иногда встречающийся и в других жанрах. Он представляет собой маленького уродливого слугу на побегушках у злодея (чаще всего безумного ученого, вампира или кого-то вроде них).

10

Углубление, ниша в комнате или другом помещении.

11

Название королевского театра в Лондоне.

12

Речь идет о сердечной сумке. Она ригидна, и при гипертрофической кардиомиопатии сердцу не остается места для сокращения.

13

Домина – понятие, используемое, как правило, в отношении женщин, которые предлагают практики в составе БДСМ, такие, как садизм и доминирование.

14

Престижный тихий район Лондона.

15

Такими потенциальными уликами, как фрагменты волос, текстильные волокна, следы крови и т. д.

16

Поджанр фильмов ужасов, в нем характерно, как правило, наличие убийцы-психопата (иногда носящего маску), который преследует и изощренно убивает одного за другим некоторое число людей, чаще всего подростков, в типично случайной неспровоцированной манере, лишая жизни многих за один день.

17

Жанровые фильмы, эксплуатирующие какую-либо популярную тему в целях быстрого заработка.

18

От английского yard – «двор».

19

Второй по размеру после Хитроу аэропорт Лондона.

20

Мощное бризантное взрывчатое вещество класса динамитов (нитроглицериновых ВВ).

21

Под таким названием в английской историографии известен северно-ирландский конфликт.

22

Пензансские пираты, перевод Георгия Бена.

23

Начальник полиции.

24

Катастрофически некомпетентный полицейский, главный герой серии комедийных кинофильмов о «Розовой пантере».

25

Британская мыльная опера о повседневной жизни жителей восточной части Лондона.

26

Stella Artois, светлое пиво.

27

Адвокат, ведущий дело, в английской судебной системе.

28

Наука, изучающая строение, вариации и эволюцию зубочелюстной системы.

29

Джеймс Биггльсворт по прозвищу Биггльз – вымышленный пилот и искатель приключений, главный герой серии приключенческих книг У. Э. Джонса.

30

Securicor была одной из крупнейших охранных компаний в Великобритании.

31

Королевская конная полиция.

32

В честь названия хранилища – Brink’s-Mat.

33

Деловой квартал в восточной части Лондона.

34

Сквоттинг – нелегальное, самовольное заселение помещение.

35

Так называют валлийцев из-за приписываемого им произношения имени Davy, уменьш. от Дэвид. Св. Давид считается их покровителем.

36

Перевод М. Лозинского.

37

Принятая в Англии классификация исторических зданий по степени их ценности: первый уровень – объекты, представляющие чрезвычайный интерес; второй – особенно важные знания более чем особого интереса; третий – здания, не представляющие особого интереса, однако стоящие усилий по их сохранению.

38

На тот момент самый самый жесткий и бедный район из всех гетто в Западной Европе.

39

От англ. borough. Название административно-территориальных единиц в основном в англоязычных странах.

40

Термин, обозначающий преступные группировки на Ямайке или состоящие из ямайцев.

41

Thurston, Gavin, Spontaneous Human Combustion, The British Medical Journal, 1938; 1: 1340.

42

Не бывает туберкулеза только волос и ногтей. Но туберкулез в легких – самая частая локализация.

43

Исторически второй антибиотик, он же первый из группы аминогликозидов, а также первый, оказавшийся эффективным против туберкулеза и чумы.

44

Специальный закрывающийся планшет с углублениями, который служит для культивирования клеточных культур, хранения различных сред, посевов и прочего.

45

Старшая врачебная должность в Великобритании.

46

Улица в Лондоне, где расположены кабинеты преуспевающих врачей.

47

Скорее всего, речь идет об американском певце и актере Майкле Ли Эдее, более известном под сценическим псевдонимом Мит Лоуф – мясной рулет, и подразумевается внешнее сходство.

48

Имеется в виду Эдвард Вудворд, сыгравший главную роль в американском сериале «Уравнитель».

This file was downloaded from Z-Library project

Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.

z-library.sk z-lib.gs z-lib.fm go-to-library.sk

Official Telegram channel

Z-Access

https://wikipedia.org/wiki/Z-Library